

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 3 (98) 2026

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 3 (98) 2026 год

Учредитель – ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук;

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Выборнов А.А., д-р ист. наук (Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону);

Крысенко Д.С., д-р ист. наук (Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова);

Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Липинский В.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Минаев А.И., д-р ист. наук (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина);

Муза Д.Е., д-р философ. наук (ДонГУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДонГУ);

Цыганков П.А., д-р философ. наук (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (ДонГУ).

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(Лицензионный договор № 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 91883 от 03.07.2026

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации 125009, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный Округ Тверской, ул. Тверская, д. 11, стр. 1;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Адрес редакции:
283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +7(856) 302-07-25

e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru

razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <https://dongu-hipis.ru/>

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – № 3/2026 (98). – 194 с.

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№ 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.**

С 01.02.2025 г. научный журнал «Журнал исторических, политологических и международных исследований» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.3. Археология (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2026

© Авторский коллектив выпуска, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Колесник А.В., Чуб А.А., Левченко М.Т.** К характеристике технологии расщепления кости в среднем палеолите (по данным эксперимента).....7
- Коваленко П.П.** История полевых исследований погребальных памятников катакомбной общности в бассейне среднего течения Северского Донца на новейшем этапе (90-е гг. XX в. – настоящее время).....25

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Мишечкин Г.В.** Нарушения западной границы СССР (28 сентября 1939 – 21 июня 1941 гг.): попытки Германии создать провокацию или целенаправленная подготовка к полномасштабной войне40
- Инюшев К.С.** Проблемы управления частями Южного фронта в боевых действиях на территории Северной Таврии и Донбасса в 1941 г.....55
- Евсюкова Н.В., Александров Я.В.** Профориентационная работа в Славянском государственном педагогическом институте к. 1950-х – н. 1960-х гг.....67

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

- Янченко Д.С.** Панарабизм и арабский национализм: отражение проблемы в отечественной историографии.....77
- Муртузалиев С.И., Харьковский Р.Г.** Турецко-египетский кризис 1831-1833 гг.: позиция России и других великих держав.....86

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Крысенко Д.С.** Проблема Республики Биафра в системе международных отношений (1967–1970).....98
- Кухтин М.М., Кузнецова Е.В.** Проблемы концептуализации многополярной модели мироустройства.....120
- Онопко О.В.** Экспертный фактор в формировании стратегической культуры внешней политики Украины (на примере Национального института стратегических исследований в 2014-2026 гг.).....131

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Светлякова М.А.** Внутренние факторы системного кризиса Европейского союза: институциональный, социально-экономический и идентитарный измерения.....43
- Посредников Д.В., Ильницкий И.И.** Манипуляция общественным сознанием в эпоху генеративного ИИ: теоретические модели, эмпирические индикаторы, механизмы противодействия.....159

ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

- Николаев Ю.Б.** Особенности генезиса национальных движений: нивелирование проблемы украинского национализма в новых субъектах Российской Федерации.....167

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Василиади А.Х., Киор А.А. Новые формы патриотизма среди молодежи: активизм, волонтерство и защита исторического наследия.....	175
Скворцов Ю.А., Лисовой А.В. Коллективный образ русского человека в контексте современных политических вызовов.....	183

CONTENT

ARCHEOLOGY

- Kolesnik A.V., Chub A.A., Levchenko M.T.** On the characteristics of bone splitting technology in the Middle Paleolithic (according to experimental data).....7
- Kovalenko P.P.** History of archaeological investigations of the burial monuments of the catacomb community in the middle Seversky Donets basin during the latest period (1990s – present day).....25

NATIONAL HISTORY

- Mishechkin G.V.** Violations of the western border of the USSR (September 28, 1939 – June 21, 1941): German attempts to create a provocation or purposeful preparation for a full-scale war.....40
- Inushev K.S.** The problems of managing the units of the Southern Front in the fighting on the territory of Northern Tavria and Donbass in 1941.....55
- Evsukova N.V., Aleksandrov Ya.V.** Career guidance work at the Slavyansk State Pedagogical Institute 1950s – present 1960.....67

THE WORLD HISTORY

- Yanchenko D.S.** Pan-Arabism and Arab Nationalism: reflection of the problem in Russian historiography.....77
- Murtuzaliev S.I., Kharkovsky R.G.** The Turkish-Egyptian crisis of 1831-1833: the position of Russia and other Great powers.....86

INTERNATIONAL RELATIONS

- Krysenko D.S.** The problem of the Republic of Biafra in the system of international relations (1967-1970).....98
- Kukhtin M.M., Kuznetsova E.V.** Problems of conceptualization of the multipolar model of the World Order.....120
- Onopko O.V.** The Expert factor in Shaping the Strategic Culture of Ukraine's Foreign Policy (using the example of the National Institute for Strategic Studies in 2014-2026).....131

POLITOLOGY

- Svetlyakova M.A.** Internal factors of the systemic crisis in the European Union: institutional, socio-economic, and identity-related dimensions143
- Posrednikov D.V., Ilitskiy I.I.** Manipulation of public consciousness in the era of generative AI: theoretical models, empirical indicators, counteraction mechanisms.....159

QUESTIONS OF DENAZIFICATION

- Nikolaev Yu.B.** Features of the genesis of national movements: leveling the problem of Ukrainian nationalism in the new subjects of the Russian Federation.....167

DISCUSSION

- Vasiliadi A.Kh., Kior A.A.** New forms of patriotism among young people: activism, volunteerism and protection of historical heritage.....175
- Skvortsov Yu.A., Lisovoy A.V.** The collective image of the Russian person in the context of modern political challenges.....183

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903.01"632.3"

DOI: 10.5281/zenodo.23021751

EDN: YGNDUI

А.В. Колесник

доктор исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: akolesnik2007@mail.ru

А.А. Чуб

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: andrechyb2004@yandex.ru

М.Т. Левченко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: sprmdvlln@yandex.ru

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕХНОЛОГИИ РАСЩЕПЛЕНИЯ КОСТИ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация

Костяная индустрия среднего палеолита была организована как каменная индустрия и состояла из двух этапов: расщепления крупных костей на сколы и изготовления орудий из сколов. В коллекциях стоянок Донбасса, Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона немногочисленные костяные орудия были связаны с разделкой туш бизонов и лошадей. Эксперименты по расщеплению трубчатых костей крупных копытных животных позволяют дать количественную и качественную характеристику костяной индустрии среднего палеолита региона.

Ключевые слова: *средний палеолит, орудия из кости, технология расщепления кости, эксперименты по расщеплению кости, Донбасс, Северо-Восточное Приазовье, Нижний Дон.*

Summary

The bone industry of the Middle Paleolithic was organized like a stone industry and consisted of two stages: splitting large bones into flakes and making tools from the flakes. In the collections from the sites in the Donbas, the Northeastern Azov region, and the Lower Don, the few bone tools were associated with butchering the carcasses of bison and horses. Experiments on splitting the tubular bones of large ungulate animals make it possible to provide a quantitative and qualitative characterization of the bone industry of the Middle Paleolithic in the region.

Keywords: *Middle Paleolithic, bone tools, bone splitting technology, bone splitting experiments, Donbass, Northeastern Azov region, Lower Don region.*

Введение. Технологической основой раннего и среднего палеолита являлась ударная техника скалывания, основанная на расщеплении различных материалов при помощи управляемых кинетических импульсов. Ударение (соударение) предметов приводило к образованию скалывающих трещин, которые по-разному распространялись в средах, но всегда приводили к управляемой фрагментации предмета расщепления. Навыки раскалывания кости в раннем и среднем палеолите в основном были связаны с фрагментацией трубчатых костей крупных животных (преимущественно копытных) в пищевых целях, для добычи костного мозга, одновременно они были востребованы при изготовлении немногочисленных ситуационных орудий труда.

В незначительном количестве костяные орудия представлены во всех памятниках среднего палеолита, включая Донбасс, Северо-Восточное Приазовье и Нижний Дон. Заселенность региона была достаточно плотной [1-10], остатки фауны сохранились на стоянках Рожок I и II [2; 11], Бирючья Балка 2 [10; 12] и Курдюмовка [13]. В плане культурной таксономии памятники относятся к микоку [4; 14-19], Белокузьминовской группе [13] и другим вариантам среднего палеолита [20]. Недавно также в поле зрения археологов попал необычный памятник, до этого считавшийся палеонтологическим объектом времени существования поздних неандертальцев – Порт-Катон [21; 22]. Обильная коллекция костей ископаемого бизона содержит явные следы антропогенного воздействия с пищевыми и непищевыми целями. Новые материалы дают основание для количественной и качественной оценки поведения людей среднего палеолита в сфере утилизации продуктов охоты.

Целью настоящей публикации является обоснование дополнительных критериев искусственного расщепления трубчатых костей животных в пищевых и производственных целях на основании археологических данных из памятников Донбасса, Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона, а также на основе полученных экспериментальных результатов. Работа продолжает ранее начатые авторами исследования [23].

Модели расщепления трубчатых костей крупных копытных и пищевых и производственных целях по археологическим данным

Пищевой и непищевой (производственный) контексты расщепления трубчатых костей крупных копытных животных в технологическом плане тесно переплетены между собой в технологическом контексте и операционной последовательности. Вместе с тем, отличия в целях расщепления определенным образом отражаются в последовательности операций и в образующихся продуктах расщепления. Эти две базовые модели расщепления трубчатых костей крупных копытных могут быть представлены следующим образом.

Модель расщепления трубчатых костей крупных копытных в пищевых целях связана исключительно с целью добычи костного мозга. Костный мозг –

ценный пищевой продукт, который в массовом порядке потреблялся в сыром виде на месте забоя животных как лакомство и богатый источник стволовых клеток, жиров, коллагена и группы витаминов. Фрагменты трубчатых костей из культурных слоев стоянок разного типа не имеют следов термической обработки, которые можно было бы связать с предварительной кулинарной подготовкой. Видимо, потребление сырого костного мозга животного происхождения в значительном количестве было важной составной частью диеты и технологии питания популяций охотников-собираателей среднего палеолита.

Технология добычи костного мозга из трубчатых костей реконструируется по характеру костного дебритажа и крупных фрагментов эпифизов с участками диафизов со следами долотовидного износа. Такой тип износа связан с выколачиванием костного мозга из крупных фрагментов трубчатых костей и отмечен в фаунистических коллекциях как стоянок среднего палеолита [11; 24], так и в экспериментальных сериях [25; 26]. Долотовидный износ связан с участками поперечного сечения диафизов и объясняется кинематикой выколачивания содержимого трубчатой полости ударами о плотную преграду. Такие удары приводили к разрушению кольцевого сечения с образованием сопряженных негативов сколов на внутренней и внешней стороне диафиза в результате отраженного импульса (контрударного эффекта). Отщепы трубчатой полости, скалываемые соосно или поперечно ориентированными по отношению к оси диафиза ударами, имеют оскольчатый или оскольчато-волновой характер.

В коллекции фаунистических остатков из Порт-Катона также выделяется серия отщепов и крупных фрагментов трубчатых костей со следами утилизации в пищевых целях [23]. Отщепы относятся к разным типам по причине различных приемов расщепления. Кроме того, в местной коллекции также представлены отщепы и изделия, непосредственно не связанные с пищевыми целями – это два фрагмента стенок с вторичными сколами с внутренней стороны, а также обломок орудия с ретушью [23].

Модель расщепления трубчатых костей крупных копытных в производственных целях была ориентирована на изготовление ситуационных орудий из костяных отщепов и эпифизов костей, в основном полученных в ходе разделки туш и добычи костного мозга. Под ситуационными инструментами следует понимать орудия, создаваемые из подручных материалов для решения краткосрочных производственных задач. Наиболее массовыми изделиями из фрагментов костей, преимущественно трубчатых, являются т.н. ретушеры, дискуссия вокруг которых длится с момента их выделения в материалах грота Ля Кина в конце XIX в. [27-29; 30, с. 116-126]. В многочисленных работах отмечается использование для этих целей специально отобранных из костяного дебритажа фрагментов трубчатых костей определенных размеров, образовавшиеся в ходе первичной разделки туш животных и извлечении костного мозга, реже фаланг или эпифизов копытных [31-38]. Костяная индустрия среднего палеолита включает отдельные типы орудий: костяные и бивневые острия [39, рис. 1, 1], проколки [40], двусторонне ретушированные

орудия, скребла [34], остроконечники [39, рис. 1, 6], ложила, лопаточки-острия [41, рис. 8-2], слабомодифицированные изделия [42]. В рамках костяной индустрии среднего палеолита приемы интенсивного и слабого моделирования орудий не противоречат модели первоначального расщепления костей животных в пищевых целях, т.е. в связи с образованием основного количества костяных отщепов-заготовок при раскалывании костей с целью добычи костного мозга.

Модели расщепления трубчатых костей крупных копытных и пищевых и производственных целях по данным экспериментов

Эксперименты по расщеплению трубчатых костей крупных копытных ведутся достаточно давно. Детальный обзор экспериментально-трассологических методов исследования при изучении костяных индустрий палеолита содержится в статье Н.Б. Ахметгалеевой [43]. Наши эксперименты близки результатам экспериментального расщепления трубчатых костей крупных копытных с целью добычи костного мозга по мотивам коллекций сибирячихинского варианта среднего палеолита [44], однако ориентированы на дифференцированную оценку морфологии продуктов расщепления по геометрии скалывающих трещин.

Свежая трубчатая кость – прочный элемент скелета, в ходе эволюции приспособленный для значительных комплексных продольных динамичных нагрузок, и при воздействии на который гарантированный слом происходит в основном при поперечных импульсах. Практическим путем нами были установлены наиболее эргономичные способы раскалывания трубчатых костей крупных копытных животных на различные фрагменты¹.

В ходе проведения трех экспериментальных сессий было установлено, что раскалывание крупных трубчатых костей осуществляется двояко – методом удара кости диафизной частью о другую крупную кость или о прочную статичную основу (камень, бревно), либо же ударами камнем по наиболее узкому участку диафиза. При ударе о преграду в технике *bloc-on-bloc* с одной стороны кости возникает зона сжатия, с другой – зона растяжения. Характер ребер жесткости в структуре стенок трубчатых костей приводит к образованию удлиненных соосных фрагментов с оскольчатыми концами в зоне сжатия и таких же фрагментов вместе с удлиненными соосными фрагментами с округленными дистальными концами в зоне растяжения. Распространение скалывающих трещин соосно, вдоль оси диафиза, определяется микроструктурой костной ткани и приводит к возникновению торцов сломов с нераковистым рельефом.

¹ В наших экспериментах использовались целый свежие кости конечностей современного быка как наиболее близкого к ископаемому бизону биологического вида. Экспериментальное расщепление производилось на базе ООО «Красноярская геоархеология» (г. Красноярск) в июле 2023 г. и на базе Археологической научно-исследовательской группы ФГБОУ ВО «ДонГУ» (г. Донецк) в марте и августе 2026 г. Всего за три сессии экспериментов было расщеплено 12 целых костей, среди которых – бедренные, плечевые и лучевые. Ударными орудиями выступали обломки камней весом до 350 гр.

При ударе каменным отбойником по диафизу кости происходит проседания участка стенки в месте приложения импульса с образованием системы соосных и не соосных трещин с оскольчатыми краями (рис. 1, 1-2; рис. 2, 1-2; рис. 3, 1-2). В зоне проседания формируется зона с невыраженными признаками ударов, это хорошо видно по результатам ремонтажа продуктов расщепления (рис. 1, 3; рис. 2, 3; рис. 3, 3).

Рис. 1. Экспериментальное расщепление трубчатой кости, модель 6. Процесс расщепления (1), зона нанесения ударов (2), ремонтж продуктов расщепления (3).

1

2

3

Рис. 2. Экспериментальное расщепление трубчатой кости, модель 7. Процесс расщепления (1), зона нанесения ударов (2), ремонтаж продуктов расщепления (3).

1

2

3

Рис. 3. Экспериментальное расщепление трубчатой кости, модель 8. Процесс расщепления (1), зона нанесения ударов (2), ремонтаж продуктов расщепления (3).

Образовавшиеся эпифизы с метафизами и участками диафизов подвергались дальнейшему раскалыванию, а также выколачиванию костного мозга из полости диафиза ударами торцом слома о камень. Раскалывание приводило к отделению костных отщепов со спиралевидным и раковистым рельефом скалывающей трещины на боковых и дистальных (в основном) участках (рис. 4, 1-8). Выколачивание приводило к эффекту долотовидного износа на торцах крупных обломков костей. Археологические эквиваленты подобным продуктам расщепления кости отмечены ранее в материалах стоянки Рожок I [24] и местонахождения Порт-Катон [23] на берегу Таганрогского залива. В целом же, по характеру скалывающих трещин по краям костяных фрагментов можно составить представление об их позиции в общей последовательности расщепления кости. Сколы с внутренней стороны крупного костяного отщепа (рис. 5), повторяющие последовательность обработки нескольких фрагментов кости из местонахождения Порт-Катон, связаны с обработкой продуктов расщепления трубчатой кости в пищевых целях, но уже после извлечения костного мозга были направлены на формирование ретушированного орудия.

Рис. 4. Костяные отщепы, полученные в результате вторичного раскалывания фрагментов трубчатых костей (1-8).

Рис. 5. Костяной отщеп со следами обработки с внутренней стороны.

Важно отметить количественные показатели моделирования. В наших опытах при раскалывании крупных трубчатых костей копытных животных образуется от 4 до 8 крупных и средних фрагментов от одной кости, не считая эпифизных частей и мелких осколков. Такую интенсивность переработки данного важного биологического ресурса, видимо, следует диагностировать как умеренную.

Обсуждение эксперимента

Искусственное расщепление костей, как и камня, возможно только в рамках т.н. «технологических необходимостей», обусловленных физическими закономерностями раскалывания изоморфных материалов ударными импульсами. Повторение морфологии древних предметов в экспериментальных сериях с высокой долей вероятности означает повторение технологии и порядка расщепления. Эмпирическим путем подобранная технология и порядок раскалывания трубчатых костей в эксперименте дали результаты, сопоставимые с материалами археологических коллекций. Это дает нам основание считать эксперимент корректным и предполагать тот же порядок раскалывания костей в древности, что и в наших опытах.

В ходе раскалывания костей с целью извлечения костного мозга образовывались сколы и остаточные крупные фрагменты кости – своеобразные «нуклеусы». Часть сколов трансформировалась в орудия при помощи вторичной обработки, скорее всего, для целей дальнейшей разделки туши животного. Формально, повторяется последовательность изготовления ретушированных каменных орудий из сколов с нуклеусов. В материалах Рожка I (VI культурный горизонт), Бирючьей Балки 2 и Порт-Катона ситуационные костяные орудия не выходят за пределы контекста технологии разделки туш на месте забоя животных. Такой контекст костяных орудий широко развит в среднем палеолите, в рамках которого костяные орудия использовались в основном ситуационно. Это касается как различных ножей и формальных скребел, так и ретушеров, для производства которых в основном использовались продукты расщепления костей в пищевых целях. Специальная технология изготовления костяных

орудий вне пищевой разделки скелета животных пока не может быть надежно обоснована.

Повторенная в ходе эксперименте вторичная обработка костяных отщепов мелкими сколами с внутренней стороны не была связана с извлечением костного мозга и укладывается в контекст изготовления ретушированных орудий (начальный этап). Подобными мелкими регулярными сколами устранялся естественный карниз, формировался заостренный в поперечном сечении край изделия из костяного скола.

Заключение. Археологические материалы и данные экспериментов показывают устойчивый порядок раскалывания трубчатых костей крупных копытных животных, который можно описать как самостоятельную технологию обработки костей в пищевых и непищевых (производственных) целях. В рамках этой технологии приемы и последовательность обработки были адаптированы под особенности предмета расщепления – полый цилиндрический предмет с кольцевым сечением. Стенки кости неоднородны по своей структуре и плотности, но свойство кости образовывать раковистую трещину при ударе позволяло управлять раскалыванием как на стадии образования сколов и фрагментов, так и на стадии формирования орудий из сколов и фрагментов. Раскалывание трубчатых костей в пищевых и непищевых (производственных) целях были тесно взаимосвязаны, так как осуществлялись в рамках одной операционной последовательности в пределах технологии разделки охотничьей добычи. Подобный контекст изготовления ситуационных костяных орудий, видимо, является основным. Новые наблюдения, полученные в ходе экспериментов, позволяют детализировать технологическую базу переработки продуктов охоты людьми среднего палеолита на территории вышеобозначенного региона.

Статья подготовлена в рамках г/б темы «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса» (номер госрегистрации 1025031300216-2-6.1.1), а также ГЗ «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

Авторы благодарят О.А. Полякову, Н.В. Манько, М.Ф. Охмуш за техническую помощь, оказанную в рамках подготовки данной статьи.

Список источников и литературы:

1. Гладили В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы / В.Н. Гладили. – К.: Наукова думка, 1976. – 231 с.
2. Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона / Н.Д. Праслов // – Материалы и исследования по археологии СССР № 157. – Л.: Наука, 1968. – 156 с.

3. Праслов Н.Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма / Н.Д. Праслов // Палеолит СССР / Ред.: П.И. Борисковский. – М.: Наука, 1984. – С. 94-134.
4. Данильченко А.Ю. Марьева Гора – памятник среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье / А.Ю. Данильченко, А.В. Колесник, А.К. Очередной, Ю.Н. Зоров // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2020. – № 1. – С. 201-224.
5. Данильченко А.Ю. История изучения среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и нижнего течения р. Северский Донец / А.Ю. Данильченко // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2022. – № 1. – С. 387-403. – DOI: 10.55086/sp221 387403
6. Колесник А.В. К определению функциональной variability памятников среднего палеолита Донбасса / А.В. Колесник // *Археологический альманах*. – Донецк, 1996. – № 5. – С. 49-70.
7. Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса / А.В. Колесник // *Археологический альманах*. – Донецк, 2002. – № 12. – 294 с.
8. Колесник А.В. Система расселения и сырьевые стратегии в среднем палеолите Донбасса / А.В. Колесник // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2016. – № 1. – С. 79-84.
9. Колесник А.В. Донецкая модель палеолита / А.В. Колесник // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. – Иркутск, 2017. – Вып. 6. – С. 112-119.
10. Матюхин А.Е. Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона / А.Е. Матюхин. – СПб: Нестор-История, 2012. – 244 с.
11. Колесник А.В. Распределение культурных остатков по горизонтам стоянки Рожок I: реконструкция охотничьей стратегии и поселенческих структур / А.В. Колесник, В.В. Титов, А.Ю. Данильченко, О.Г. Олих, М.Т. Левченко, А.А. Чуб // *Camera praehistorica*. – 2025а. – № 1 (14). – С. 42-69. – DOI: 10.31250/2658-3828-2025-1-42-69
12. Данильченко А.Ю. Костяные артефакты из стоянки Бирючья Балка 2 в нижнем течении Северского Донца / А.Ю. Данильченко, В.В. Титов // *Cultural Heritage and Modern Technologies*. – 2026. – № 4. – С. 10-21. – DOI: 10.24412/2837-0759-2026-4010021
13. Колесник А.В. Белокузьминовская группа памятников в контексте современной проблематики палеолита Восточной Европы / А.В. Колесник // *Записки Института истории материальной культуры РАН*. – 2023. – № 29. – С. 17-25. – DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-17-25
14. Колесник А.В. «Восточный Микок» – миф или реальность? / А.В. Колесник // *Археологический альманах*. – Донецк. 1999. – № 8. – С. 37-50.
15. Колесник А.В. Памятники «Востономикокского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья / А.В. Колесник // *Записки Института истории*

материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 141-150. – DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-141-150

16. Колесник А.В. Двусторонне обработанные изделия D-образной формы из памятников среднего палеолита Донбасса и Северо-Восточного Приазовья / А.В. Колесник // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. – 2024. – № 1. – С. 5-23. – DOI: 10.31600/2658-3925-2024-1-5-23

17. Левченко М.Т. Микокско-прондникская проблематика в работах западноевропейских археологов в 1960–1980 гг. / М.Т. Левченко // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15-17 октября 2024 г.). – Том 7: Исторические и политические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 304-306.

18. Левченко М.Т. Концепция «восточного микок» в трудах В.Н. Гладылина / М.Т. Левченко // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3 т. Т. I. Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. – С. 182-184.

19. Очередной А.К. Комплексные геоархеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины // А.К. Очередной, Е.В. Воскресенская, К.Н. Степанова, Л.Б. Вишняцкий, П.Е. Нехорошев, А.В. Ларионова, Н.Е. Зарецкая, Е.К. Блохин, А.В. Колесник // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 74-83. – DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-74-83

20. Колесник А.В. Мир человека среднего палеолита Донбасса и Приазовья / А.В. Колесник, В.В. Титов, А.Ю. Данильченко, П.Г. Панин, Е.А. Константинов / Stratum plus. Археология и культурная антропология. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2025б. – № 1. – С. 125-151. – DOI: 10.55086/sp251125151

21. Байгушева В.С. Новое палеонтологическое местонахождение в северо-восточной части Таганрогского залива / В.С. Байгушева, Г.И. Тимонина // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. – Азов, 2004. – № 20. – С. 189-191.

22. Байгушева В.С. Массовое захоронение позднеплейстоценовых бизонов в северо-восточном Приазовье (Порт-Катон, Ростовская область) / В.С. Байгушева, В.В. Титов, Г.И. Тимонина, А.Н. Симакова, А.С. Тесаков // Доклады Академии наук. – 2014. – Т. 454, № 6. – С. 680-682.

23. Понурко А.Л., Данильченко А.Ю., Колесник А.В., Чуб А.А. Новые данные по среднему и позднему палеолиту местонахождения Рогожкино на Нижнем Дону // Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – 2026. – № 2. – С. 6-16.

24. Колесник А.В. Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье / А.В. Колесник, Е.Ю. Гиря, А.Ю. Данильченко, В.В. Титов, О.Г. Олих, А.К. Очередной // Stratum

plus. Археология и культурная антропология. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2023. – № 1. – С. 101-125. – DOI: 10.55086/sp231101125

25. Чуб А.А. О природе «долотовидных костяных изделий» среднего палеолита / А.А. Чуб // Верхнедонской археологический сборник: Материалы VI Международной археологической конференции «Археология в исследованиях молодых» (10-12 октября 2022 г.) / отв. ред. А.Н. Бессуднов, А.Н. Голотвин, Е.Ю. Захарова. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – Вып. 13. – С. 8-11.

26. Чуб А.А. Костяные изделия палеолита с долотовидным износом / А.А. Чуб // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3 т. Т. I. Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. – С. 270-272.

27. Martin H. Ossements utilisés par l'homme moustérien de la station de la Quina (Charente) / H. Martin // Bull. Soc. Préhist. de France. – 1906. – Т. 3. – Pp. 155-162.

28. Chauvet G. Les fouilles a la Quina du Dr. H. Martin / G. Chauvet // Bull. Soc. Arch. et Hist. de la Charante. – 1907. – Т. VII.

29. Capitan L. Origine et mode de fabrication des principaux types d'armes et outils en pierre / L. Capitan // Revue anthropologique. – 1917. – Т. 27. – Pp. 1-51.

30. Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба / Г.А. Бонч-Осмоловский // Палеолит Крыма. Вып. 1. – М.-Л.: АН СССР, 1940. – 226 с.

31. Abrams G. Palaeolithic bone retouchers from Belgium: a preliminary overview of the recent research through historic and recently excavated bone collections / G. Abrams // The Origins of Bone Tool Technologies: Retouching the Palaeolithic: Becoming Human and the Origins of Bone Tool Technology. – Mainz: RGZM-Tagungen, 2018. – Pp. 197-213.

32. Costamagno S. Lower Paleolithic bone tools from the 'Spear Horizon' at Schöningen (Germany) / S. Costamagno, L. Bourguignon, M.-C. Soulier, L. Meignen, C. Beauval, W. Rendu, C. Mussini, T.V. Kolfschoten, S.A. Parfitt, J. Serangeli, S.M. Bello // Journal of Human Evolution. – 2015. – Vol. 89. – Pp. 226-263. – DOI: 10.1016/j.jhevol.2015.09.012

33. Daujeard C. Middle Paleolithic bone retouchers in Southeastern France: Variability and functionality / C. Daujeard, M.-H. Moncel, I. Fiore, A. Tagliacozzo, P. Bindon, J.-P. Raynal // Quaternary International. – 2014. – Vol. 326-327. – Pp. 492-518.

34. Romandini M. A retouched bone shaft from the late mousterian at fumane cave (Italy). Technological, experimental and micro-wear analysis / M. Romandini, E. Cristiani, M. Peresani // Comptes Rendus Palevol. – 2014. – Vol. 14, Iss. 1. – Pp. 63-72. – DOI: 10.1016/j.crpv.2014.08.001

35. Yevtushenko A.I. Kabazi V: introduction and excavation / A.I. Yevtushenko // The Middle Paleolithic of Western Crimea. Vol 1. / Eds. by A.E. Marks and V.P. Chabai. – Liège: ERAUL, 1998. – № 84. – Pp. 273-286.

36. Козликин М.Б. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы / М.Б. Козликин, В.А. Михиенко, Е.А. Францева, М.В. Шуньков // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4 (28). – С. 7–14.
37. Колобова К.А. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры / К.А. Колобова, С.В. Маркин, В.П. Чабай // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 35-39.
38. Чистяков П.В. Новые данные по костяной индустрии стоянки Староселье (раскопки А.А. Формозова) / П.В. Чистяков, А.С. Колясникова, С.П. Медведев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2022. – Т. 28. – С. 143-151. – DOI: 10.17746/2658-6193.2022.28.0143-0151
39. Голованова Л.В. Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа / Л.В. Голованова // Краткие сообщения Института археологии. – 2017. – Вып. 246. – С. 169–184.
40. D'Errico F. Many awls in our argument. bone tool manufacture and use in the Châtelperronian and Aurignacian levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure / F. D'Errico, M. Julien, D. Liolios, M. Vanhaeren, D. Baffier // The chronology of the Aurignacian and of the transitional technocomplexes: dating, stratigraphies, cultural implications: proceedings of symposium of the XIVth Congress of the UISPP (University of Liège, Belgium, September 2-8, 2001). – Lisboa: Instituto Português de arqueologia. Trabalhos de arqueologia; 33, 2003. – Pp. 247-271.
41. Степанчук В.Н. Глава VIII. Каменная и костяная индустрии слоев III и IIIa. Индивидуальные находки / В.Н. Степанчук, А.Н. Цвельх // Поздние неандертальцы Крыма. Заскальная VI (Колосовская). Слои III и IIIa. Коллективная монография / Под ред. В.Н. Степанчука и С.В. Васильева. – К: ЧП «Издательство «СЛОВО», 2018. – С. 157-165.
42. Козликин М.Б. Слабомодифицированные костяные орудия из Денисовой пещеры на Алтае / М.Б. Козликин, У. Рандю, Х. Плиссон, М. Боманн, М.В. Шуньков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – № 1 (48). – С. 16-28. – DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.016-028
43. Ахметгалеева Н.Б. Значение экспериментально-трассологических методов исследования при изучении костяных индустрий палеолита на примере материалов стоянок Восточной Европы / Н.Б. Ахметгалеева // Краткие сообщения Института археологии. – 2017. – Вып. 246. – С. 70-85.
44. Селецкий М.В. Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая / М.В. Селецкий, А.С. Колясникова, В.М. Харевич, К.А. Колобова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. 25. – С. 238-244. – DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.238-244

REFERENCES

1. Gladilin V.N. (1976) Problems of the Early Paleolithic of Eastern Europe. Kiev, Naukova Dumka. (In Russian). 231 p.

2. Praslov N.D. (1968) [Early Paleolithic of the North-Eastern Azov Sea region and the Lower Don region]. Materials and Research on Archaeology of the USSR. 157. Leningrad. (In Russian). 156 p.
3. Praslov N.D. (1984) [Early Paleolithic of the Russian Plain and Crimea]. In: Paleolithic of the USSR. Moscow. Pp. 94–134. (In Russian).
4. Danil'chenko A.V., Kolesnik A.V., Ocherednoi A.K., & Zorov Yu.N. (2020) Marieva Gora - a Middle Paleolithic site in the North-Eastern Azov Sea region. Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 1. Pp. 201–224. (In Russian).
5. Danil'chenko A.Yu. (2022) History of the Study of the Middle Palaeolithic of the North-Eastern Azov Sea Region and the Lower Reaches of the Seversky Donets. Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 1. Pp. 387–413. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp221387403> (In Russian).
6. Kolesnik A.V. (1996) [On the determination of functional variability of Middle Paleolithic sites in Donbass]. Archaeological Almanac. Donetsk. 5. Pp. 49–70. (In Russian).
7. Kolesnik A.V. (2002) [Middle Paleolithic of Donbass]. Archaeological Almanac. Donetsk. 12. (In Russian). 294 p.
8. Kolesnik A.V. (2016) Settlement system and raw material strategies in the Middle Paleolithic of Donbass. Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 1. Pp. 79–84. (In Russian).
9. Kolesnik A.V. (2017) [Donetsk model of the Paleolithic]. In: Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture. Irkutsk. 6. Pp. 112–119. (In Russian).
10. Matyukhin A.E. (2012) Biryuchya Balka 2: A multilayered Paleolithic site in the Lower Don basin. St Petersburg, Nestor-History. (In Russian). 244 p.
11. Kolesnik A.V., Titov V.V., Danil'chenko A.Yu., Olikh O.G., Levchenko M.T., & Chub A.A. (2025a) Distribution of cultural remains across the horizons of Rozhok I site: reconstruction of hunting strategy and settlement structures. Camera Praehistorica. 1 (14). Pp. 42–69. DOI: <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2025-1-42-69> (In Russian).
12. Danilchenko A.Yu. & Titov V.V. (2026) Bone artifacts from the Biryuchya Balka 2 site in the lower reach of the Seversky Donets. Cultural Heritage and Modern Technologies. No. 4. Pp. 10–21. DOI: 10.24412/2837-0759-2026-4010021 (In Russian).
13. Kolesnik A.V. (2023) Belokuzminovka group of sites in the context of current issues of the Paleolithic of Eastern Europe. Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. 29. Pp. 17–25. DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-17-25. (In Russian).
14. Kolesnik A.V. (1999) “Eastern Micoquian” – myth or reality? Archaeological Almanac. Donetsk. 8. Pp. 37–50. (In Russian).
15. Kolesnik A.V. (2018) Sites of the “Eastern Micoquian type” in Donbass and the North-Eastern Azov Sea region. Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. 17. Pp. 141–150. DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-141-150. (In Russian).

16. Kolesnik A.V. (2024) Bifacial D-shaped tools from Middle Paleolithic sites of Donbass and the North-Eastern Azov Sea region. *Primitive Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies*. 1. Pp. 5–23. DOI: 10.31600/2658-3925-2024-1-5-23. (In Russian).
17. Levchenko M.T. (2024) [Micoquian-Pradnik issues in the works of Western European archaeologists in the 1960s–1980s]. In: *Donetsk Readings 2024: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Modernity. Materials of the IX International Scientific Conference*. Donetsk, Donetsk State University. Pp. 304–306. (In Russian).
18. Levchenko M.T. (2025) [The concept of the “Eastern Micoquian” in the works of V.N. Gladilin]. In: *Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University. Pp. 182–184. (In Russian).
19. Ocherednoi A.K., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Vishnyatsky L.B., Nekhoroshev P.E., Larionova A.V., Zaretskaya N.E., Blokhin E.K., & Kolesnik A.V. (2018) Integrated geoarchaeological studies of Middle Palaeolithic sites of the Russian Plain. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS*. 17. Pp. 74–83. DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-74-83. (In Russian).
20. Kolesnik A.V., Titov V.V., Danil'chenko A.Yu., Panin P.G., & Konstantinov E.A. (2025b) The world of Middle Paleolithic man in Donbass and the Azov Sea region. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 1. Pp. 125–151. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp251125151> (In Russian).
21. Baigusheva V.S., & Timonina G.I. (2004) [New paleontological locality in the northeastern part of Taganrog Bay]. In: *Historical and Archaeological Research in Azov and on the Lower Don in 2003*. Azov. 20. Pp. 189–191. (In Russian).
22. Baigusheva V.S., Titov V.V., Timonina G.I., Simakova A.N., & Tesakov A.S. (2014) A mass burial of Late Pleistocene bison in the north-eastern Azov Sea region (Port-Katon, Rostov region). *Doklady Akademii Nauk*. 454 (6). Pp. 680–682. (In Russian).
23. Ponurko A.L., Danilchenko A.Yu., Kolesnik A.V., Chub A.A. (2026) [New data on the Middle and Late Paleolithic at the Rogozhkino site in the Lower Don] In *Journal of Historical, Political and International Studies: scientific journal*. 2026. No. 2. Pp. 6–16. (In Russian).
24. Kolesnik A.V., Giryа E.Yu., Danil'chenko A.Yu., Titov V.V., Olikh O.G., & Ocherednoi A.K. (2023) Bone artifacts from the Middle Paleolithic site Rozhok I (cultural horizon VI) in the North-Eastern Azov Sea region. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 1. Pp. 101–125. DOI: 10.55086/sp231101125. (In Russian).
25. Chub A.A. (2024) [On the nature of “chisel-like bone artifacts” of the Middle Paleolithic]. In: *Upper Don Archaeological Collection. Materials of the VI International Archaeological Conference*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University. Pp. 8–11. (In Russian).

26. Chub A.A. (2025) [Paleolithic bone artifacts with chisel-like wear]. In: Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress. Krasnoyarsk, Siberian Federal University. Pp. 270–272. (In Russian).
27. Martin H. (1906) Ossements utilisés par l'homme moustérien de la station de la Quina (Charente). *Bull. Soc. Préhist. de France*. T. 3. Pp. 155–162.
28. Chauvet G. (1907) Les fouilles a la Quina du Dr. H. Martin. *Bull. Soc. Arch. et Hist. de la Charante*. T. VII.
29. Capitan L. (1917) Origine et mode de fabrication des principaux types d'armes et outiles en pierre. *Revue anthropologique*. 27. Pp. 1–51.
30. Bonch-Osmolovsky G.A. (1940). [The Kiik-Koba grotto]. *Paleolithic of the Crimea*. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. 226 p. (In Russian).
31. Abrams G. (2018) Palaeolithic bone retouchers from Belgium: a preliminary overview of the recent research through historic and recently excavated bone collections. In: *The Origins of Bone Tool Technologies: Retouching the Palaeolithic: Becoming Human and the Origins of Bone Tool Technology*. Mainz: RGZM-Tagungen. Pp. 197–213.
32. Costamagno S., Bourguignon L., Soulier M.-C., Meignen L., Beauval C., Rendu W., Mussini C., Kolfschoten T.V., Parfitt S.A., Serangeli J., & Bello S.M. (2015) Lower Paleolithic bone tools from the 'Spear Horizon' at Schöningen (Germany). *Journal of Human Evolution*. Vol. 89. Pp. 226–263. DOI: 10.1016/j.jhevol.2015.09.012
33. Daujeard C., Moncel M.-H., Fiore I., Tagliacozzo A., Bindon P., & Raynal J.-P. (2014) Middle Paleolithic bone retouchers in Southeastern France: Variability and functionality. *Quaternary International*. Vol. 326–327. Pp. 492–518.
34. Romandini M., Cristiani E., & Peresani M. (2014) A retouched bone shaft from the late mousterian at fumane cave (Italy). *Technological, experimental and micro-wear analysis*. *Comptes Rendus Palevol*. Vol. 14, Iss. 1. Pp. 63–72.
35. Yevtushenko A.I. (1998) Kabazi V: introduction and excavation. In: Marks A.E. & Chabai V.P. (eds.) *The Middle Paleolithic of Western Crimea*. Vol. 1. Liège: ERAUL. № 84. Pp. 273–286.
36. Kozlikin M.B., Mikhienko V.A., Frantseva E.A., & Shunkov M.V. (2019) Bone retouchers from Denisova Cave: new materials. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 28 (4). Pp. 7–14. (In Russian).
37. Kolobova K.A., Markin S.V., & Chabai V.P. (2016) Bone retouchers in the Middle Paleolithic assemblages of Chagyrskaya Cave. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 4 (16). Pp. 35–39. (In Russian).
38. Chistyakov P.V., Kolyasnikova A.S., & Medvedev S.P. (2022) New data on the bone industry of the Staroselye site (excavations by A.A. Formozov). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. 28. Pp. 143–151. DOI: 10.17746/2658-6193.2022.28.0143-0151. (In Russian).
39. Golovanova L.V. (2017) Bone artifacts in the Middle and Upper Paleolithic of the Caucasus. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 246. Pp. 169–184. (In Russian).

40. D'Errico F., Julien M., Liolios D., Vanhaeren M., & Baffier D. (2003) Many awls in our argument. bone tool manufacture and use in the Châtelperronian and Aurignacian levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure. In: The chronology of the Aurignacian and of the transitional technocomplexes: dating, stratigraphies, cultural implications: proceedings of symposium of the XIVth Congress of the UISPP (University of Liège, Belgium, September 2–8, 2001). Lisboa: Instituto Português de arqueologia. Trabalhos de arqueologia; 33. Pp. 247–271.

41. Stepanchuk V.N., & Tsvelykh A.N. (2019) Chapter VIII. Stone and bone industries of layers III and IIIa. Individual finds. In: Late Neanderthals of Crimea. Zaskalnaya VI (Kolosovskaya) layers III and IIIa. Kiev, Slovo. Pp. 157–165. (In Russian).

42. Kozlikin M.B., Randu U., Plisson H., Baumann M., & Shunkov M.V. (2020) Lightly modified bone tools from Denisova Cave in the Altai. Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 48 (1). Pp. 16–28. – DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.1.016-028. (In Russian).

43. Akhmetgaleeva N.B. (2017) The significance of experimental-use-wear methods in the study of Paleolithic bone industries based on materials from East European sites. Brief Communications of the Institute of Archaeology. 246. Pp. 70–85. (In Russian).

44. Seletsky M.V., Kolyasnikova A.S., Kharevich V.M., & Kolobova K.A. (2019) Experimental modeling of bone splitting based on materials from the Sibiryachikha variant of the Middle Paleolithic of Altai. Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. 25. Pp. 238–244. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.238-244. (In Russian).

Данные авторов статьи

Колесник Александр Викторович Доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0000-0002-4933-8438	Kolesnik Alexander Viktorovich Doctor of historical sciences FSBEI HE «Donetsk State University»
Чуб Андрей Андреевич ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0009-0009-5793-2515	Chub Andrey Andreevich FSBEI HE «Donetsk State University»
Левченко Максим Тихонович ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» ORCID 0009-0000-5326-1755	Levchenko Maxim Tikhonovich FSBEI HE «Donetsk State University»

УДК 902/904(477.61/.62+470.61)"199/202"

DOI: 10.5281/zenodo.23021799

EDN: OIHRJR

П.П. Коваленко

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

E-mail: p_kov@mail.ru

ИСТОРИЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАТАКОМБНОЙ ОБЩНОСТИ В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА НА НОВЕЙШЕМ ЭТАПЕ (90-Е ГГ. XX В. – НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

Аннотация

Целью настоящей работы является анализ истории полевых исследований памятников катакомбной культурно-исторической общности на территории Среднего Подонцовья в период с 90-х гг. XX в. по настоящее время. На основании данных опубликованных и архивных материалов характеризуются основные научные центры и направления проводимых полевых работ, оценивается конкретный вклад в расширение источниковой базы по погребальным памятникам региона.

Ключевые слова: *Среднее Подонцовье, эпоха средней бронзы, история полевых исследований, катакомбная культурно-историческая общность, погребальный комплекс.*

Summary

The aim of this paper is to analyze the field investigations of the Catacomb cultural-historical community sites in the Middle Donets region from the 1990s to the present day. Based on published and archival materials, the main research centers and directions of fieldwork are characterized, and their contribution to the expansion of the source base on the funerary monuments of the region is assessed.

Keywords: *Middle Seversky Donets basin, Middle Bronze Age, history of archaeological research, Catacomb cultural-historical community, burial mound*

История полевых исследований погребальных памятников катакомбной культурно-исторической общности в Среднем Подонцовье, начало которой было положено в конце XIX века, к настоящему времени насчитывает уже более 120 лет. К наступлению 1990-х гг. усилиями нескольких поколений археологов была создана репрезентативная источниковая база, позволившая решить ряд фундаментальных вопросов по катакомбной проблематике. Теме истории этих изысканий были посвящены специальные работы, осветившие ранний этап исследований (конец XIX в. – 1960-е гг.) [1] и период активных новостроечных

раскопок (1970-е – начало 1990-х гг.) [2]. Однако третий, современный этап, охватывающий промежуток с начала 1990-х годов по настоящее время, до сих пор не был предметом целостного историографического анализа.

Настоящей статьей представляем обзор полевых исследований катакомбных древностей в регионе за последние три десятилетия. Данный этап имеет кардинально отличную от предыдущих парадигму, обусловленную глубокими социальными и экономическими трансформациями. Он характеризуется практическим сворачиванием работ масштабных новострочных хоздоговорных экспедиций, что было связано с резким сокращением государственного финансирования археологических исследований и изменением характера хозяйственного освоения территорий.

В этих условиях основная нагрузка по изучению катакомбных памятников легла на местные научные организации – региональные музеи и университетские центры. Их деятельность, в отличие от планомерных спасательных работ прошлого, носила в основном характер разрозненных и ограниченных по масштабам исследований. Хоздоговорные работы, направленные на обеспечение сохранности объектов археологического наследия в зонах хозяйственного воздействия, на этом этапе проводились и проводятся лишь спорадически.

География исследований рассматриваемого периода в пределах среднего течения Северского Донца отражает уже сформировавшиеся тенденции прошлых лет (рис. 1). Так, наиболее активная деятельность традиционно велась на территории Луганщины, где сосредоточен основной потенциал местных археологических школ. Менее интенсивно работы проводились в Донецком регионе, где основной вектор исследований сместился в сторону Северо-Восточного Приазовья. Совсем прекратились полевые раскопки на примыкающем к обозначенной территории участке Харьковской области. Важной особенностью этапа стало активное подключение к сравнительно систематическому изучению катакомбных памятников восточной периферии Среднего Подонцовья исследователей из Ростовской области.

Центрально-Донецкая археологическая экспедиция

Значительную роль в исследовании древностей эпохи средней бронзы Северскодонецкого региона в 1990-х годах играла Центрально-Донецкая археологическая экспедиция (ЦДАЭ) под общим руководством Ю.М. Бровендера. В некотором смысле она являлась преемницей крупных хоздоговорных институций прежних лет на Луганщине – Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР и экспедиции КГУ им. Тараса Шевченко. В это время ЦДАЭ оставалась фактически единственной организацией в Донбассе, вовлеченной в еще продолжавшиеся по инерции спорадические хоздоговорные работы, число которых, однако, с каждым годом неуклонно снижалось.

Среди данных исследований следует отметить работы 1991 г., когда отряды ЦДАЭ совместно с экспедицией Луганского областного краеведческого музея (ЛОКМ) исследовали курганы близ г. Беловодск. В семи насыпях было

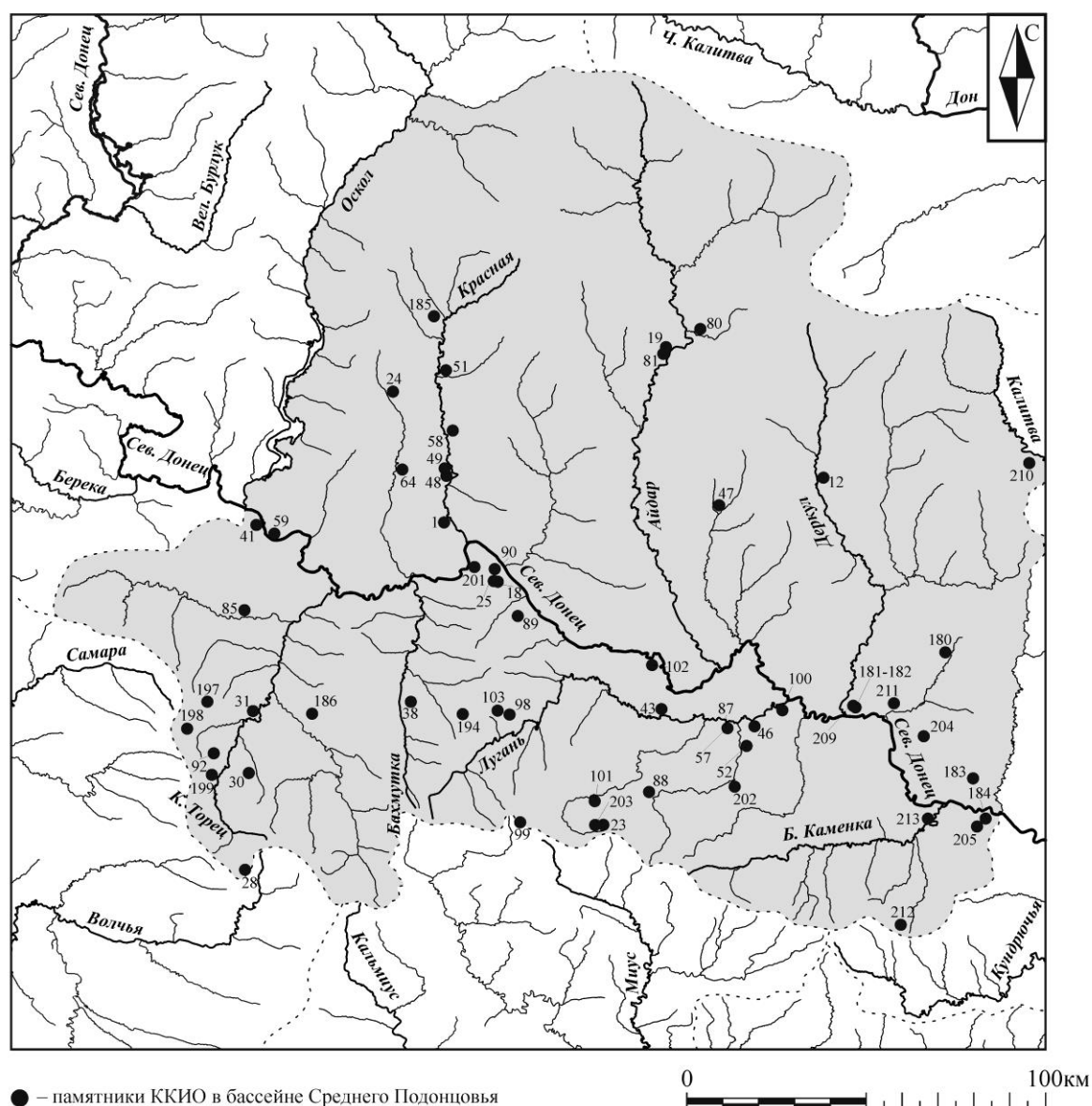

Рис. 1. Памятники ККИО, исследованные на территории бассейна среднего течения Северского Донца в период с 1990-х по настоящее время

1. Кременная; 12. Беловодск; 18. Березово; 19. Высокий лес; 23. Уткино; 24. Райгородка, 2001; 25. Шкляр; 28. Желанное; 30. Владимировка (Попов Яр-2); 31. Дружковка; 38. Артемовск, 1995-1998; 41. Богородичное (Проклята Могила); 43. Зимогорье, 2011-2012; 46. Луганск, 2002 (ул. Матросова); 47. Колядовка; 48. Краснореченское I; 49. Краснореченское II; 51. Сватово, 2002; 52. Тельмана (ул. Лутугинская); 57. Луганск, 2011 (ул. Марленовская); 58. Новоникольское, 1993; 59. Богородичное (Старица); 64. Невское; 80. Заайдаровка; 81. Форпост; 85. Черкасское; 87. Луганск, 2010 (ул. Марленовская); 88. Степановка («Мергелевая гряда»); 89. Лисичанск (ЛЖЗ); 90. Лисичанск (ЛИСПИ); 92. Октябрьское, 1990, 2017; 98. Новозвановка II; 99. Фашевка; 100. Луганск (Трикотажная фабрика, Восточный П); 101. Яшиково; 102. Пришиб, 1994; 103. Новозвановка I; 180. Ясеновый II; 181. Закатное I; 182. Закатное II; 183. Рестумов II; 184. Малая Каменка VI; 185. Нижняя Дуванка; 186. Ижевка I; 194. Пилипчатино, 1998; 197. Андреевка, 2019; 198. Золотой Колодезь; 199. Панковка; 201. Шипиловка; 202. Георгиевка; 203. Тимирязево; 204. Маленький I; 205. Малая Каменка IX; 209. Лаповский I; 210. Мокрый Волчик I; 211. Пирамида IV; 212. Гуково-водокачка; 213. Станичный III

выявлено 17 катакомбных погребений [3, с. 14-42; 4]. В том же году отряд экспедиции под руководством С.Н. Санжарова раскапывал курганы близ с. Уткино Перевальского района, которые содержали три катакомбных комплекса [5].

На протяжении 1992-1994 гг. деятельность экспедиции была сосредоточена в Перевальском, Славяносербском и Кременском районах вблизи сел Ящикова, Новоникольское и Пришиб. Здесь было изучено несколько насыпей, содержащих около 15 погребальных комплексов нескольких катакомбных культур [6, 7, 8]. В 1998 г. отряд ЦДАЭ в сотрудничестве с исследователями Воронежского государственного университета изучали курган у с. Фашевка Перевальского района, где были открыты 7 катакомбных захоронений [9].

В последующий период представители ЦДАЭ практически полностью сконцентрировались на исследовании бытовых и погребальных памятников эпохи поздней бронзы. Изучение катакомбных древностей на протяжении почти двух десятилетий велось эпизодически. Так, подобные памятники были зафиксированы лишь в двух пунктах: у с. Тимирязево Перевальского района в 2008 году [10] и на территории г. Луганска в 2011 году [11]. Всего в обозначенных курганах было выявлено десять новых комплексов.

Кроме того, в 2008 году экспедицией ИА НАНУ при активном взаимодействии с ЦДАЭ были проведены раскопки кургана у села Степановка Перевальского района [12]. Работы осуществлялись под общим руководством В.И. Клочко. В ходе исследований было обнаружено 5 погребальных комплексов эпохи средней бронзы.

Подводя итоги деятельности Центрально-Донецкой археологической экспедиции в деле полевых исследований памятников эпохи средней бронзы, следует отметить, что трудами её сотрудников источниковая база катакомбной общности пополнилась на почти 50 новых погребений.

Экспедиция ВУНУ им. В. Даля «Спадщина»/«Наследие»

Другим ключевым центром курганный археологии бронзового века на Луганщине является археологическая экспедиция Восточнoукраинского национального университета им. В. Даля (сейчас Луганского государственного университетат им. В. Даля) «Спадщина»/«Наследие» под общим руководством С.Н. Санжарова. В отличие от ЦДАЭ, основной этап её деятельности пришёлся на конец 1990-х и, особенно, на первое десятилетие 2000-х гг.

Начиная с 1998 г., экспедицией проводились масштабные исследования курганных могильников преимущественно в левобережных районах Северскодонецкого региона. Значительные работы были осуществлены у с. Невское Кременского района, где в пяти курганах обнаружено 28 катакомбных погребений [13, с. 11-60]. В 1999 г. в двух насыпях близ г. Кременная открыто ещё 15 захоронений этого типа [14].

В течение последующих лет экспедицией изучались могильники у с. Райгородка Сватовского района (2001 г.) [15] и в окрестностях г. Сватово (2002 г.) [13, с. 61-91]. Всего в указанных пунктах было исследовано 5 насыпей,

которые в совокупности содержали 17 захоронений эпохи средней бронзы. Не менее 16 погребений катакомбной общности обнаружено в нескольких курганах в урочищах Форпост и Высокий Лес на Айдаре недалеко от с. Закотное Новопсковского района в 2005 г. [13, с. 92-124; 16].

Масштабными работами отмечены полевые изыскания в окрестностях г. Лисичанск на территории Привольнянской излучины Северского Донца в 2006-2008, 2010 и 2013 гг. В ходе этих полевых сезонов было зафиксировано 25 катакомбных погребений, происходящих почти из полутора десятков курганов, исследованных у Лисичанского желатинового и пивоваренного заводов, близ пос. Шкляр и Березово, а также у с. Шипиловка Попаснянского района [17, с. 10-140]. Ещё одним объектом полевых исследований экспедиции этого периода стали спасательные работы по изучению кургана в черте г. Луганска в 2010 г., где было открыто 7 захоронений [18].

Таким образом, по предварительным подсчётам, за все годы исследований экспедицией «Спадщина» было раскопано не менее двух с половиной десятков курганов, содержащих более сотни катакомбных погребальных комплексов.

Археологические экспедиции ЛГПУ и ЛОКМ

Важную роль в изучении катакомбных древностей Луганщины на современном этапе продолжала играть экспедиция археологической лаборатории при Луганском педагогическом университете (впоследствии – ЛНПУ, ЛНУ им. Т. Шевченко), действующая под общим руководством К.И. Красильникова. Несмотря на то, что основной этап деятельности этого центра пришелся на 1980-е годы, в рассматриваемый период работы продолжались, хотя и приобрели более спорадический характер. Тем не менее, усилиями студенческих отрядов и волонтеров здесь было зафиксировано около трех десятков погребальных комплексов катакомбной культуры.

В 2002 году экспедицией ЛГПУ было изучено погребение катакомбной культуры из кургана на ул. Матросова в г. Луганске [19, с. 21], а спустя два года на правом берегу р. Ольховой в районе пос. Тельмана проведены спасательные исследования еще одного разрушенного кургана с несколькими захоронениями данного типа [20]. Параллельно велись работы по сохранению одиночных насыпей и в регионе; в частности, у с. Колядовка Новоайдарского района в 2002 году был открыт еще один катакомбный комплекс [19, с. 21-22].

Значительные результаты были получены в ходе спасательных раскопок могильников по берегам р. Красной в окрестностях пос. Краснореченское Кременского района. На протяжении 2006-2008 годов здесь было исследовано четыре насыпи, содержащие в общей сложности 25 погребений катакомбной общности [21; 22]. Позднее, в 2011-2012 гг., изыскания проводились также в черте пгт. Зимогорье в долине р. Лугань, где в одиночном кургане были обнаружены еще 3 комплекса эпохи средней бронзы [23].

Параллельный вклад в изучение катакомбных памятников вносил и Луганский областной краеведческий музей (ЛОКМ). К числу первых крупных работ относится совместная с педагогическим институтом экспедиция 1993 года, в ходе которой в черте г. Луганска на территории Трикотажной фабрики было

вскрыто три кургана с восемью катакомбными погребениями [24]. Далее экспедиции музея под руководством И.Н. Ключевой исследовали курганы с несколькими катакомбными комплексами у сел Новозвановка Попаснянского района (2004, 2006 гг.) и с. Заайдаровка Новопсковского района (2007 г.) [25; 26].

Полевая деятельность музея продолжается и на современном этапе. Так, в 2021 году экспедиция уже республиканского краеведческого музея исследовала несколько курганных насыпей у пгт. Георгиевка Лутугинского района, где было зафиксировано 5 погребений катакомбной общности [27]. Таким образом, систематическая работа музея позволила дополнить источниковую базу по катакомбным древностям региона еще почти двумя десятками комплексов.

Полевые исследования на территории Донецкого региона

На той части территории Донетчины, что входит в ареал Среднего Подонцовья, полевые исследования катакомбных памятников в рассматриваемый период отличались меньшей интенсивностью. Основная работа здесь велась силами сотрудников Донецкого областного краеведческого музея (ДОКМ). Так, в 1991 г. экспедицией под руководством О.Р. Дубовской был исследован курган у с. Желанное, содержащий четыре катакомбных погребения [28, с. 54, 70-80]. В 1996 г. отрядами музея у села Богородичное Славянского района изучалась курганная насыпь под названием «Проклятая Могила», где было выявлено 8 комплексов катакомбной общности [29]. В 2001 г. экспедицией ДОКМ исследован большой курган у г. Дружковка [30], в насыпи которого обнаружено 10 катакомбных комплексов. 18 погребений катакомбной общности открыто экспедицией под руководством А.Н. Усачука в полевой сезон 2006 г. при исследовании двух курганов у с. Ижевка Константиновского района¹. Еще один объект данного типа зафиксирован в кургане у с. Владимировка Добропольского района при работах 2011 года [31].

К числу неординарных находок следует отнести обнаружение в 1998 г. палеолитической экспедицией ДОКМ под руководством А.В. Колесника нескольких катакомбных погребений на естественном всхолмлении у с. Черкасское Славянского района [32].

Отдельные исследования в Донецком регионе проводились также Артемовским краеведческим музеем (АГКМ) под руководством С.И. Татаринова. В 1995-1998 гг. в черте г. Артемовск и у с. Пилипчатино музеем изучались курганы с яркими комплексами донецкой катакомбной культуры [33]. По имеющимся данным в нескольких исследованных насыпях было выявлено около 10 захоронений среднего бронзового века. Всего же на обозначенной территории с 1990-х гг. исследовано более пяти десятков комплексов, происходящих из как минимум десяти курганов.

Полевые исследования научных организаций Ростовской области

Важной особенностью современного этапа исследований стало начало сравнительно систематического изучения катакомбных памятников восточной периферии Среднего Подонцовья, связанное, в первую очередь, с активным

¹ Выражаем благодарность руководителю исследований за предоставленную информацию и возможность пользоваться материалами раскопок.

хозяйственным освоением этих территорий. С начала 2000-х гг. в пределах современной Ростовской области развернулась деятельность организаций «Донское археологическое общество» (ДАО), «Археологическое научно-исследовательское бюро» (АНИБ), инспекции по охране и эксплуатации памятников (РОИОЭПИК), учреждения культуры «Донское наследие» (ГАУК РО «Донское наследие»). Под руководством В.В. Рогудеева, В.Н. Кузьмина, В.П. Глебова, В.В. Алейникова и других отряды археологических экспедиций этих организаций проводили охранные исследования курганов в районах, оказавшихся в зоне хозяйственной деятельности. Особенно значительные работы были осуществлены в период 2000-2006 гг. на памятниках Мокрый Волчик I [34], Маленький I [35], Малая Каменка VI [36] и IX [37], Закатное I [38] и II [39], Лаповский I [40], Пирамида IV [41], Ясеновый II [42], Гуково-водокачка [43]. В последующие годы полевые исследования здесь, однако, практически прекратились. Доподлинно известно лишь об одном катакомбном комплексе, выявленном в кургане могильника «Станичный III» на окраине г. Донецка в 2016 г. [44].

В целом, несмотря на отмеченные негативные тенденции современности, на раннем этапе изыскания отрядов ростовских организаций позволили выявить и изучить около сотни катакомбных погребений. Тем самым была существенно расширена источниковая база по самым восточным районам исследуемого региона, ранее почти не подвергавшимся активным полевым работам.

Подводя итоги, следует констатировать, что современный этап исследований погребальных памятников катакомбной культурно-исторической общности в бассейне среднего течения Северского Донца, несмотря на существенное сокращение масштабов полевых работ, характеризуется значительными научными достижениями. За три десятилетия (с начала 1990-х гг. по настоящее время) усилиями региональных научных центров было исследовано более 80 курганных насыпей, содержащих около 300 погребальных комплексов катакомбного времени. Качественным отличием этапа стало объективное перераспределение исследовательской активности в пользу работы местных учреждений, а также включение в научный оборот материалов восточной периферии региона. Накопленный массив источников, вместе с данными прошлых лет, представляет собой фундаментальную основу для решения ключевых проблем изучения катакомбной культурно-исторической общности, открывая новые перспективы для комплексных исследований в области культурно-исторических реконструкций процессов эпохи средней бронзы в ключевом микрорегионе.

Список источников и литературы:

1. Коваленко П.П. История полевых исследований катакомбных погребальных комплексов в бассейне среднего течения Северского Донца (конец XIX – 60-е гг. XX ст.) // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 12 / отв. ред. А.Н. Бессуднов, А.Н. Голотвин, Е.Ю. Захарова. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – С. 65–69.

2. Коваленко П.П. Полевые исследования катакомбных погребальных комплексов в бассейне среднего течения Северского Донца (70-е – начало 90-х гг. XX ст.) // Вестник Государственного университета просвещения. – Серия: История и политические науки. – № 5. – Циркумпонтика. – Вып. VI / гл. ред. В.Э. Багдасарян. – М., 2024. – С. 270–282. – DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-270-282
3. Братченко С.Н., Санжаров С.Н. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини III тис. до н.е. – Луганськ: Вид-во СЛУ, 2001. – 109 с. – ISBN 966-590-264-4
4. Выборный В.Ю., Санжаров С.Н. Отчет о результатах археологических раскопок Беловодского курганного могильника в 1991 году // Архив ЛКМ. – Ф. №2. – Оп. 02-23-1. – Д. 7. – 81 с.
5. Санжаров С.Н., Бровендер Ю.М., Бритюк О.О. Кургани біля с. Уткіне на Мечетному полі в Донбасі // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вып. 2 / гл. ред. С.Н. Санжаров. – Луганськ: Вид-во СЛУ ім. В. Даля, 2004. – С. 191–221.
6. Бровендер Ю.М., Милица Г.Я., Отрощенко В.В., Литвиненко Р.А. Отчет о работах Центрально-Донецкой археологической экспедиции на территории Луганской области в 1992 году // Архив ЛКМ. – Ф. №2. – Оп. 02-23. – Д. 67. – 71 с.
7. Бровендер Ю.М., Милица Г.Я., Отрощенко В.В., Дорофеев А.В. Отчет о работе Центрально-Донецкой археологической экспедиции ИА НАН Украины на территории Луганской области в 1993 г. // Архив ЛКМ. – Ф. №2. – Оп. 02-23. – Д. 82. – 75 с.
8. Бровендер Ю.М., Отрощенко В.В., Рябоконь И.А., Драчев А.Г., Литвиненко Р.А., Ключнев М.Н., Ключнева И.Н. Отчет о работе Центрально-Донецкой археологической экспедиции ИА НАН Украины на территории Луганской области в 1994 году // Архив ЛКМ. – Ф. №2. – Оп. 02-23. – Д. 104. – 111 с.
9. Бровендер Ю.М., Отрощенко В.В., Пряхин А.Д., Беседин В.И., Саврасов А.С., Захарова Е.Ю. Отчет о работе украинско-российской экспедиции на территории Луганской области в 1998 году // Архив ЛКМ. – Ф. №2. – Оп. 02-23-1. – Д. 13. – 85 с.
10. Бровендер Ю.М., Загородняя О.Н., Черных Е.Н. Отчет о раскопках курганов у с. Тимирязево Перевальского района Луганской области в 2008 году // Научный архив ИА НАНУ. – 2008/0285.
11. Бровендер Ю.М., Загородняя О.Н. Отчет о раскопках кургана у г. Луганска в 2011 г. // Архив ЛКМ. – [без номера].
12. Клочко В.И., Клочко Л.С., Бровендер Ю.М., Слюсарська К., Осадчий Р.М., Парамонов В.А. Звіт про дослідження комплексної археологічної пам'ятки «Мергелева гряда» у 2008 році // Научный архив ИА НАНУ. – 2005–2008/72.
13. Санжаров С.Н., Черных Е.А. Курганы эпохи бронзы левобережья Среднего Подонковья. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2025. – 208 с. – ISBN 978-5-600-04538-5

14. Санжаров С.Н. Кременские курганы на р. Красная в Подонцовье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вып. 4 / гл. ред. С.Н. Санжаров – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2005. – С. 170–198.

15. Санжаров С.Н., Черных Е.А. Курганы в верховьях реки Жеребец у с. Райгородка // Донецкий археологический сборник. – Вып. 15 / гл. ред. Р.А. Литвиненко. – Донецк: Изд-во Донец. ун-та, 2011 – С. 117–132.

16. Санжаров С.Н. Позднекатакомбный курган с финальными признаками погребального обряда в урочище Высокий Лес на реке Айдар // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вып. 12 / гл. ред. С.Н. Санжаров. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2013. – С. 138–152.

17. Санжаров С.Н., Черных Е.А. Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской излучины Северского Донца. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2021. – 276 с. – ISBN 978-5-600-02873-9

18. Черных Е.А., Санжаров С.Н. Отчет об исследовании кургана в г. Луганске в 2010 г. // Архив ЛКМ. – [без номера].

19. Красильников К.И. О работах Луганского педуниверситета в 2002 г. // Археологічні дослідження в Україні 2002–2003 рр. – Вып. 6 / отв. ред. Н.А. Гаврилюк. – К.: Шлях, 2004. – С. 20–23.

20. Красильников К.И., Апареев С.М., Пробийголова О.С. Нові дослідження Тельманівського могильника біля м. Луганськ // Археологія. – Вып. 3 / отв. ред. П.П. Толочко. – К., 2007. – С. 93–100.

21. Красильников К.И., Красильникова Л.И., Пробейголова А.С. Ямнокатакомбные традиции в степном Подонцовье (по материалам кургана-могильника на р. Красной) // Индоевропейская история в свете новых исследований / отв. ред. Е.В. Яровой. – М.: МГОУ, 2010. – С. 136–152.

22. Коваленко П.П., Красильников К.И. Итоги археологических исследований курганов у поселка Краснореченское на реке Красная (работы 2006–2008 годов) // Археологическое наследие. – №1 (2) / гл. ред. А.Н. Голотвин. – Воронеж: Научная книга, 2019. – С. 74–88.

23. Коваленко П.П. Неординарные погребения катакомбного времени в долине р. Лугань // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 6 / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. – С. 252–257.

24. Горелик А.Ф., Павлова И.Н., Ивахненко С.А. Отчет о раскопках курганного могильника на окраине г. Луганска (Трикотажная фабрика) в 1993 г. // Архив ЛКМ. – Ф. №2. – Оп. 02-23. – Д. 103. – 100 с.

25. Ключнева И.Н., Отрощенко В.В., Бровендер Ю.М. Отчет о полевых исследованиях экспедиции Луганского областного краеведческого музея в 2004 году // Архив ЛКМ. – Ф. №2. – Оп. 02-23-1. – Д. 26. – 47 с.

26. Ключнева И.Н., Отрощенко В.В. Отчет о полевых исследованиях экспедиции Луганского областного краеведческого музея в 2005 г. // Научный архив ИА НАНУ. – 2006/215.

27. Хромова О.В. Результаты исследований курганов 10 и 11 из курганного могильника у пгт. Георгиевка Лутугинского района // Материалы научно-

практической конференции «Локтюшевские чтения – 2022». – Луганск, 2022. – С. 72–84.

28. Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. – Вып. 2 / гл. ред. А.В. Колесник. – Донецк, 1993. – С. 35–98.

29. Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е. Исследование кургана в среднем течении Северского Донца // Проблемы археологии и архитектуры. – Т. 1: Археология. – Донецк–Макеевка, 2001. – С. 70–91.

30. Полидович Ю.Б. Курган доби бронзи «Розкопана могила» поблизу м. Дружківка Донецької області // Археологический альманах. – Вып. 25 / гл. ред. А.В. Колесник. – Донецк: Бытсервис, 2011. – С. 71–155.

31. Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Кравченко Э.Е., Подобед В.А. Исследование курганов группы Попов Яр-2 в Донецкой области // Археологический альманах. – Вып. 30 / гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: «Донбас», 2013. – С. 36–135.

32. Кузин-Лосев В.И. Могильник эпохи палеометалла // Археологический альманах. – №17 / гл. ред. А.В. Колесник. – Донецк, 2005. – С. 158–166.

33. Кравец Д.П., Татаринов С.И. Новые катакомбные памятники Бахмутского края // Донецкий археологический сборник. – Вып. 7 / науч. ред. и сост. В.А. Посредников. – Донецк, 1997. – С. 77–115.

34. Прокофьев Р.В. Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки. – Вып. 2 / отв. ред. В.Я. Кияшко. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 109–133.

35. Рогудеев В.В. Исследование могильника Маленький I в Тарасовском районе // Труды археологического научно-исследовательского бюро. – Т. III / отв. ред. А.В. Захаров. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 130–181.

36. Кузьмин В.Н. Исследование двух курганов могильника «Малая Каменка VI» // Археологические записки. – Вып. 7 / гл. ред. В.Я. Кияшко. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 41–52.

37. Кузьмин В.Н. Отчет об аварийно-спасательных раскопках курганных могильников Малая Каменка VI, Рестумов I, Рестумов II и Малая Каменка IX в Каменском районе Ростовской области в 2001 году // Архив РОМК Ф-Р. – Д. 252.

38. Трубников В.В. Грунтовый могильник эпохи средней бронзы в низовьях р. Северский Донец // Труды археологического научно-исследовательского бюро. – Т. V / отв. ред. А.В. Захаров. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 191–226.

39. Гудименко И.В. Итоги археологических исследований поселений Закатное-I и Закатное-II у станицы Митякинской Тарасовского района Ростовской области в 2003 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. – Вып. 20 / отв. ред. В.Я. Кияшко. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2004. – С. 96–102.

40. Алейников В.В. Погребения эпохи энеолита – бронзы кургана №1 могильника «Лаповский 1» // Историко-археологические исследования в Азове

и на Нижнем Дону в 2002 г. – Вып. 19 / отв. ред. В.Я. Кияшко. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2004. – С. 42–55.

41. Ромащенко Н.И. Курганный могильник «Пирамида IV» // Археологические записки. – Вып. 5 / отв. ред. В.Я. Кияшко. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 150–169.

42. Алейников В.В. Раскопки курганного могильника «Ясеновый II» в Тарасовском районе Ростовской области в 2006 году // Курганы катакомбной культуры Подонечья. – Ростов-на-Дону: ГАУК РО «Донское наследие», 2024. – С. 5–86.

43. Мячин С.В. Отчет. Охранно-спасательные раскопки кургана №2 курганного могильника «Гуково-водокачка» на северо-западной окраине г. Гуково Ростовской области (в зоне реконструкции и технического перевооружения Гундорово-Гуковского водовода) в 2006 г. // Архив РОМК Ф-Р.

44. Жеребилов С.Е. Отчет. Раскопки кургана 1 в составе объекта археологического наследия «Курганная группа “Станичный III” (3 кургана)» в г. Донецке Ростовской области и кургана 15 в составе объекта археологического наследия «Курганная группа “Западный-II” (17 курганов)» в г. Ростов-на-Дону в 2015–2016 гг. // Научный архив ИА РАН. – Д. 50638.

REFERENCES

1. Kovalenko, P.P. (2022) The history of field research of catacomb burial complexes in the basin of the middle reaches of the Seversky Donets (late XIX – 60s of the XX century). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik = Verkhnedonsky archaeological collection*. Issue 12. Bessudnov, A.N. Golotvin, E.U. Zakharova (eds.) Lipetsk: LGPU named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, pp. 65–69. (In Russian).

2. Kovalenko, P.P. (2024) Field research of catacomb burial complexes in the basin of the middle reaches of the Seversky Donets (70s – early 90s of the XX century). *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya = Bulletin of the State University of Education*. Series: History and Political Sciences. No. 5. Circumpontica. Issue VI. Bagdasaryan, V.E. (ed.). Moscow, pp. 270–282. (In Russian). doi: 10.18384/2949-5164-2024-5-270-282

3. Bratchenko, S.N. & Sanzharov, S.N. (2001) *Rare bronze tools from the catacombs of the Seversky Donets region and the Don region of the 3rd millennium BC*. Luhansk: Publishing House of SNU. 109 p. (In Ukrainian). ISBN 966-590-264-4

4. Vyborny, V.Yu. & Sanzharov, S.N. (1991) *Report on the results of archaeological excavations of the Belovodsky kurgan cemetery in 1991*. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Fund 2. Inventory 02-23-1. File 7. 81 p. (In Russian).

5. Sanzharov, S.N., Brovender, Yu.M. & Brytiuk, O.O. (2004) Kurgans near the village of Utkino at Mechetnoye Pole in Donbas. *Materialy ta doslidzhennia z arkheolohii Shkhidnoi Ukrainy = Materials and Research on the Archaeology of Eastern Ukraine*. Issue 2. Sanzharov, S.N. (ed.). Luhansk: Publishing House of SNU named after V. Dahl, pp. 191–221. (In Ukrainian).

6. Brovender, Yu.M., Militsa, G.Ya., Otroshchenko, V.V. & Lytvynenko, R.A. (1992) *Report on the work of the Central Donetsk Archaeological Expedition in the Luhansk region in 1992*. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Fund 2. Inventory 02-23. File 67. 71 p. (In Russian).
7. Brovender, Yu.M., Militsa, G.Ya., Otroshchenko, V.V. & Dorofeev, A.V. (1993) *Report on the work of the Central Donetsk Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine in the Luhansk region in 1993*. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Fund 2. Inventory 02-23. File 82. p. (In Russian).
8. Brovender, Yu.M., Otroshchenko, V.V., Ryabokon, I.A., Drachev, A.G., Lytvynenko, R.A., Klyuchnev, M.N. & Klyuchneva, I.N. (1994) *Report on the work of the Central Donetsk Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine in the Luhansk region in 1994*. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Fund 2. Inventory 02-23. File 104. 111 p. (In Russian).
9. Brovender, Yu.M., Otroshchenko, V.V., Pryakhin, A.D., Besedin, V.I., Savrasov, A.S. & Zakharova, E.Yu. (1998) *Report on the work of the Ukrainian-Russian expedition in the Luhansk region in 1998*. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Fund 2. Inventory 02-23-1. File 13. 85 p. (In Russian).
10. Brovender, Yu.M., Zagorodnyaya, O.N. & Chernykh, E.N. (2008) *Report on the excavations of kurgans near the village of Timiryazevo, Perevalsk district, Luhansk region, in 2008*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 2008/0285. (In Russian).
11. Brovender, Yu.M. & Zagorodnyaya, O.N. (2011) *Report on the excavation of a kurgan near Luhansk in 2011*. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Unnumbered document. (In Russian).
12. Klochko, V.I., Klochko, L.S., Brovender, Yu.M., Sliusarska, K., Osadchyi, R.M. & Paramonov, V.A. (2008) *Report on the study of the archaeological site complex "Merheleva Ridge" in 2008*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 2005–2008/72. (In Ukrainian).
13. Sanzharov, S.N. & Chernykh, E.A. (2025) *Kurgans of the Bronze Age of the left bank of the Middle Seversky Donets basin*. Luhansk: Publishing House of Luhansk State University named after V. Dahl. 208 p. (In Russian). ISBN 978-5-600-04538-5
14. Sanzharov, S.N. (2005) Kurgans near Kremennaya city on the Krasnaya River in the Donets basin. *Materialy ta doslidzhennia z arkheolohii Skhidnoi Ukrainy = Materials and Research on the Archaeology of Eastern Ukraine*. Issue 4. Sanzharov, S.N. (ed.). Luhansk: Publishing House of SNU named after V. Dahl, pp. 170–198. (In Russian).
15. Sanzharov, S.N. & Chernykh, E.A. (2011) Kurgans in the upper reaches of the Zhrebets River near the village of Raygorodka. *Donetskii arkheologicheskii sbornik = Donetsk Archaeological Collection*. Issue 15. Lytvynenko, R.A. (ed.). Donetsk: Publishing House of Donetsk University, pp. 117–132. (In Russian).

16. Sanzharov, S.N. (2013) A Late Catacomb kurgan with final features of the burial rite in the Vysoky Les tract on the Aidar River. *Materialy ta doslidzhennia z arkheolohii Shkhidnoi Ukrainy = Materials and Research on the Archaeology of Eastern Ukraine*. Issue 12. Sanzharov, S.N. (ed.). Luhansk: Publishing House of SNU named after V. Dahl, pp. 138–152. (In Russian).

17. Sanzharov, S.N. & Chernykh, E.A. (2021) *Kurgan antiquities of the Bronze Age of the Privolnyanka bend of the Seversky Donets*. Luhansk: Publishing House of Luhansk State University named after V. Dahl. 276 p. (In Russian). ISBN 978-5-600-02873-9

18. Chernykh, E.A. & Sanzharov, S.N. (2010) Report on the study of a kurgan in the Luhansk in 2010. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Unnumbered document. (In Russian).

19. Krasilnikov, K.I. (2004) On the work of Luhansk Pedagogical University in 2002. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2002–2003 rr. = Archaeological Research in Ukraine in 2002–2003*. Issue 6. Gavrilyuk, N.A. (ed.). Kyiv: Shlyakh, pp. 20–23. (In Russian).

20. Krasilnikov, K.I., Aparieiev, S.M. & Probyigolova, O.S. (2007) New research at the Telmanivsky cemetery near the Luhansk. *Arkheolohiia = Archaeology*. Issue 3. Tolochko, P.P. (ed.). Kyiv, pp. 93–100. (In Ukrainian).

21. Krasilnikov, K.I., Krasilnikova, L.I. & Probeigolova, A.S. (2010) Traditions of the Yamnaya and Catacomb cultures in the steppe Donets basin (based on materials from the kurgan cemetery on the Krasnaya River). In: Yarovoi, E.V. (ed.) *Indo-European History in the Light of New Research*. Moscow: MGOU, pp. 136–152. (In Russian).

22. Kovalenko, P.P. & Krasilnikov, K.I. (2019) Results of archaeological research of the kurgans near Krasnorechenskoye on the Krasnaya River (2006–2008 excavations). *Arkheologicheskoe nasledie = Archaeological Heritage*. Issue 1 (2). Golotvin, A.N. (ed.). Voronezh: Nauchnaya Kniga, pp. 74–88. (In Russian).

23. Kovalenko, P.P. (2014) Unusual burials of the Catacomb period in the valley of the Luhan River. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik = Verkhnedonsky Archaeological Collection*. Issue 6. Bessudnov, A.N. (ed.). Lipetsk: Publishing and Information Center of Luhansk State Pedagogical University, pp. 252–257. (In Russian).

24. Gorelik, A.F., Pavlova, I.N. & Ivakhnenko, S.A. (1993) *Report on the excavations of a kurgan cemetery on the outskirts of Luhansk (Knitted Fabric Factory) in 1993*. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Fund 2. Inventory 02-23. File 103. 100 p. (In Russian).

25. Klyuchneva, I.N., Otroshchenko, V.V. & Brovender, Yu.M. (2004) *Report on the field research of the expedition of the Luhansk Museum of Local History in 2004*. Archive of the Luhansk Museum of Local History. Fund 2. Inventory 02-23-1. File 26. 47 p. (In Russian).

26. Klyuchneva, I.N. & Otroshchenko, V.V. (2005) *Report on the field research of the expedition of the Luhansk Museum of Local History in 2005*. Scientific Archive of

the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 2006/215. (In Russian).

27. Khromova, O.V. (2022) Results of research of kurgans 10 and 11 of the kurgan cemetery near the urban-type settlement of Georgievka, Lutuhynе district. In: *Loktyushev Readings – 2022: Proceedings of the Scientific and Practical Conference*. Luhansk, pp. 72–84. (In Russian).

28. Polidovich, Yu.B. (1993) New burial monuments of the Bronze Age from the territory of Donetsk region. *Arkheologicheskii almanakh = Archaeological Almanac*. Issue 2. Kolesnik, A.V. (ed.). Donetsk, pp. 35–98. (In Russian).

29. Tsimidanov, V.V. & Kravchenko, E.E. (2001) Investigation of a kurgan in the middle reaches of the Seversky Donets. *Problemy arkheologii i arkhitektury = Problems of Archaeology and Architecture*. Vol. 1: Archaeology. Donetsk–Makiivka, pp. 70–91. (In Russian).

30. Polidovich, Yu.B. (2011) Bronze Age kurgan “Rozkopana Mohyla” near Druzhkivka, Donetsk region. *Arkheologicheskii almanakh = Archaeological Almanac*. Issue 25. Kolesnik, A.V. (ed.). Donetsk: Bytservis, pp. 71–155. (In Ukrainian).

31. Polidovich, Yu.B., Usachuk, A.N., Kravchenko, E.E. & Podobed, V.A. (2013) Investigation of the kurgans of the Popov Yar-2 group in Donetsk region. *Arkheologicheskii almanakh = Archaeological Almanac*. Issue 30. Kolesnik, A.V. (ed.). Donetsk: Donbas, pp. 36–135. (In Russian).

32. Kuzin-Losev, V.I. (2005) A burial ground of the Paleometal period. *Arkheologicheskii almanakh = Archaeological Almanac*. Issue 17. Kolesnik, A.V. (ed.). Donetsk, pp. 158–166. (In Russian).

33. Kravets, D.P. & Tatarinov, S.I. (1997) New Catacomb sites of the Bakhmut region. *Donetskii arkheologicheskii sbornik = Donetsk Archaeological Collection*. Issue 7. Posrednikov, V.A. (ed. and comp.). Donetsk, pp. 77–115. (In Russian).

34. Prokofiev, R.V. (2002) Excavations of two Bronze Age kurgans in the Chertkovsky district of Rostov region. *Arkheologicheskie zapiski = Archaeological Notes*. Issue 2. Kiyashko, V.Ya. (ed.). Rostov-on-Don, pp. 109–133. (In Russian).

35. Rogudeev, V.V. (2008) Investigation of the Malenky I burial ground in Tarasovsky district. *Trudy arkheologicheskogo nauchno-issledovatel'skogo biuro = Proceedings of the Archaeological Research Bureau*. Vol. III. Zakharov, A.V. (ed.). Rostov-on-Don, pp. 130–181. (In Russian).

36. Kuzmin, V.N. (2011) Investigation of two kurgans of the Malaya Kamenka VI burial ground. *Arkheologicheskie zapiski = Archaeological Notes*. Issue 7. Kiyashko, V.Ya. (ed.). Rostov-on-Don, pp. 41–52. (In Russian).

37. Kuzmin, V.N. (2001) Report on emergency rescue excavations of the kurgan cemeteries Malaya Kamenka VI, Restumov I, Restumov II and Malaya Kamenka IX in Kamensky district, Rostov region, in 2001. Archive of the Rostov Regional Museum of Local History. F-R. File 252. (In Russian).

38. Trubnikov, V.V. (2019) An open-ground burial ground of the Middle Bronze Age in the lower reaches of the Seversky Donets River. *Trudy arkheologicheskogo nauchno-issledovatel'skogo biuro = Proceedings of the Archaeological Research Bureau*. Vol. V. Zakharov, A.V. (ed.). Rostov-on-Don, pp. 191–226. (In Russian).

39. Gudimenko, I.V. (2004) Results of archaeological research of the Zakhatnoye-I and Zakhatnoye-II settlements near the Mityakinskaya stanitsa, Tarasovsky district, Rostov region, in 2003. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g.* = *Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2003*. Issue 20. Kiyashko, V.Ya. (ed.). Azov: Publishing House of the Azov Museum-Reserve, pp. 96–102. (In Russian).

40. Aleynikov, V.V. (2004) Burials of the Eneolithic–Bronze Age from Kurgan No. 1 of the “Lapovsky 1” burial ground. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g.* = *Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2002*. Issue 19. Kiyashko, V.Ya. (ed.). Azov: Publishing House of the Azov Museum-Reserve, pp. 42–55. (In Russian).

41. Romashchenko, N.I. (2007) The “Pyramid IV” kurgan cemetery. *Arkheologicheskie zapiski* = *Archaeological Notes*. Issue 5. Kiyashko, V.Ya. (ed.). Rostov-on-Don, pp. 150–169. (In Russian).

42. Aleynikov, V.V. (2024) Excavations of the “Yasenevy II” kurgan cemetery in Tarasovsky district, Rostov region, in 2006. In: *Kurgans of the Catacomb Culture of the Donets Basin*. Rostov-on-Don: GAUK RO “Donskoe nasledie”, pp. 5–86. (In Russian).

43. Myachin, S.V. (2006) Report. Rescue excavations of Kurgan No. 2 of the “Gukovo-Water Tower” kurgan cemetery on the northwestern outskirts of Gukovo, Rostov region (within the reconstruction and technical modernization zone of the Gundorovo–Gukovo water pipeline) in 2006. Archive of the Rostov Regional Museum of Local History. F-R. (In Russian).

44. Zherebilov, S.E. (2016) Report. Excavations of Kurgan 1 within the archaeological heritage site “Stanichny III Kurgan Group (3 kurgans)” in Donetsk, Rostov region, and Kurgan 15 within the archaeological heritage site “Zapadny-II Kurgan Group (17 kurgans)” in Rostov-on-Don in 2015–2016. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. File 50638. (In Russian).

Данные автора статьи

Коваленко Петр Петрович Центр археологии и этнографии, ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»	Kovalenko Pyotr Petrovich Center for Archaeology and Ethnography, FSBEI HE “Luhansk State Pedagogical University”
---	--

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.6"1939/1941"+355.57

DOI: 10.5281/zenodo.23022754

EDN: JRBGDB

Г.В. Мишечкин

кандидат исторических наук, доцент,

*ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»*

E-mail: mishechkin2213@mail.ru

НАРУШЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ СССР (28 СЕНТЯБРЯ 1939 – 21 ИЮНЯ 1941 ГГ.): ПОПЫТКИ ГЕРМАНИИ СОЗДАТЬ ПРОВОКАЦИЮ ИЛИ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ПОДГОТОВКА К ПОЛНОМАСШТАБНОЙ ВОЙНЕ

Аннотация

На основе архивных источников и новейших достижений историографии в статье исследуется проблема нарушений западной границы СССР Германией в период с 28 сентября 1939 по 21 июня 1941 гг. Автор акцентирует внимание на авианарушениях, совершённых германской стороной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, западная граница СССР, Германия, сателлиты, авиация, провокация, целенаправленная подготовка, полномасштабная война.

Summary

Based on archival sources and the latest achievements of historiography, the article examines the issue of Germany's violations of the USSR's western border from September 28, 1939, to June 21, 1941. The author focuses on the air violations committed by the German side.

Keywords: The Great Patriotic War, USSR, the western border of the USSR, Germany, satellites, aviation, provocation, targeted preparation, a full-scale war.

С момента нападения нацистской Германии на Польшу, с объявления Великобританией и Францией войны Германии, закрутился маховик военного противостояния в Европе, от которого обычно специалисты отсчитывают ход Второй мировой войны. 28 сентября 1939 г. Германия и СССР подписали договор о дружбе и границах, что в глазах всего мира казалось очередным шагом к сближению двух государств. Вся предшествующая воинственная риторика

нацистского лидера о жизненном пространстве на Востоке (нем. Lebensraum im Osten) словно улетучилась или, по крайней мере, исчезла с полос официальной информации. Как показали дальнейшие события, это был только временный занавес, переключение внимания нацистского руководства на другие направления внешней политики. Однако, Советский Союз не выпал с поля зрения Гитлера и его окружения. Даже в моменты заверений в клятвенной дружбе и добрососедских отношениях, нацисты продолжали подготовку к войне против СССР. Увеличивались нарушения западной границы советского государства со стороны Германии и её союзников.

Сегодня, в период проведения Специальной военной операции, к сожалению, всё чаще имеют место факты провоцирующих действий и пересечения границ России странами Запада, что не может не вызывать опасений. Возможно изучение советского опыта, пусть зачастую неудачного, противодействия нарушениям границы в конце сентября 1939 и по 22 июня 1941 гг. будет способствовать недопущению серьёзных ошибок в настоящем, уроком для будущих поколений.

Несмотря на возросшее число опубликованных и обнародованных документов и материалов по разным направлениям взаимоотношений СССР и Германии в период с 28 сентября 1939 года по начало Великой Отечественной войны, далеко не все эпизоды и аспекты обозначенной проблемы известны и в полной мере освещены, в том числе нарушения германскими самолётами (и авиацией союзников Германии) западной границы СССР. Не всегда можно чётко объяснить цели, задачи и особенности полётов, ответить на вопрос о далекоидущих планах Германии, о причинах бездействия или слабого противодействия советской стороны.

Историография анализируемого вопроса представлена достаточно широким кругом публикаций советского и постсоветского периодов. В той или иной степени, он освещается в разделах монографий, посвященных предвоенному периоду, статьях, очерках и т. д. [1-11]. Среди представленных работ выделим труды А.А. Кокошина, А.Ю. Лашкова, А.М. Лукашевича [5-7]. В названных исследованиях ряд аспектов указанной темы проанализирован наиболее полно. Есть также работы, в которых очень подробно и на основе рассекреченных, и введенных в научный оборот архивных документов, представлено видение какого-то одного аспекта проблемы, к примеру, в исследовании М.И. Мельтюхова «15 мая 1941 г.: загадочный полёт «Юнкерса» Ю-52 в свете новых документов» [8].

Нарушение западной границы СССР (28 сентября 1939 – 21 июня 1941 гг.) отражено и в зарубежной историографии [12; 13]. Однако, в большинстве случаев интересующий нас аспект затронут поверхностно в рамках общих вопросов советско-германских взаимоотношений, не углубляясь в суть вопроса. Исключение составляет труд финского специалиста М. Йокипии «Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940-1941 гг.», в котором проанализированы нарушения воздушных границ СССР германо-финской стороной и Финляндии советской авиацией [14].

Источниковая база исследуемой проблемы расширяется, благодаря «архивной революции». Заметим, что в данном исследовании автор чаще всего опирался на опубликованные документы, в т. ч. постановления, приказы, отчёты, справки и др., использование которых способствовало более детальному и многоплановому анализу.

Очевидно, что далеко не все документы, которые могли пролить свет на разные аспекты представленной тематики, опубликованы и введены в научный оборот. Особенно это касается германских документов. В статье трудно представить полновесный историографический обзор и охарактеризовать источниковедческую базу обозначенной проблемы.

Опираясь на доводы и краткий анализ, представленные выше, в исследовании поставлена цель – через характеристику и анализ нарушений западной границы СССР за 28 сентября 1939 – 21 июня 1941 гг., попытаться ответить на вопрос о том, зачем германская сторона главным образом использовала данные действия: для создания провокации (почвы для объявления войны) или уже осуществляла целенаправленную подготовку к полномасштабной войне.

Напомним, что самолёты в качестве эффективных инструментов наблюдения за противником применялись ещё в годы Первой мировой войны. С учётом того, что в межвоенный период самолётостроение качественно продвинулось в ряде стран мира, возросли возможности использования воздушных машин в качестве действенного средства разведки.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, сделаем несколько предваряющих уточнений. Во-первых, Германия вела разведывательную деятельность в отношении СССР не только с момента оформления общей границы между странами в сентябре 1939 года, но в данной работе речь будет идти только об указанном периоде.

Во-вторых, нарушения западной границы СССР осуществлялись не только с территории Германии, но ещё и Финляндии, Венгрии и Румынии. Однако, как известно, представленные государства были сателлитами Третьего рейха и действовали в полной мере в русле нацистской внешней политики. Кроме того, осуществляя разведывательные полёты над территорией СССР, немецкие лётчики использовали аэродромы указанных государств-союзников.

Следует также напомнить, что на осень 1939 г. Советский Союз имел границу с тремя прибалтийскими республиками. Однако они – Эстония, Латвия и Литва – в сентябре-октябре 1939 г. подписали пакты о взаимопомощи с СССР, а в августе следующего года вошли в его состав.

В-третьих, в исследовании будут учтены только нарушения воздушного пространства СССР. В-четвертых, необходимо подчеркнуть, что в директиве Особого отдела ГУГБ НКВД СССР «О мерах по улучшению качества направляемой информации» нарушения границы самолётами были отнесены к категории происшествий (наряду с изменой Родине, дезертирством, террористическими актами, диверсиями и др.), по которым должны были представляться внеочередные донесения «начальниками особых отделов НКВД

дивизий, бригад, морских баз немедленно телеграфно непосредственно в Особый отдел ГУГБ НКВД СССР и обязательно в копии начальникам особых отделов НКВД военных округов и флотов» [15, с. 218].

В-пятых, в обозначенный период – с конца сентября 1939 г. по июнь 1941 г. именно европейская граница СССР находилась в центре внимания, «где за короткое время заново были созданы 4 пограничных округа, 26 пограничных отрядов, 6 отрядов пограничных судов» [10, с. 186]. Указанный период условно разделим на четыре подпериода, руководствуясь, в первую очередь, наличием отчётных документов НКВД, в которых представлена интересующая нас картина нарушений германскими самолётами воздушного пространства СССР.

Первый подпериод – самый большой, он охватывает более чем годичный временной промежуток, с 28 сентября 1939 по 16 октября 1940 гг., а численность самолётов-нарушителей отображена в Таблице 1.

Таблица 1. Численность самолётов-нарушителей западной границы СССР с 28 сентября 1939 по 16 октября 1940 гг. [18, с. 754-755]

Показатель Страна	Численность самолётов-нарушителей (шт.)
Германия	120
Венгрия	6
Румыния	69
Финляндия*	5
ВСЕГО:	200

* в военное время («зимняя» война между СССР и Финляндией – 30 ноября 1939 до 12 часов 00 мин 13 марта 1940 гг.) понятие «нарушение границы» теряет смысл, трансформируясь в «боевые вылеты», поэтому учтён только мирный период

Итак, за очерченный подпериод по официальным советским данным, нацисты и их приспешники при нарушении советской западной границы использовали 200 самолётов. Следует заметить, что «отдельные командиры приграничных частей в сложившейся обстановке настоятельно просили своё руководство предоставить им право применять оружие по нарушителям» [6, с. 24].

У нас нет точных данных о том, сколько советских воздушных судов нарушили воздушное пространство Германии за указанный период. Такие факты очень редко, но имели место.

В частности, 19 июля 1940 г. «экипаж самолёта СБ 31-го скоростного бомбардировочного полка (далее – 31 сбп) в составе старшего лейтенанта Лебедева С.П., младшего лейтенанта Кузнецова И.К. и младшего комвзвода Зайченко Г.Д.» в ходе учебно-тренировочного полёта потерял ориентировку, пересёк государственную границу и произвёл посадку в Мемеле (Клайпеде). Было проведено расследование, в результате которого было установлено, что С.П. Лебедев не должным образом подготовился к полёту, не принял самолёт перед вылетом, доверив это обучаемому лётчику, осуществил полёт со старой

картой, в конечном итоге «проявил недостойную командира Красной Армии панику», «самым же худшим явилось его решение произвести посадку, зная, что это аэродром зарубежный» [20, с. 161].

В цитируемом Приказе НКО отмечалось, что подобные случаи участились в других частях ВВС, но конкретно не указывалось в каких и сколько. В результате С.П. Лебедев и И.К. Кузнецов были преданы суду Военного трибунала, командира эскадрильи и штурмана 31 сбп понизили в звании и должности. Кроме того, врио командира, военному комиссару, начальнику штаба 31 сбп был объявлен выговор. Заканчивался текст приказа требованием командующим войсками округов и армий произвести проверку исполнения в частях ВВС «наставлений по производству полётов и штурманской службе, проверить нанесение государственной границы на картах и знание района полётов у всего подчиненного лётного состава и установить постоянный контроль за точным и неуклонным соблюдением указанных наставлений», а также объявить всему лётному составу, что «виновные будут привлекаться к строгой ответственности, вплоть до предания суду» [20, с. 161-162].

Несколько ранее проанализированного инцидента, 29 марта 1940 г. был издан приказ НКВД пограничным войскам, в котором предписывалось не открывать огня по германским самолетам-нарушителям границы, ограничиваясь составлением акта о нарушении границы, заявлением в устной или письменной форме протеста соответствующим представителям германского командования [18, с. 303].

17 апреля 1940 г. вышло постановление СНК СССР о заключении «Конвенции между Союзом ССР и Германией о порядке расследования и разрешения пограничных инцидентов и конфликтов» [17, с. 447-458]. Документ включал в себя 19 статей, Заключительный и Дополнительный протоколы. Он определял механизм фиксации, расследования и разрешения конфликтов и инцидентов на границе. В статье 4 указанной Конвенции выделялось 15 пунктов-случаев нарушений границы. Пункт 3 касался «нарушений границы воздушными и речными судами», а пункт 13 «фотографирования сопредельной пограничной территории» [17, с. 449-450]. Документ не предполагал жестких мер противодействия, а потому не решал проблему нарушений границы.

В сообщении НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о нарушениях государственной границы СССР за период с ноября 1940 по 10 июня 1941 гг. (в нашем исследовании это второй условный подпериод), датированном 12 июня 1941 г., зафиксировано за отмеченный временной отрезок факт нарушения советской западной границы 185-тью самолётами Германии. Причём почти половина (91 самолёт) нарушителей пришлась на май и 10 дней июня. Засвидетельствовано, что нарушения не носят случайный характер, осуществлялись на глубину 100 и более км над районами «оборонительных сооружений» и «пунктов расположения крупных гарнизонов Красной Армии». Вопиющий случай, упоминаемый в анализируемом документе, отмечен 15 апреля 1941 г., когда истребители Красной Армии приземлили в районе г. Ровно германский самолёт, в котором были обнаружены «карты Черниговской области

УССР», «аэрофотосъёмочные принадлежности и заснята плёнка». Нарушитель залетел на советскую территорию в глубину на 200 км [16, с. 350].

Масштабы авианарушений, вместе с 2080 нарушителями сухопутной границы за период с 1 января по 10 июня 1941 г., участвовавшими случаями задержания агентов германских разведывательных органов, указывали на системную подготовку нацистской Германии к войне против СССР [16, с. 350].

За период с 16 октября по 1 марта 1941 г. по данным НКВД 6 советских самолётов нарушили границу с Германией. По официальной советской информации, эти нарушения были связаны с ошибками в навигации или другими непреднамеренными обстоятельствами [18, с. 364].

21 апреля 1941 г. НКВД СССР предъявил вербальную ноту германскому посольству в Москве о нарушении государственной границы СССР германскими самолётами, указав на тот факт, что только с 27 марта по 18 апреля 1941 года было зафиксировано 80 случаев нарушений. Однако, реакции на ноту со стороны Германии так и не последовало. Забегая вперёд, заметим, что 21 июня в беседе с послом Ф. фон Шуленбургом нарком иностранных дел В.М. Молотов ещё раз напомнил о ноте от 21 апреля, а также отметил тот факт, что нарушения границы СССР увеличились, «приняли систематический характер», германские самолёты стали залетать вглубь территории СССР на 100-150 км. 21 июня 1941 года была предъявлена новая нота полпредства СССР германскому правительству о нарушении германскими самолётами воздушного пространства СССР, но ответа снова не последовало, а на следующий день, как известно, началась война [16, с. 415].

Еще один инцидент с нарушением советской западной границы, который долгое время числился среди «загадочных», произошёл 15 мая 1941 года, когда германский внереисовый самолёт Ю-52 («Юнкерс») совершил беспрепятственный полёт (более 5-ти часов находился в воздухе) по маршруту Кенигсберг-Белосток-Минск-Смоленск-Москва, а советская ПВО никаких мер к прекращению полёта не приняла [8, с. 181]. Существовало несколько разных версий в отношении цели данного полёта. Российский исследователь Л.Г. Ивашов, к примеру, считал, что данный полёт был сугубо разведывательный [4].

Отечественный специалист М.И. Мельтюхов, на основе рассекреченных документов, пришёл к выводу, «что отсутствие реакции ПВО на появление в советском воздушном пространстве неизвестного самолёта стало результатом целой цепи ошибок и бюрократической неразберихи» [8, с. 185-186]. Наблюдатели пограничных войск и ПВО приняли самолёт за рейсовый ДС-3. Нарком госконтроля СССР Л.З. Мехлис предлагал «сделать представление германскому правительству в связи с фактом самовольного перелёта Ю-52 нашей границы, что могло привести к несчастному случаю» [8, с. 189].

Не вдаваясь в подробности инцидента, заметим, что по итогам расследования нарком госконтроля отстранил от занимаемых должностей дежурных по Белостокскому и Минскому аэропортам, начальнику радиостанции Белостокского аэропорта был объявлен строгий выговор, начальнику названного аэропорта – выговор, начальнику Управления международными воздушными

линиями было предложено «навести строгий порядок в Белостокском и Минском аэропортах, на радиостанциях и восстановить связь аэропорта с частями ВВС и ПВО Белостока», а Главному управлению ВВС Красной Армии – «немедленно восстановить телефонную связь 9-й смешанной авиадивизии с Белостокским аэропортом и наказать виновных в отсутствии связи в течении месяца» [8, с. 188].

Можно сослаться на самоуправство германских лётчиков, на утверждение немецкого пилота К. Марлота о том, что он «не получал никаких письменных инструкций», но военное руководство СССР недвусмысленно указало на факт неудовлетворительного состояния службы ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь) в районе 4-й бригады ПВО Западного Особого военного округа.

В приказе народного комиссара обороны СССР маршала С.К. Тимошенко № 0035 от 10 июня 1941 г. (документ впервые был опубликован в открытой печати летом 1990 г.) делался акцент на необходимости наведения порядка в ПВО и наложении взыскания на командно-начальствующий состав войск ПВО и штаба ВВС Красной Армии. Командующему Западной зоной ПВО генерал-майору артиллерии С.С. Сазонову и начальнику штаба 4-й бригады ПВО майору Автономову (*начштаба в приказе упоминается только по званию и фамилии – без указания имени и отчества – М.Г.В.*) объявили выговор, а начальнику штаба ВВС генерал-майору авиации П.С. Володину и заместителю начальника штаба 1-го отдела штаба ВВС генерал-майору Д.Д. Грендалю – замечание [8, с. 222].

В первый день лета 1941 года произошёл еще один инцидент, когда советский истребитель, преследуя германский самолёт-нарушитель, перелетел границу в районе Августов (Западный особый военный округ) и примерно 5 минут находился в воздушном пространстве Германии. Народный комиссар НКВД Л.П. Берия потребовал провести тщательное расследование этого происшествия. 12 июня 1941 г. последовал приказ командующим приграничных округов, в соответствии с которым был наложен запрет на полёты советской авиации в 10-километровой приграничной полосе, чтобы избежать провокаций [1, с. 541].

В Табл. 2 представлены данные о количестве нарушителей за 10-19 июня 1941 г.

Таблица 2. Численность самолётов-нарушителей западной границы СССР в период с 10 по 19 июня 1941 г. [16, с. 396-397]

Показатель Страна	Численность самолётов-нарушителей (шт.)
Германия	63
Венгрия	2
Румыния	12
Финляндия	9
ВСЕГО:	86

Наконец, в Табл. 3 приведена информация о численности зарубежных самолётов, нарушивших западную границу СССР за два последних предвоенных дня – 20-21 июня 1941 г.

Таблица 3. Численность самолётов-нарушителей западной границы СССР за 20-21 июня 1941 г. [18, с. 756-757].

Показатель Страна	Численность самолётов-нарушителей (шт.)
Германия	41
Венгрия	-
Румыния	5
Финляндия	8
ВСЕГО:	54

Ссылаясь на архивные документы, В.А. Анфилов в исследовании «Роковой просчёт в планировании на случай войны» приводит данные о 60-ти нарушениях границы за 20-21 июня 1941 г., но к сожалению, не указывает численность самолётов-нарушителей [1, с. 540-541]. Советские самолёты, вылетая навстречу нарушителям, по-прежнему были проинструктированы и имели строжайший приказ предупреждать нарушителей, предлагать им посадку. К тому же, как было указано выше, нашим лётчикам не разрешалось приближаться к границе [1, с. 540-541].

Представим и суммируем полученные данные за четыре подпериода с помощью Табл. 4.

Таблица 4. Численность самолётов Германии и её сателлитов, нарушивших западную границу СССР за период с 28 сентября 1939 по 21 июня 1941 г.

Показатель Подпериод	Численность самолётов-нарушителей (шт.)
(I) 28 сентября 1939 по 16 октября 1940 гг.	200
(II) 1 ноября 1940 по 10 июня 1941 гг.	185*
(III) 10-19 июня 1941 г. включительно	86
(IV) 20-21 июня 1941 г.	54
ВСЕГО:	525

* нет данных о самолётах-нарушителях со стороны Финляндии, Венгрии, Румынии

В источниках нами не был обнаружен показатель авианарушений за 16-31 октября 1940 г., но зато есть информация о том, что с 16 октября 1940 по 1 марта 1941 гг. было зафиксировано 37 самолётов-нарушителей западной границы СССР со стороны Германии (без союзников) [18, с. 364]. Средний показатель на интересующем нас историческом отрезке – 4 самолёта-нарушителя за полмесяца.

Подытоживая полученные данные, следует констатировать, что за период с 28 сентября 1939 по 21 июня 1941 гг. было зафиксировано около 530 фактов нарушений западной границы СССР самолётами Германии и её сателлитов. Вероятно, нарушений было больше, так как на двух исторических отрезках не указана численность самолётов-нарушителей союзников Германии.

Обратимся к анализу показателей, представленных в Табл. 4. Безусловно следует иметь ввиду, что это прежде всего количественные показатели, но наш взгляд, они хорошо подтверждают тенденцию увеличения масштабов разведывательной деятельности Германии против СССР. Если принять во внимание такой среднестатистический показатель как количество самолётов-нарушителей в день, то указанная тенденция чётко обнаруживается. Так, в условном втором подпериоде по сравнению с первым, численность самолётов-разведчиков увеличилась почти вдвое. В преддверии Великой Отечественной войны данный показатель вырос почти в десять раз (см. III подпериод в Табл. 4), а непосредственно перед войной в последние два дня увеличился еще в три раза по сравнению с III подпериодом. Первый подпериод отличается от четвертого по обозначенному показателю более чем в 50 раз!

Указанные в Табл. 4 цифры убедительно свидетельствуют о целенаправленной, а не случайной подготовке Германии к вторжению в СССР, которая всё более становилась явной, чем ближе был «день X». В Германии были созданы целые специализированные эскадрильи, которые характеризовались хорошо отлаженной системой разведывательной работы, высоким профессионализмом и часто подчёркнутым высокомерием немецких пилотов. Враг тщательнейшим образом готовился к войне, достаточно хорошо изучил в первую очередь западные приграничные районы СССР.

Примером и доказательством хорошо поставленной воздушной разведывательной работы служит деятельность группы («команды») оберст-лейтенанта Теодора Ровеля, с нач. 30-х гг. XX в. ставшего агентом Абвера, с 1936 г. перешедшего и в подчинение люфтваффе. Указанная группа имела на вооружении самолёты-разведчики, составлявшие т. н. группу разведки главнокомандующего люфтваффе (Aufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe) или «Das Kommando Rowehl». Из наиболее опытных членов «команды Ровеля» ещё в октябре 1939 г. сформировали специальное подразделение – «Опытная станция высотных полетов» (Versuchsstelle für Höhenflüge – VfH), имевшее на балансе экспериментальные и малосерийные невооруженные самолёты.

Есть основание полагать, что именно в октябре 1940 г. Ровель получил приказ провести масштабную авиафоторазведку западных районов СССР в рамках подготовки к нападению на Советский Союз [5, с. 122]. Полёты должны были осуществляться скрытно на больших высотах, а завершиться к 15 июня 1941 года. Основная задача, которая вменялась группе: получить информацию о военных, промышленных объектах, коммуникациях, морских и речных портах и т. д. В первую очередь Германию интересовали московский, ленинградский и

бакинский промышленные районы. Кроме германских баз для полётов использовались аэродромы в Финляндии, Венгрии и Румынии.

В 1940–1941 гг. в «команде Ровеля» были бомбардировщики дальнего действия, оборудованные специальными устройствами, закачивавшими в двигатели азотнокислородную смесь, которая улучшала их работу на большой высоте. Самолеты оснащались тремя специальными фотоаппаратами с цейссовскими (компания Carl Zeiss Jena) объективами, с возможностью производить до 180 снимков. Один фотоаппарат фотографировал вертикально, два других – под углом.

Следует особо отметить тот факт, что превосходством авиаразведки Германии, особенно в тактическом звене, было использование специального самолета-разведчика «Фокке-Вульф-189» («Рама», в нем. версии – «Ugu» («Филин»)) [3]. Трёхместная машина могла решать задачи в неблагоприятных условиях, возвращаясь на базу с тяжелейшими повреждениями. Её маневренность позволяла уклоняться от атак истребителей [5, с. 120].

Систему постоянного наблюдения и аэрофотосъемки можно было выстроить только с помощью большого числа самолётов разведывательного плана. Кроме «Фокке-Вульф-189» в люфтваффе имелись самолёты-разведчики иных типов – «Дорнье-17», «Дорнье-215», «Хеншель-45», «Хеншель-46», «Юнкерс-88», «Юнкерс-86» и др. Как правило, в разведывательных целях использовались высотные бомбардировщики, модифицированные для аэрофотосъёмки. В целом, «доля специальной разведывательной авиации была в люфтваффе в несколько раз выше, чем в советских ВВС» [5, с. 120-121].

Тем не менее, воздушная разведка Германии имела и ограничения, так как у люфтваффе отсутствовали специализированные стратегические бомбардировщики дальнего действия, потенциал азиатской части СССР мало изучался, за исключением бакинского промышленного района. Всё, и в том числе авиаразведка, было подчинено концепции «молниеносной войны», приоритет отдавался тактическому характеру её деятельности.

Советское руководство противопоставило коварству врага и латентной подготовке к войне международное право, использование системы актов и протестов, чтобы с опорой на доказательства указать на нарушения международных норм. Однако, на нацистское руководство эти действия должного эффекта не возымели – Германия готовилась к полномасштабной войне.

С нашей точки зрения принципиально важно подчеркнуть, что в телеграмме министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Ф.-В. Шуленбургу от 21 июня 1941 года среди озвученных причин, которые немецкое руководство выделило в качестве главных претензий к СССР, приведших к развязыванию войны, нет ни слова о нарушениях со стороны Советского Союза германской границы [16, с. 417-419].

Наци №1 в своей речи от 22 июня 1941 г. ссылается на какие-то действия советской стороны 18 июня 1941 года, не приводя никаких доказательств. Присвоив себе право говорить от имени «всей Европы» и указав на нарушения

договорённостей, якобы совершённых Москвой, Гитлер безапелляционно заявлял: «Советские лётчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами территорий. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки» [16, с. 437]. Как видим, не указано никакой конкретики, лишь голословные обвинения, но на первый план выходит позиционирование себя как защитника «всех стран Европейского континента» [16, с. 437].

Упомянувшийся выше финский историк М. Йокиппи утверждал: «На протяжении 1941 г. русские на гидросамолетах МБР-2 вели наблюдение за протяженной береговой линией Финляндии и совершили, по крайней мере, 59 зафиксированных полетов. В январе русские вторгались в финское воздушное пространство 8 раз, феврале – 5, марте – 19, апреле – 5, мае – 13 и в июне – 8 раз» [14, с. 239]. Однако, к сожалению, не указал источник приведенных данных и не стал углубляться в более детальный анализ. Несмотря на попытки представить обе стороны – Германию (с Финляндией) и СССР в качестве сил, несших равную ответственность за разведывательные полёты, Йокиппи всё же констатировал в отношении германо-финского союза, что «в полётах, которые стали совершаться со второй половины июня, уже присутствовал явный наступательный дух» [14, с. 240].

Таким образом, даже краткий анализ подводит нас к выводу о систематическом, целенаправленном процессе подготовки нацистской Германии к полномасштабной войне с СССР, так как с 28 сентября 1939 по 21 июня 1941 гг. Германией и её сателлитами было совершено около 530 нарушений воздушного пространства. Указанные данные нуждаются в уточнении, так как за отдельные, пусть и небольшие подпериоды, информация по некоторым странам-сателлитам Германии отсутствует. К тому же, ряд самолётов-нарушителей мог быть не зафиксирован советской стороной, а некоторые случаи не попасть на страницы отчётов.

Свести все эти действия к случайным фактам не представляется возможным, что неоднократно и чётко подчёркивалось в советских документах исследуемого периода. Германские самолёты залетали вглубь советской территории на 100-150 км, а в редких случаях даже дальше. При этом германская воздушная разведка сочетала черты стратегического и тактического характера, с приоритетом и подчинением всей разведывательной деятельности концепции блицкрига. В арсенале у воздушных разведчиков, хорошо подготовленных в профессиональном плане, чаще всего были высотные бомбардировщики, оснащенные новейшей на тот момент фотоаппаратурой. Возможности вести подобную деятельность против Германии у ВВС Красной Армии были в несколько раз более ограниченными.

Можно утверждать, что одной из главных причин бездействия или слабого воздействия на нарушения воздушного пространства была сознательная политика советского руководства «не поддаваться на провокации», которая объяснялась стремлением успеть более качественно подготовиться к войне.

Запрет открывать огонь при нарушении границы германскими самолётами, сведение подавляющего числа инцидентов к актам и протестам, сыграл злую шутку над советской стороной.

В современной зарубежной историографии проскальзывает попытка обвинить советское руководство в том, что оно тоже, наряду с Гитлером осуществляло действия по нарушению воздушного пространства Германии в рамках долгосрочной стратегии. Однако, кроме единичных фактов, приведённых в данном исследовании, на сегодняшний день не представлено полновесных доказательств в поддержку указанной точки зрения.

Данное исследование не претендует на всеохватность анализируемой проблематики, но в полной мере показывает целенаправленную работу нацистов по подготовке к нападению на СССР, эффективность которой, к сожалению, сказалась уже в первые дни Великой Отечественной войны и привела к значительным человеческим и материальным потерям на территории Советского Союза.

Список источников и литературы:

1. Анфилов В. А. Роковой просчёт в планировании на случай войны // История Великой Победы. В 3 томах. Том 1. Канун трагедии / под общей редакцией академика РАН А. В. Торкунова; составитель М. А. Мунтян; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва: МГИМО Университет, 2020. – 663 с. – С. 499-565.

2. Беляев В. И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 1988. - № 5. – С. 50-55.

3. Борисов Ю. Самолет-разведчик Focke Wulf FW189 «Рама». М.: ООО «Издательский центр «Экспринт», 2005. – 48 с.

4. Ивашов Л.Г. От «юнкерса» 1941 года к «цессне» 1987-го / Л. Г. Ивашов // Военно-исторический журнал. – 1990. - № 6. – С. 43-46.

5. Кокошин А. А. Разведывательная и разведывательно-диверсионная деятельность нацистской Германии перед нападением на СССР // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 4. – С.113-139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvedyvatel'naya-i-razvedyvatel'no-diversionnaya-deyatelnost-natsistskoy-germanii-pered-napadeniem-na-sssr> (дата обращения: 27.05.2026).

6. Лашков А.Ю. «С авиацией германской армии в бой не вступать, госграницу с Латвией и Литвой не нарушать» // Военно-исторический журнал. 2024. – № 8. – С. 16-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-aviatsiey-germanskoj-armii-v-boy-ne-vstupat-gosgranitsu-s-latviey-i-litvoy-ne-narushat> (дата обращения: 27.05.2026).

7. Лукашевич А.М. Как рождались пограничные мифы: воздушные инциденты на советско-германской границе: (октябрь 1939 - июнь 1941 г.) / А. М. Лукашевич // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. – 2021. – Вып. 24: Урал между Западом и Востоком. – С. 268-280.

8. Мельтюхов М. И. 15 мая 1941 г.: загадочный полёт «Юнкерса» Ю-52 в свете новых документов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. №1 (28). С. 178-226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15-maya-1941-g-zagadochnyy-polet-yunkersa-yu-52-v-svete-novyh-dokumentov> (дата обращения: 27.05.2026).

9. Мягков М. Ю. Европа и СССР от начала Второй мировой до Великой Отечественной войны (1 сентября 1939 г. – 22 июня 1941 г.) // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 2(27). С. 11-11. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-2-11-11.

10. Терещенко В.В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941 г.) // Вестник ТГУ. 2013. №6 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogranichnye-okruga-nakanune-velikoy-otechestvennoy-voyny-1939-iyun-1941-g> (дата обращения: 29.05.2026).

11. Хорьков А. Г. Накануне грозных событий // Военно-исторический журнал. – 1988. - № 5. – С. 42-49.

12. Йоргенсен К. Гитлеровская машина шпионажа = Hitler's espionage machine [Текст]: военная и политическая разведка Третьего рейха, 1933–1945 / Кристиер Йоргенсен; [пер. с англ. С. Н. Самуйлова]. – Москва: Центрполиграф, 2012. – 206 с.

13. Müller R-D. Enemy in the East. Hitler's secret plans to invade the Soviet Union. London; New York: L.B. Tauris, 2015. – xiv+316 p.

14. Йокиппи М. Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940-1941 гг. /Пер. Л. В. Суни. – Петрозаводск: Карелия, 1999. – 370 с.

15. 1941 год: В 2 кн. Кн. 1/ Сост. Л.Е. Решин и др.; Под ред. В.П. Наумова; Вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Междунар. фонд "Демократия", 1998. – 832 с.

16. 1941 год: В 2 кн. Кн. 2/ Сост. Л.Е. Решин и др.; Под ред. В.П. Наумова; Вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Междунар. фонд "Демократия", 1998. – 752 с.

17. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920-1941: сб. док. в 3 т. Т. 3. 1933-1941 / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук, Науч. совет по истории соц. реформ, движений и революций, Архив президента РФ; отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2011. – 690 с.

18. Пограничные войска СССР. 1939-июнь 1941: Сб. док. и материалов / Ин-т истории АН СССР, Гл. упр. погран. войск, Полит. упр. погран. войск; Сост. Е.В. Цыбульский, А.И. Чугунов, А.И. Юхт. – М.: Наука, 1970. 822 с.

19. Рассекреченное лето 1941 г. Сборник документов и материалов /Сост. А. П. Аристов. – М.: СВГБ, 2011. – 352 с.

20. Русский архив: Великая Отечественная война: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2 – 1). – М.: ТЕРРА, 1994. – 368 с.

REFERENCES

1. Anfilov V. A. (2020) *Rokovoj proschyot v planirovanii na sluchaj vojny`* // Istoriya Velikoj Pobedy`. V 3 tomax. Tom 1. Kanun tragedii / pod obshhej redakciej akademika RAN A. V. Torkunova; sostavitel` M. A. Muntyan; Moskovskij gosudarstvenny`j institut mezhdunarodny`x otnoshenij (universitet) Ministerstva inostranny`x del Rossijskoj Federacii. – Moskva: MGIMO Universitet, 663 s. – S. 499-565. (In Russian).
2. Belyaev B. I. (1988) *Usilenie ohrany` zapadnoj granicy SSSR nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny`* // Voенно-istoricheskij zhurnal. № 5. – S. 50-55. (In Russian).
3. Borisov Yu. (2005) *Samolet-razvedchik Focke Wulf FW189 «Rama»*. M.: ООО «Izdatel'skij centr «E`ksprint», 48 s. (In Russian).
4. Ivashov L.G. (1990) *Ot «yunkersa» 1941 goda k «cessne» 1987-go* / L. G. Ivashov // Voенно-istoricheskij zhurnal. № 6. – S. 43-46. (In Russian).
5. Kokoshin A. A. (2014) *Razvedy`vatel`naya i razvedy`vatel`no-diversionnaya deyatel`nost` nacistской Germanii pered napadeniem na SSSR* // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodny`e otnosheniya i mirovaya politika. №4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvedyvatelnaya-i-razvedyvatelno-diversionnaya-deyatelnost-natsistskoj-germanii-pered-napadeniem-na-sssr> (date of application: 27.05.2026). (In Russian).
6. Lashkov A.Yu. (2024) *«S aviaciej germanskoy armii v boj ne vstupat`, gosgraniczu s Latviej i Litvoj ne narushat`»* // VIZh. №8. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-aviatsiey-germanskoy-armii-v-boy-ne-vstupat-gosgrancitsu-s-latviej-i-litvoj-ne-narushat> (date of application: 27.05.2026). (In Russian).
7. Lukashevich A.M. (2021) *Kak rozhdalis` pogranychny`e mify`: vozdushny`e incidenty` na sovetsko-germanskoy granice: (oktyabr` 1939 - iyun` 1941 g.)* / A. M. Lukashevich // Zapad, Vostok i Rossiya: Voprosy` vseobshhej istorii. – Vy`p. 24: Ural mezhdru Zapadom i Vostokom. – S. 268-280. (In Russian).
8. Mel'tyuxov M. I. (2022) *15 maya 1941 g.: zagadochny`j polyot «Yunkersa» Yu-52 v svete novy`x dokumentov* // Zhurnal rossijskix i vostochnoevropejskix istoricheskix issledovanij. №1 (28). S. 178-226. Retrieved from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15-maya-1941-g-zagadochnyy-polet-yunkersa-yu-52-v-svete-novyh-dokumentov> (date of application: 27.05.2026). (In Russian).
9. Myagkov M. Yu. (2021) *Evropa i SSSR ot nachala Vtoroj mirovoj do Velikoj Otechestvennoj vojny` (1 sentyabrya 1939 g. – 22 iyunya 1941 g.)* // Nauka. Obshhestvo. Oborona. T. 9. № 2(27). S. 11-11. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-2-11-11. (In Russian).
10. Tereshhenko V.V. *Pogranychny`e okruga nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny` (1939 – iyun` 1941 g.)* // Vestnik TGU. 2013. №6 (122). Retrieved from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogranychnye-okruga-nakanune-velikoy-otechestvennoy-voyny-1939-iyun-1941-g> (date of application: 29.05.2026). (In Russian).

11. Xor'kov A. G. (1988) *Nakanune grozny`x soby`tij* // Voенно-istoricheskij zhurnal. –№ 5. – S. 42-49. (In Russian).
12. Jorgensen K. (2012) *Gitlerovskaya mashina shpionazha = Hitler's espionage machine [Tekst]: voennaya i politicheskaya razvedka Tret`ego reixa, 1933–1945* / Krister Jorgensen; [per. s angl. S. N. Samujlova]. – Moskva: Centrpoligraf. – 206 s. (In Russian).
13. Müller R-D. (2015) *Enemy in the East. Hitler's secret plans to invade the Soviet Union*. London; New York: L.B. Tauris. – xiv+316 p. (in German).
14. Jokipii M. (1999) *Finlyandiya na puti k vojne: Issledovanie o voennom sotrudnichestve Germanii i Finlyandii v 1940-1941 gg.* /Per. L. V. Suni. – Petrozavodsk: Kareliya. – 370 s. (In Russian).
15. *1941 god: V 2 kn. Kn. 1*(1998) / Sost. L.E. Reshin i dr.; Pod red. V.P. Naumova; Vstup. st. akad. A.N. Yakovleva. – M.: Mezhdunar. fond Demokratiya. – 832 s. (In Russian).
16. *1941 god: V 2 kn. Kn. 2* (1998) / Sost. L.E. Reshin i dr.; Pod red. V.P. Naumova; Vstup. st. akad. A.N. Yakovleva. – M.: Mezhdunar. fond Demokratiya. – 752 s. (In Russian).
17. *Moskva – Berlin: politika i diplomatiya Kremlya, 1920-1941: sb. dok. v 3 t. T. 3. 1933-1941* (2011) / RAN, Otd-nie ist.-filolog. nauk, Nauch. sovet po istorii socz. reform, dvizhenij i revolyucij, Arxiv prezidenta RF; otv. red. G.N. Sevost`yanov. – M.: Nauka. – 690 s. (In Russian).
18. *Pogranichny`e vojska SSSR. 1939-iyun` 1941: Sb. dok. i materialov* (1970) / In-t istorii AN SSSR, Gl. upr. pogan. vojsk, Polit. upr. pogan. vojsk; Sost. E.V. Cybul'skij, A.I. Chugunov, A.I. Yuxt. – M.: Nauka. 822 s. (In Russian).
19. *Rassekrechennoe leto 1941 g. Sbornik dokumentov i materialov* (2011) /Sost. A. P. Aristov. – M.: SVGB. – 352 s. (In Russian).
20. *Russkij arxiv: Velikaya Otechestvennaya vojna: Prikazy` narodnogo komissara oborony` SSSR. T. 13 (2 – 1)* (1994). – M.: TERRA. – 368 s. (In Russian).

Данные автора статьи

Мишечкин Геннадий Валерьевич ORCID 0000-0001-5869-156X	Mishechkin Gennadiy Valerievich
--	--

УДК 94(47).084.8:355.48

DOI: 10.5281/zenodo.23022841

EDN: LOZWOP

К.С. Инюшев

Стажер-исследователь; магистрант

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный Научный центр

Российской академии наук»; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет

Институт истории и международных отношений»

E-mail: kostia.iniushev@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧАСТЯМИ ЮЖНОГО ФРОНТА В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ И ДОНБАССА В 1941 Г.

Аннотация

В статье на основе документов ЦАМО РФ анализируются проблемы управления частями Южного фронта в ходе оборонительных и наступательных операций на территории Северной Таврии и Донбасса в 1941 г. Были выявлены системные недостатки в обеспечении прямого руководства частями РККА, организации связи и координации между соединениями и родами войск. Делается вывод об устойчивом характере управленческих сбоев, оказавших влияние на боеспособность подразделений Красной армии на южном крыле советско-германского фронта.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, бои на южном направлении, управление войсками.*

Summary

The article, drawing on documents from the Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF), analyzed the problems of command and control of the Southern Front's units during the defensive and offensive operations in Northern Tavia and the Donbass in 1941. Systemic deficiencies were identified in the provision of military command of Red Army units, the organization of communications, and the coordination of large formations and combat arms. It was concluded that these command-and-control failures were of a persistent nature and affected the combat effectiveness of Red Army units on the southern wing of the Soviet-German front.

Key words: *The Great Patriotic War, battles in the southern direction, troop command and control.*

Причины стратегических неудач Красной армии в первые месяцы Великой Отечественной войны составляют одну из центральных проблем отечественной

и зарубежной военной историографии. Как отмечал М. М. Минц, к настоящему моменту сложился ряд взаимосвязанных исследовательских направлений, раскрывающих обстоятельства военного коллапса Красной армии: от анализа предвоенного опыта советской армейской организации до оценки оперативно-стратегического планирования и качественного состояния вооруженных сил накануне конфликта [1]. При этом многообразие теоретико-методологических подходов не означает доминирования определенных факторов в объяснении причин поражений РККА. Напротив, оно отражает комплексный характер стратегического кризиса 1941 г., различные проявления которого получили разработку в рамках самостоятельных историографических направлений.

Академическое изучение истоков поражений Красной армии в 1941 г. относится к сравнительно позднему периоду развития отечественной военной историографии, связанному с расширением исследовательских возможностей благодаря «архивной революции» 1990-х гг. В это время фундаментальные монографические исследования М. И. Мельтюхова [2] и В. Н. Свищева [3] конкретизировали масштабы стратегических катастроф летней кампании 1941 г. и позволили сформировать более целостное представление об обстоятельствах и характере первых оборонительных сражений Великой Отечественной войны.

В новейший историографический период проблема получила дальнейшее развитие как в региональном измерении [4], так и в более специализированных исследованиях, посвященных отдельным аспектам качественного и организационного состояния Красной армии накануне и в начале Великой Отечественной войны. Так, В. А. Арцыбашев исследовал военно-теоретические представления советского командного состава о характере будущего конфликта и их влияние на советское военное строительство в 1930-е гг. [5]. В. А. Рунов акцентировал внимание на уровне подготовки руководящих кадров РККА и довоенных стратегических доктринах, определивших логику оборонительных операций в западных областях СССР [6]. А. В. Исаев, анализируя ход летне-осенней кампании 1941 г., сосредотачивался на конкретных военно-оперативных обстоятельствах, обусловивших неудачи советских войск в масштабе глобальных фронтовых процессов [7].

Однако проблемам функционирования советского командования в отдельных фронтовых операциях отводилось сравнительно меньше внимания. Немногочисленные работы, обращенные к вопросу организационного положения в частях РККА летом-осенью 1941 г., охватывают в исследовательских границах главным образом центральное и северо-западное направления боевых действий [8; 9]. В иных случаях их предметная направленность связана с общими тенденциями в развитии советской системы общевойскового управления в годы Великой Отечественной войны [10]. Вследствие этого недостатки в обеспечении командно-штабной работы в соединениях Красной армии на южном участке советско-германского фронта летом–осенью 1941 г. до настоящего времени не являлись предметом специального изучения.

Между тем, опыт первых месяцев Великой Отечественной войны убедительно продемонстрировал, что устойчивость системы управления являлась одним из важнейших условий боеспособности советских войск и их готовности своевременно реагировать на стремительное развитие оперативной обстановки. Это особенно актуально для Южного фронта, где высокая динамика боевых действий предъявляла повышенные требования к оперативному искусству командиров РККА.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и классификации недостатков в системе управления соединениями Красной армии, проявившихся в боях на Южном фронте в период с августа по декабрь 1941 г., и определении основных факторов ее устойчивости в ходе военных операций на территориях Северной Таврии, Нижнего Дона и Донбасса.

Для реализации поставленных задач проведен анализ директив, приказов и распоряжений командования Южного фронта и входивших в его состав соединений с целью выявления критических замечаний по вопросам управления подчиненными частями и координации боевых действий. В качестве источников были привлечены документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ): распоряжения и приказы штабов армий Южного фронта, отражающие организационные аспекты боевой деятельности соединений, принявших участие в сражениях в Приазовье, на Дону и Донбассе. Военное делопроизводство дополнено личными материалами советских военачальников, прежде всего воспоминаниями командующего Южного фронта Д. И. Рябышева и опубликованными в недавнем времени дневниковыми записями Р. Я. Малиновского. Кроме этого, привлечены отдельные директивы Ставки ВГК из тематических сборников документов, посвященных оборонительным действиям на территории южных регионов СССР в 1941-1942 гг.

К середине августа 1941 г. по итогам серии приграничных сражений на кишиневском, гайворонском и уманском направлениях войска Южного фронта были вынуждены начать отступление от Днестра и Южного Буга, в конечном счете оставив за противником значительную часть территорий Правобережной Украины. Понеся существенные потери в личном составе и материальной части, соединения 6-й, 9-й, 12-й и 18-й армий закрепились по линии Днепропетровск-Запорожье-Херсон, временно стабилизировав положение на естественных рубежах Приднепровья [11, Л. 69].

Однако на состояние войск и их способность к организованному развертыванию обороны тяжелым образом сказались последствия Уманского котла и предшествовавших арьергардных боев под Николаевым и Александрийском. В течение первой декады августа 1941 г. 6-я и 12-я армии Южного фронта фактически перестали существовать как самостоятельные войсковые формирования, а вышедшие из окружения остатки группы П. Г. Понеделина, переданные в состав 18-й армии, оказались в значительной степени дезорганизованы [11, Л. 41]. В то же время боеспособность соединений Красной армии на левом крыле Южного фронта также заметно снизилась

вследствие систематических перебоев общевойскового управления, сопровождавших стремительный отход к Днепру [11, Л. 46; 50].

В шифрограммах от 4 и 24 августа 1941 г. командующий войсками Юго-Западного направления С. М. Буденный отмечал, что, помимо окружения 6-й и 12-й армии, противнику удалось нарушить управляемость 18-й армии, утратившей координацию как с окруженными соединениями, так и левофланговой 9-й армией [12, с. 29; 13, Л. 15]. В свою очередь, принявший 21 августа руководство 6-й армии Р. Я. Малиновский был вынужден в кратчайшие сроки налаживать связь с «потерянными» дивизиями [14, с. 129] и одновременно принимать решительные меры для восстановления организационного состояния частей, форсированно вступивших в сражение под Днепропетровском [14, с. 136]. Не менее сложным оставалось положение в 9-й армии. Согласно записям переговоров командующего фронтом Д. И. Рябышева со Ставкой ВГК, командарм Я. Т. Черевиченко оказался не в состоянии ни локализовать плацдарм противника на левом берегу Днепра, ни обеспечить устойчивое руководство подчиненными подразделениями, допустившими сдачу Каховки, вопреки вышестоящим распоряжениям [15, с. 88–89].

Позднее накопившиеся проблемы в управлении отчетливо проявились в ходе боев за днепровские плацдармы в конце августа – сентябре 1941 г. Череда неудачных контрударов в районах Херсона и Днепропетровска, а также Красноградская наступательная операция 24–26 сентября 1941 г. выявили серьезные недостатки в организации и координации действий соединений Красной армии [16, Л. 354–356; 17, Л. 19; 31]. В этих условиях одной из первоочередных задач руководства Южного фронта на протяжении сентября–октября 1941 г. стало восстановление положения в переправившихся за Днепр соединениях: наведение порядка в строевых частях, подтягивание тылов и обеспечение надежной вертикали управления. «Весь командно-политический состав армии должен знать, что его энергичные действия по приведению частей в порядок определяют силу сопротивления армии, поэтому каждый командир должен взяться за работу по поднятию боеспособности своей части, от отделения до дивизии», – отмечал 21 августа 1941 г. командарм Я. Т. Черевиченко [18, Л. 38].

В первую очередь командиры обязывались разыскать отставшие подразделения, обеспечить прямое руководство их силами и восстановить штатное состояние за счет реорганизации тыловых частей. Помимо этого, высшее военное руководство требовало повышения уровня инициативности подчиненного командного состава и искоренения проявленных в первые месяцы войны недостатков в организации военных операций, включая «танкобоязнь», медлительность и нерешительность в принятии самостоятельных тактических решений [18, Л. 39].

Однако анализ последующих боевых документов частей Южного фронта свидетельствует, что в условиях непрерывных боев предъявленные требования не привели к быстрому устранению выявленных проблем. На протяжении разных этапов осенних боев на южном крыле советско-германского фронта,

начиная от сражений под Мелитополем и Бердянском, заканчивая оборонительными и наступательными операциями на Дону и Донбассе, многочисленные армейские и отдельные фронтовые распоряжения продолжали отмечать существенные недостатки, преследовавшие командиров Красной армии в разных сферах управления и координации боевых действий.

Одной из ключевых проблем функционирования штабного аппарата, зафиксированной на данном направлении, стали случаи отстранения начальствующего состава РККА от прямого руководства подчиненными подразделениями. Последствия данной тенденции выражались прежде всего в ослаблении контроля за действиями отошедших за Днепр соединений, а также несвоевременным исполнением решений вышестоящего командования на нижнем оперативно-тактическом уровне.

Показательной иллюстрацией данного явления служат распоряжение штаба 9-й армии [19, Л. 232], датированное сентябрем 1941 г., а также более поздний приказ войскам 12-й армии от 23 ноября [20, Л. 271]. Согласно этим документам, младший командный состав РККА в ряде случаев осуществлял управление фактически «вслепую»: не имел представителей на местах, пренебрегал выстраиванием системы наблюдения за полем боя и размещал пункты управления на серьезном удалении от зоны боевых действий, не обеспечивая при этом постоянной связи с подчиненными.

Обращение к специальному распоряжению Военного совета 9-й армии от 18 октября 1941 г. позволяет конкретизировать причины подобных нарушений [21, Л. 14–30]. Документ, изданный в разгар боев на Таганрогско-Покровском направлении, содержит комплекс требований к организации управления и контроля за действиями войск. Центральное место в нем занимали вопросы, связанные с обеспечением коммуникации между разными руководящими инстанциями и личным составом во время проведения военных операций. Командирам предписывалось размещать штабной состав, вплоть до уровня батальона и полка, в непосредственной близости от передовых частей, а также сосредотачивать в центрах управления средства объективного контроля за полем боя [21, Л. 15].

Тем временем в качестве одной из причин дистанцирования руководства от подчиненных, наряду с апелляцией к личным качествам отдельных командиров, в документе указывалось игнорирование младшим начсоставом необходимости оборудования развитой системы наблюдательных пунктов и, в целом, механизмов безопасного штабного присутствия вблизи передовой. Речь шла не только о готовности командиров находиться в расположении подчиненных подразделений, но и о создании для этого необходимых условий: заблаговременном оборудовании наблюдательных пунктов, организации устойчивой связи и обеспечении возможности оперативного доведения командных решений до исполнителей.

Последствия такого положения дел неоднократно сказывались на ходе оборонительных операций на территории Северной Таврии осенью 1941 г. Как следует из анализируемых документов, нарушение вертикали управления в

условиях прорыва противника в глубину оборонительных порядков могло приводить к дезорганизации не только отдельных подразделений, но и целых фронтовых соединений. Показательным примером подобного развития событий служат итоги боев 9-й и 18-й армии под Мелитополем в сентябре-октябре 1941 г. [22, Л. 249]. К 6–7 октября противником была нарушена связь штаба 9-й армии с подчиненными соединениями [23, с. 54], тогда как сведения о положении разрозненных частей 18-й армии поступили в военный совет Южного фронта лишь спустя неделю после потери контроля над ситуацией в районах Мелитополь-Бердянск [23, с. 66–67]. В данном случае утрата устойчивого управления усугубила последствия тактических окружений, затруднив своевременное реагирование командования на изменение оперативной обстановки и организацию согласованных действий подчиненных частей при попытке локализовать вражеский прорыв в стыке 18-й и 12-й армий [23, с. 56].

Схожие обстоятельства для частей Красной армии складывались и в период Ростовской наступательной операции 1941 г. Примечательным является распоряжение, изданное военным советом Южного фронта 26 ноября 1941 г., в котором отмечались идентичные недостатки в организации штабного руководства [24, Л. 63]. Рассматриваемый материал фиксировал факты хронического отставания штабов от наступавших соединений, систематически приводившего к потере связи и координации как с соседями по направлению, так и с собственными подразделениями.

Необходимо отметить, что проблемы, связанные с нарушением взаимодействия между начсоставом Красной армии и подчиненными подразделениями, носили комплексный характер. Прежде всего они проявлялись в недостатках учета личного состава и ведения фронтовой отчетности. В ранее упомянутом распоряжении Военного совета 12-й армии обращалось внимание на случаи, когда командиры, дистанцировавшиеся от непосредственного руководства войсками, уже при первых столкновениях с противником утрачивали объективные сведения о положении в собственных частях. Одним из следствий этого становилось отнесение потерянных бойцов и целых подразделения к категории «без вести пропавшие» [20, Л. 271].

Слишком частое и не всегда оправданное использование указанной учетной категории на фоне постоянных перебоев с доставкой донесений штабам армий и фронта лишало их реальных и актуальных статистических данных. Это, в свою очередь, препятствовало качественному планированию боевых операций и оценке возможностей их осуществления. Показательно, что в отдельном приказе штаба 9-й армии состояние учета личного состава непосредственно связывалось с общим уровнем порядка и дисциплины в подчиненных частях [19, Л. 232]. Документ констатирует, что отсутствие элементарных практик поддержания контроля за состоянием воинских единиц, особенно небольших (взвод, отделение, рота), создавало условия для распространения в их рядах паники и дезертирства.

Проблемы учета личного состава, таким образом, являлись частью более широкой проблемы поддержания фронтовой отчетности. Уже в сентябре 1941 г.

несоответствие поступавших донесений реальному положению дел характеризовалось как «нетерпимое явление» [25, Л. 72]. Распоряжение главкома Южного фронта от 27 октября отмечало случаи повседневного пренебрежения субординацией на уровне отдельных соединений: «Несмотря на ряд неоднократных указаний о повышении качества работы штабов, последняя в штабах армий Юж. фронта продолжает оставаться на низком уровне... В представленных докладах-информациях за один и тот же период имеют место факты разноречивых данных... На вызовы из штаба фронта командиры подходят несвоевременно. Так, 17.10 на вызов к аппарату командир Оперотдела штаба 9 капитан Темерин не подходил в течение пяти часов... 18.10 полковник т. Рыбальченко по вызову подошел к аппарату и, не закончив разговора, самовольно ушел, не ответив на поставленные вопросы...» [23, с. 114].

При этом критике подвергались не только значительные опоздания в предоставлении оперативной информации, но и ее фрагментарность и недостаточная содержательность. Нередко представление отчета о действиях соединений достигалось путем многократных вызовов со стороны вышестоящих командиров, тогда как поступающие доклады не позволяли сформировать полноценное представление о складывавшейся обстановке. В частности, упускались характеристики деятельности артиллерии, организации взаимодействия между подразделениями, приводились поверхностные или преувеличенные сведения о противнике [26, Л. 105].

Важно отметить, что проблема дистанцирования командиров Красной армии от непосредственного руководства подчиненными соединениями была тесно связана с группой других организационно-технических недостатков штабной работы. Директива ВГК от 30 сентября 1941 г., адресованная комсоставу 9-й, 12-й и 18-й армий, по этому поводу отмечала: «Решения принимаются по карте, взаимодействие войск и родов войск организуется поспешно и без учета местности... Боевые приказы запаздывают на сутки и более... взаимодействие расстраивается и управление войсками нарушается» [23, с. 21].

Устойчивость руководства определялась не только присутствием командного состава в расположении войск, но и его способностью своевременно получать, передавать и уточнять сведения о положении частей. Между тем, именно организация связи оставалась одной из наиболее острых проблем, фигурировавших в оперативных сводках Южного фронта в период летне-осенних боев 1941 г. В условиях маневренных боевых действий на южном направлении динамичное перемещение штабных органов нередко сопровождалось потерей возможности использования проволочной связи. При этих обстоятельствах недооценка активного применения радиосредств систематически приводила к утрате контроля за положением на целых участках фронта [27, Л. 13]. Показательно, что даже заблаговременно подготовленные на данный случай таблицы с условленными радиосигналами преимущественно игнорировались на нижнем оперативно-тактическом уровне [20, Л. 233].

Позднее, с учетом опыта проведения ноябрьских и декабрьских наступательных операций на Южном фронте, критике подвергались навыки практики эшелонирования связи по ходу продвижения советских войск на освобождаемой территории, в частности, ее последовательного планирования и организации в глубину наступления. Так, в приказе войскам Юго-западного направления от 16 декабря 1941 г. отмечалось, что командиры Красной армии проявляли медлительность в восстановлении инфраструктуры связи, что снижало устойчивость ее работы в сопровождении наступательных действий. Обустройство проволочной связи на новых участках фронта замедлялось из-за долгого восстановления поврежденных линий коммуникации, что обуславливалось слабой технической оснащенностью частей РККА, а также недостаточно инициативным взаимодействием с гражданскими организациями, привлекавшимися для решения подобных неотложных задач [28, Л. 248].

Еще одной выявленной проблемой штабов в период осенних боев на Дону и Донбассе стала слабая координация действий стрелковых подразделений и артиллерии. В ее основе лежала неспособность ряда командиров Красной армии в конкретных оперативных условиях поддерживать должный уровень «межведомственного» взаимодействия. Показательны в этом отношении развернутая характеристика действий артиллерийских частей, подготовленная штабом 37-й армии в ноябре 1941 г. [29, Л. 94], а также распоряжение штаба Южного фронта от 26 ноября [30, Л. 63]. В обоих документах обращалось внимание на недостаточное включение командиров артиллерии в систему общего руководства боем, а также удаленное расположение орудийных дивизионов от передовой. Как правило, последние дислоцировались в 5–8 км от первых эшелонов стрелковых частей, что затрудняло взаимодействие с пехотой и снижало оперативность использования артиллерии.

Кроме того, результативность применения огневых средств сокращалась недостатками артиллерийской разведки. В критических отчетах неоднократно отмечался низкий уровень ее организации, ограничивавший результативность использования орудийных батарей. При отсутствии достоверных сведений об устройстве системы обороны противника огонь преимущественно велся по площадям, нанося ему несущественный урон, одновременно вызывая риски потерь в собственных подразделениях. По тем же причинам на низком уровне оставалась и контрбатарейная борьба, которая не могла эффективно вестись без системного планирования действий артиллерии, лишенной разведанных о боевых порядках противника [29, Л. 94].

Проблемы с организацией работы фронтовой артиллерии не ограничивались технической стороной применения огневых средств. Местами они затрагивали сам механизм взаимодействия между различными элементами войсковой организации. В частности, состояние артиллерийской разведки непосредственно отсылает к проблемам, связанным с обеспечением налаженной работы фронтовой и тактической разведки. Как резюмируется в приказе штаба 9-й армии от 22 сентября 1941 г. [19, Л. 246], ее деятельность не отвечала требованиям напряженной тактической обстановки, что являлось результатом

«робости» и «нерешительности» органов разведки, вследствие чего перед отходившими частями Красной армии неожиданно возникали вражеские подразделения. Критика в данной области будет прослеживаться и позднее. К примеру, боевое распоряжение штаба 12-й армии уже от 6 ноября 1941 г. [20, Л. 229] конкретизирует диапазон проблем, связанных с организацией службы разведки. Среди них перечислялись: некорректность постановки задач и составления сведений о противнике, несвоевременность предоставления данных, а также их недопустимое преувеличение.

Итак, анализ боевых документов позволяет заключить, что случаи нарушения управления войсками Южного фронта в ходе оборонительной кампании 1941 г. носили устойчивый и системный характер. Многие из рассмотренных проблем в руководстве частями Красной армии, возникшие во время сражений на территории Северной Таврии в августе-сентябре 1941 г., продолжали повторяться в условиях дальнейших боевых операций на Дону и Донбассе в ноябре-декабре 1941 г. При этом они не являлись случайно возникавшими по ходу развития событий недостатками штабной работы в отдельных соединениях, а представляли собой регулярно повторявшиеся при различных обстоятельствах сбои в управленческой практике.

Систематизация документов, хранящихся в ЦАМО РФ, позволила выделить несколько основных направлений, в которых проблемы в обеспечении руководства частями Красной армии проявились наиболее отчетливо. Документы соединений Южного фронта последовательно отмечали тенденцию обособления командирского состава Красной армии от прямого и инициативного управления подчиненными частями, а также недостатки в организации учета в подразделениях и поверхностную осведомленность об оперативной обстановке на отдельных участках фронта. Воздействие данных факторов усиливалось хроническими недостатками в поддержании устойчивой связи и коммуникации с соединениями, а также затруднениями в обеспечении взаимодействия частей и ненадежной работой прифронтовой разведки.

Таким образом, проблемы управления войсками Южного фронта летом–осенью 1941 г. затрагивали основные сферы командно-штабной организации – от получения и передачи информации до принятия решений до контроля за их исполнением и обеспечением взаимодействия между подчиненными соединениями.

*Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания
ЮНЦ РАН на 2026 г. (проект № 125011200146-5)*

Список источников и литературы:

1. Минц М. М. СССР и начало Второй мировой войны: дискуссии о событиях 1939–1941 годов в современной исторической науке // Труды по русистике. 2011. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sssr-i-nachalo->

vtoroy-mirovoy-voyny-diskussii-o-sobytyiah-1939-1941-godov-v-sovremennoy-istoricheskoy-nauke?ysclid=mtlf3but2u516314358 (дата обращения: 31.08.2026 г.).

2. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. – Москва: Вече, 2000. – 605 с.

3. Свищев В.Н. Начало Великой Отечественной войны. – Москва: SVN, 2003. – Т. 1. – 444 с.

4. Матишов, Г. Г. Миус-фронт в Великой Отечественной войне, 1941/1942 гг., 1943 г. / Г. Г. Матишов, В. И. Афанасенко, Е. Ф. Кринко; ЮНЦ РАН, ИСЭГИ. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 214 с.

5. Арцыбашев В.А. Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной Армии в 1931–1941 гг. – Москва: Ипполитов, 2004. – 71 с.

6. Рунов В. А. 1941. Первая кровь. – Москва: Яуза: Эксмо, 2009. – 511 с.

7. Исаев А.В. Пять кругов ада: Красная Армия в «котлах». – ММ.: Эксмо, 2008. – 396 с.

8. Даниленко Р. А. Опыт восстановления нарушенного управления в общевойсковых формированиях РККА в первом периоде Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Вестник Екатеринбургского Института. 2023 № 1 (61). С. 116–121.

9. Свердел В. Ф. Особенности организации связи 42-й армии Ленинградского фронта на основе общегосударственной сети связи Ленинграда (сентябрь 1941 - январь 1944 г.) / В. Ф. Свердел, А. П. Жарский // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 5. – С. 17–22.

10. Курмышов В. М., Федорин С. В. Совершенствование органов управления войсками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Актуальные проблемы военно-научных исследований. – 2025. – № 1 (33). – URL: <https://sci.ru/articles/60066> (дата обращения: 31.08.2026 г.).

11. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 228. Оп. 701. Д. 228.

12. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 38. – Москва: Воениздат, 1959. – 320 с.

13. ЦАМО, Ф. 51. Оп. 932. Д. 489.

14. Записи первого года войны / Малиновский Р. Я. (Составитель Н. Малиновская). – Москва: Вече, 2025 – 496 с.

15. Рябышев Д. И. Первый год войны. – Москва: Воениздат, 1990. – 255 с.

16. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 820.

17. ЦАМО. Ф. 51. Оп. 932. Д. 489.

18. ЦАМО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 2.

19. ЦАМО. Ф. 464. Оп. 5689. Д. 2.

20. ЦАМО. Ф. 467. Оп. 6005. Д. 1.

21. ЦАМО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 8.

22. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 224.

23. Великая Отечественная война. 1941-1945. Документы и материалы. Том XI. Донбасс в годы войны. – Москва: ООО «Военная книга», 2017. – 480 с.

24. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 15.
25. ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 135.
26. ЦАМО. Ф. 3568. Оп. 1. Д. 2.
27. ЦАМО. Ф. 3464. Оп. 1. Д. 6.
28. ЦАМО. Ф. 467. Оп. 6005. Д. 3.
29. ЦАМО. Ф. 10761. Оп. 1. Д. 5.
30. ЦАМО. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 15.

REFERENCES

1. Mints M. M. SSSR i nachalo Vtoroy mirovoy voyny: diskussii o sobyitiyakh 1939–1941 godov v sovremennoy istoricheskoy nauke [The USSR and the Beginning of World War II: Discussions on the Events of 1939–1941 in Modern Historical Science]. Trudy po rossievedeniyu, 2011, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sssr-i-nachalo-vtoroy-mirovoy-voyny-diskussii-o-sobytiyah-1939-1941-godov-v-sovremennoy-istoricheskoy-nauke?ysclid=mtlf3but2u516314358> (accessed 31.08.2026).
2. Mel'tiukhov M. I. Upushchenny shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941 [Stalin's Missed Chance: The Soviet Union and the Struggle for Europe, 1939–1941]. Moscow, Veche, 2000, 605 p.
3. Svishchev V. N. Nachalo Velikoy Otechestvennoy voyny [The Beginning of the Great Patriotic War]. Moscow, SVN, 2003, vol. 1, 444 p.
4. Matishov G. G., Afanasenko V. I., Krinko E. F. Mius-front v Velikoy Otechestvennoy voyne, 1941/1942 gg., 1943 g. [The Mius Front in the Great Patriotic War, 1941/1942, 1943]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publ., 2010, 214 p.
5. Artsybashev V. A. Obraz nachal'nogo perioda voyny v predstavleniyakh komandnogo sostava Krasnoy Armii v 1931–1941 gg. [The Image of the Initial Period of War in the Perceptions of the Red Army Command Personnel, 1931–1941]. Moscow, Ippolitov, 2004, 71 p.
6. Runov V. A. 1941. Pervaya krov' [1941: First Blood]. Moscow, Yauza: Eksmo, 2009, 511 p.
7. Isaev A. V. Pyat' krugov ada: Krasnaya Armiya v "kotlakh" [Five Circles of Hell: The Red Army in Encirclements]. Moscow, Eksmo, 2008, 396 p.
8. Danilenko R. A. Opyt vosstanovleniya narushennogo upravleniya v obshchevoyskovykh formirovaniyakh RKKA v pervom periode Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Experience of Restoring Disrupted Command and Control in Combined Arms Formations of the Red Army in the First Period of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Vestnik Ekaterininskogo Instituta, 2023, no. 1 (61), pp. 116–121.
9. Sverdel V. F., Zharskiy A. P. Osobennosti organizatsii svyazi 42-y armii Leningradskogo fronta na osnove obshchegosudarstvennoy seti svyazi Leningrada (sentyabr' 1941 – yanvar' 1944 g.) [Peculiarities of Signal Organization of the 42nd Army of the Leningrad Front Based on the State Communication Network of Leningrad (September 1941 – January 1944)]. Voenno-istoricheskiy zhurnal, 2019, no. 5, pp. 17–22.

10. Kurmyshov V. M., Fedorin S. V. Sovershenstvovanie organov upravleniya voyskami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [Improving Military Command and Control Bodies during the Great Patriotic War 1941–1945]. Aktual'nye problemy voenno-nauchnykh issledovaniy, 2025, no. 1 (33). URL: <https://sci.ru/articles/60066> (accessed 31.08.2026).

11. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation] (TsAMO RF), f. 228, op. 701, d. 228.

12. Sbornik boevykh dokumentov Velikoy Otechestvennoy voyny [Collection of Combat Documents of the Great Patriotic War]. Issue 38. Moscow, Voenizdat, 1959, 320 p.

13. TsAMO, f. 51, op. 932, d. 489.

14. Malinovskiy R. Ya. Zapiski pervogo goda voyny [Notes of the First Year of the War]. Compiled by N. Malinovskaya. Moscow, Veche, 2025, 496 p.

15. Ryabyshev D. I. Pervyy god voyny [The First Year of the War]. Moscow, Voenizdat, 1990, 255 p.

16. TsAMO RF, f. 229, op. 161, d. 820.

17. TsAMO, f. 51, op. 932, d. 489.

18. TsAMO, f. 1597, op. 1, d. 2.

19. TsAMO, f. 464, op. 5689, d. 2.

20. TsAMO, f. 467, op. 6005, d. 1.

21. TsAMO, f. 1115, op. 1, d. 8.

22. TsAMO RF, f. 228, op. 701, d. 224.

23. Velikaya Otechestvennaya voyna. 1941–1945. Dokumenty i materialy [The Great Patriotic War, 1941–1945: Documents and Materials]. Vol. XI: Donbass v gody voyny [Donbass during the War]. Moscow, Voenna kniga, 2017, 480 p.

24. TsAMO RF, f. 371, op. 6367, d. 15.

25. TsAMO, f. 228, op. 701, d. 135.

26. TsAMO, f. 3568, op. 1, d. 2.

27. TsAMO, f. 3464, op. 1, d. 6.

28. TsAMO, f. 467, op. 6005, d. 3.

29. TsAMO, f. 10761, op. 1, d. 5.

30. TsAMO, f. 371, op. 6367, d. 15.

Данные автора статьи

Инюшев Константин Сергеевич

Inyushev Konstantin Sergeevich

УДК 377.8.004.68(477.6)“195”(045)

DOI: 10.5281/zenodo.23022866

EDN: TCJYGO

Н.В. Евсюкова

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»

E-mail: evsukova_78@mail.ru

Я.В. Александров

аспирант,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»

E-mail: polyakova.mariya.93@mail.ru

ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ РАБОТА В СЛАВЯНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В К. 1950-Х – Н. 1960-Х ГГ.

Аннотация

Статья посвящена анализу роли научно-педагогических работников Славянского государственного педагогического университета в организации и проведении профориентационной работы в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Особое внимание уделяется вкладу преподавателей в решение кадровой проблемы, их участию в профпросвещении школьников, подготовке будущих учителей как проводников профориентации, а также взаимодействию с промышленными предприятиями региона. На примере Славянского государственного педагогического института исследование показывает, что педагогические институты стали важными центрами не только подготовки педагогических кадров, но и системного формирования профессиональных ориентиров молодежи, что соответствовало государственной политике в указанный период.

Ключевые слова: педагогическое образование, научно-педагогические работники, профориентация, педагогические институты.

Summary

The article is devoted to an analysis of the role of the scientific and pedagogical staff of the Slavyansk State Pedagogical University in organizing and conducting career guidance work in the late 1950s – early 1960s. Special attention is paid to the teachers' contribution to solving the personnel problem, their participation in the

professional education of schoolchildren, the training of future teachers as facilitators of career guidance, and their interaction with the region's industrial enterprises. Using the example of the Slavic State Pedagogical Institute, the study shows that pedagogical institutes became important centers not only for training teaching staff but also for the systematic formation of young people's professional orientations, which aligned with the state policy of that period.

Keywords: pedagogical education, scientific and pedagogical workers, career guidance, and pedagogical institutes.

Политическое и хозяйственное развитие СССР в конце 1950-х – 1960-е годы напрямую зависело от достижений науки и техники. Растущей стране требовалось все больше профессионалов высокой квалификации. Фундаментом для получения полноценного специального образования служила школа и труд работавших в ней педагогов. Таким образом, выпуск преподавательских кадров вузами педагогического профиля являлся важнейшим условием для последующего прогресса страны. Существенным компонентом деятельности этих вузов была и остаётся профориентационная деятельность.

Цель данной статьи – выявить, проанализировать и охарактеризовать роль и направления деятельности научно-педагогических работников Славянского государственного педагогического института в организации и проведении профориентационной работы среди молодежи в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

Период реформирования системы народного образования (1954–1964 гг.) получил достаточно широкое освещение в работах предшественников. Однако анализ фундаментальной литературы показывает наличие историографической лакуны: вопросы подготовки педагогических работников для Донецкого региона, в частности профориентации, в рассматриваемый период остаются вне поля зрения исследователей. В числе работ, заложивших основы изучения данного вопроса, следует отметить труды А.В. Черкашина [1] и Г.И. Ясницкого [2], впервые рассмотревших концептуальные основы советской педагогической школы. Фундаментальностью отличаются исследования Ф.Г. Паначина [3], дифференцировавшего и описавшего основные этапы развития педагогического образования, а также капитальный труд Н.К. Гончарова «Историко-педагогические очерки» [4], в котором систематизировано развитие педагогической науки и системы образования в СССР. Одним из наиболее значимых представляется исследование профессора Липинского В.В. и Поляковой М.А., которые предметно освещают отдельные аспекты педагогического образования в Донбассе в рассматриваемый период [5].

Профориентационная работа советских педагогических учебных заведений в 1950 – 1960-х гг., в том числе Донбасса, полностью отвечала государственной политике. Страна нуждалась в высоко квалифицированных специалистах, подготовка которых базировалась на предоставлении прочной базы основ наук. Подобный подход стал одним из ключевых принципов реформирования системы народного образования [6, с. 2]. Следовательно,

подготовка педагогов приобрела стратегическое значение в масштабах потенциального развития государственных экономики, производства и промышленности. Подобное положение дел актуализировало активное участие представителей педагогических учебных заведений в популяризации педагогической деятельности, что неоднократно подчеркивалось на совещаниях ректоров педагогических учебных заведений с партийными органами. В том числе ректором Славянского государственного педагогического института Ф.М. Яловым, подчеркнувшим важность сопровождения выпускников на пути выбора профессии и в ходе вступительной кампании [7]. СССР Работа по профессиональной ориентации в педагогических институтах осуществлялась по четырём ключевым направлениям. Во-первых, функционирование подготовительных курсов для будущих студентов при институтах. Подготовительные курсы при педагогических институтах стали важнейшим звеном в системе профориентации. Они были ориентированы на систематизацию знаний выпускников школ и целенаправленную подготовку к вступительным испытаниям. Особое внимание уделялось дисциплинам, являвшимся профильными для избранной специальности – русскому языку и литературе, математике, истории. Работа на курсах позволяла будущим абитуриентам не только восполнить пробелы в школьной программе, но и адаптироваться к требованиям высшей школы, познакомиться с будущими преподавателями и атмосферой вуза. Это существенно повышало шансы на успешное поступление и снижало процент отсева на первых курсах. Примечательно, что ведущую роль в реализации работы подготовительных курсов играли научно-педагогические работники – преподаватели вузов, их опыт, знания и методика, отточенные за годы работы в высшем педагогическом учебном заведении позволили усовершенствовать подготовку курсовиков к поступлению и получению профессионального образования.

Так, во втором протоколе заседания совета Славянского государственного педагогического института от 28 марта 1958 г. также содержится информация о содержательной стороне учебного процесса. В отчете подчеркивается, что основное внимание на курсах уделялось повторению и систематизации знаний по ключевым дисциплинам: русскому языку, литературе, математике и истории. Данный подход позволял слушателям целенаправленно заполнить пробелы в школьной подготовке и был напрямую ориентирован на структуру вступительных испытаний, которые соответствовали основным целям образовательной политики государства. Так, заместитель министра высшего образования СССР, профессор В.Н. Столетов отмечал, что основная цель системы народного образования заключалась в подготовке высококвалифицированных специалистов, база знаний которых опиралась на основы наук [8, с. 89]. Особый акцент в работе подготовительных курсов был сконцентрирован на методическом обеспечении. Ответственный за работу подготовительных курсов Славянского государственного педагогического института Мельников П.К. указал, что преподаватели использовали не только стандартные учебники, но и специально разработанные задачи, а также образцы

экзаменационных билетов прошлых лет. Это позволяло адаптировать теоретический материал под конкретные формальные требования приемных комиссий [9]. Подобная практика демонстрировала прикладной, прагматичный характер всей подготовительной работы.

Организационный аспект, отраженный в протоколе, свидетельствует о тщательном планировании. Занятия проводились в вечернее время в аудиториях самого института, что обеспечивало доступность для работающих выпускников школ. Была установлена четкая периодичность отчетности преподавателей перед методической комиссией курсов, что позволяло оперативно корректировать учебный план при необходимости и контролировать равномерность прохождения программы. В заключительной части отчета приводятся предварительные итоги первого этапа работы. Руководитель подготовительных курсов Мельников П.К. отметил удовлетворительный уровень посещаемости и высокую мотивацию слушателей, что, по его мнению, было залогом эффективности подготовки. Данное наблюдение косвенно подтверждало правильность выбранной модели сотрудничества института с городским отделом народного образования, поскольку рекомендованные учителя обладали не только предметными знаниями, но и навыками работы со старшеклассниками [10]. Протокол фиксирует, что подготовительные курсы выполняли роль важного связующего звена между средней школой и высшим учебным заведением. Они обеспечивали не только дополнительную академическую подготовку абитуриентов, но и служили каналом обратной связи, позволяя институту оценивать уровень поступающих и адаптировать свои программы. Деятельность курсов представляла собой системную работу, построенную на утвержденных программах, проверенных кадрах и контролируемых методиках.

Во-вторых, информирование о сроках и правилах приёмной кампании через газеты и радио. Именно широкое информирование общественности о деятельности институтов было вторым ключевым направлением. Газеты «Социалистический Донбасс», «Комсомолец Донбасса», а также местное радио регулярно публиковали материалы о жизни вузов, интервью с ведущими преподавателями и успешными студентами. За несколько месяцев до начала приёмной кампании в средствах массовой информации появлялись подробные разъяснения о правилах приёма, перечне специальностей, условиях предоставления общежития. Такая открытость и доступность информации делали педагогические институты узнаваемыми, а процесс поступления – понятным и прозрачным для молодёжи из разных районов области. Ведущую роль в разработке текстов и реализации информационных кампаний сыграли научно-педагогические работники педагогических институтов региона.

В 1964 г. Министерство просвещения УССР выпустило постановление, обязывающее местные отделы народного образования активнее содействовать направлению учителей на заочное обучение. Данное распоряжение было напрямую связано с растущим дефицитом педагогических кадров с высшим образованием в школах региона. Однако, как свидетельствуют архивные документы института, реального перелома в работе с РайОНО и ГорОНО

добиться не удалось [11]. Многие районные отделы ограничивались формальным оповещением директоров школ, не занимаясь целенаправленной разъяснительной работой с конкретными педагогами, нуждающимися в повышении квалификации.

Параллельно администрация Славянского пединститута продолжила собственную рекламную кампанию. Были налажены прямые контакты со школами Донецкой и соседних областей, куда массово рассылались информационные бюллетени и приглашения на Дни открытых дверей. Особый акцент делался на преимущества заочной формы обучения, которая позволяла учителям совмещать работу с учебой без отрыва от производства. В материалы включались подробные разъяснения о предоставлении оплачиваемых учебных отпусков и государственных гарантиях для заочников [12].

К середине 1960-х г. подход к информированию абитуриентов стал более системным. Помимо газетных объявлений, институт начал активно использовать централизованно издаваемые всесоюзные и республиканские справочники для поступающих [13]. В этих изданиях публиковались унифицированные данные: перечень специальностей, вступительные испытания, количество мест и условия проживания. Это упорядочивало подачу информации, но одновременно ограничивало возможности учебных заведений для самостоятельной, яркой рекламы своих уникальных преимуществ и педагогических коллективов.

В отчетных документах института отмечается устойчивый рост числа заявлений на заочное отделение, хотя плановые показатели по приему выполнялись с трудом. Руководство связывало этот прогресс не столько с работой местных отделов народного образования, сколько с расширением собственных профориентационных мероприятий выпускников. Также, поступающие чаще всего ссылались на рекомендации коллег, уже проходивших обучение в институте, что указывало на возрастающую роль репутации учебного заведения [14].

В-третьих, поддержание контактов с возможными абитуриентами. Данное направление заключалось в установлении и поддержании непосредственных контактов с потенциальными абитуриентами. Преподаватели и наиболее подготовленные студенты старших курсов выезжали в школы, профессионально-технические училища и техникумы региона, где проводили беседы, читали лекции о профессии учителя, организовывали тематические вечера. Институты активно участвовали в работе районных и городских педагогических чтений, куда привлекались и школьники, проявлявшие интерес к преподавательской деятельности. Эта живая, неформальная работа позволяла выявить мотивированную молодёжь, дать ей совет и укрепить её намерение связать жизнь с педагогикой.

Особое внимание уделялось проведению открытых уроков и внеклассных мероприятий в школах района, где студенты-практиканты демонстрировали не только приобретенные педагогические навыки, но и выступали как непосредственные представители института, формируя его положительный образ среди школьников и их родителей. Эти мероприятия служили живой

иллюстрацией возможностей, открывающихся перед будущими педагогами, и зачастую становились решающим моментом в выборе профессии для старшеклассников. Параллельно с этим педагогические институты региона активно развивали сеть корреспондентских связей со школьниками через стенгазеты и регулярные публикации в местной прессе, рассказывающие о жизни вуза, его научных и творческих достижениях [15]. Такая постоянная информационная связь создавала ощущение доступности и близости института даже для учащихся из отдаленных сел, постепенно включая их в его интеллектуальную и культурную орбиту.

Система профориентации также включала в себя организацию регулярных встреч преподавателей институтов с учителями и директорами школ района. В ходе этих встреч обсуждались не только вопросы улучшения качества практики, но и конкретные потребности школ в педагогических кадрах, что позволяло институту более адресно строить свою рекламационную работу и корректировать учебные программы в соответствии с запросами будущих работодателей. Важным инструментом была и работа с выпускниками школ, уже выразившими предварительное желание поступать в педагогический институт. Для них проводились дополнительные консультации по предметам, ознакомительные занятия на базе институтских лабораторий и библиотек, что существенно повышало уровень их подготовки и уверенности в своих силах перед вступительными экзаменами [16]. Поддержание многосторонней и непрерывной обратной связи с потенциальными абитуриентами через практику, открытые мероприятия, информационную работу и индивидуальную поддержку формировало целостную и эффективную систему, которая не только решала текущие задачи заполнения учебных групп, но и стратегически работала на создание устойчивого и положительного имиджа высшей педагогической школы региона, обеспечивая долгосрочный приток мотивированных и подготовленных абитуриентов.

Важным направлением работы была адресная рассылка информационных писем и приглашений. Материалы направлялись непосредственно в школы, совхозы, колхозы и на промышленные предприятия области, где имелся кадровый потенциал, заинтересованный в получении педагогического образования без отрыва от производства [17]. Таким образом, педагогические институты не просто ожидали обращения желающих, но и вели активную поисковую работу, выявляя целевые группы для обучения. Сама организация учебного процесса для заочников также служила инструментом привлечения новых кадров. Опытные преподаватели стремились проводить установочные лекции и консультации на высоком уровне, что формировало положительную репутацию института. Успешно обучающиеся студенты-заочники, в свою очередь, становились своеобразными агентами влияния в своих коллективах, рекомендуя коллегам поступать в педагогический вуз [18].

Для укрепления связи с производственной сферой практиковалось приглашение на ключевые мероприятия института руководителей предприятий и председателей колхозов. Их участие в научных конференциях или

торжественных собраниях подчеркивало социальное партнерство и демонстрировало работникам поддержку со стороны администрации в стремлении к повышению образования [19]. Это создавало благоприятные организационные условия для того, чтобы сотрудники могли совмещать работу с учебой. Кроме того, велся постоянный анализ эффективности проводимых профориентационных мероприятий. По итогам приемных кампаний составлялись отчеты, в которых оценивалось, из каких именно школ и предприятий пришло наибольшее количество абитуриентов, что позволяло корректировать дальнейшую работу и сосредотачивать усилия на наиболее перспективных направлениях [20]. Эта система мер в совокупности обеспечивала стабильный набор на заочные отделения.

В-четвертых, участие в организации культурного отдыха местных жителей. Оно имело двоякое значение. С одной стороны, студенческие творческие коллективы (хоры, театры, агитбригады), выступавшие в дворцах культуры, клубах и на предприятиях, являлись живой рекламой института, демонстрируя насыщенную и разностороннюю жизнь будущих педагогов. С другой стороны, такая деятельность сама по себе была частью профессионального воспитания, формируя у студентов организаторские навыки, художественный вкус и умение работать с аудиторией – качества, совершенно необходимые для учителя. Таким образом, профориентация перерастала в целостный процесс профессиональной социализации.

Так, студенческие коллективы проводили регулярные занятия с детьми работников предприятий, что решало не только вопрос организации свободного времени молодежи, но и формировало положительный образ педагогической профессии в глазах родителей. Такая непосредственная демонстрация навыков будущих педагогов служила более убедительной агитацией, чем любые официальные призывы. Например, особое место в профориентационном комплексе Славянского государственного педагогического института занимала «Малая Третьяковская галерея» [21]. Систематические экскурсии, которые проводили студенты-историки и преподаватели для школьников города и района, превращались в мастер-классы по ведению просветительской работы. Учащиеся видели не просто экскурсоводов, а эрудированных, увлечённых своим предметом специалистов, что могло стать решающим фактором при выборе гуманитарного направления в образовании.

Деятельность «Детской студии», также созданной на базе этого вуза, носила прикладной характер и была нацелена на выявление склонностей к преподавательской деятельности у самих студентов [22]. Работая с детьми младшего возраста, будущие педагоги на практике осознавали особенности возрастной психологии, проверяли свое профессиональное призвание. Этот опыт, в свою очередь, транслировался в их общении со школьниками-абитуриентами, приобретая черты уверенности и компетентности. Такой способ позволял осуществлять профориентацию не через прямое информирование, а через демонстрацию живого, содержательного и социально значимого труда институтского сообщества. Посещение мероприятий института сельскими и

городскими школьниками создавало эмоционально привлекательный образ студенческой жизни, наполненной творчеством, знанием и общественным признанием.

В совокупности все перечисленные направления формировали устойчивую систему, которая эффективно решала кадровые задачи. Профориентационная работа педагогических институтов Донецкого региона обеспечивала не просто плановый набор абитуриентов, но и целенаправленный отказ наиболее подготовленной и психологически склонной к учительскому труду молодежи. Это закладывало прочную основу для качественной профессиональной подготовки, что, в конечном итоге, напрямую влияло на уровень школьного образования в области. Выступая ключевым связующим звеном между академическим образованием и профессиональным миром, научно-педагогические работники выполняли центральную роль в профориентации. Они не только транслировали знания, но и формировали у обучающихся целостное представление о профессии, ее этике и практических аспектах, непосредственно интегрируя профориентационный контекст в учебный процесс. Эффективность этой работы определяется способностью преподавателей к индивидуализации подхода, выявлению склонностей студентов и созданию прямых связей с работодателями через проекты и стажировки. Таким образом, успешная профориентация требует осознанного включения научно-педагогического коллектива в эту деятельность при соответствующей организационной и методической поддержке со стороны вуза.

Список источников и литературы:

1. Черкашин А.В. Общее образование в УССР (1917 – 1957 гг.) / А.В. Черкашин – Киев: Советская школа, 1958. – 64 с.
2. Ясницкий Г.И. Развитие системы народного образования в УССР / Г.И. Ясницкий. – Киев : Изд-во КГУ, 1965. – 256 с.
3. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в СССР: важнейшие этапы истории и соврем. состояние / Ф. Г. Паначин. – Москва : Педагогика, 1975. – 218 с.
4. Гончаров Н.К. Историко-педагогические очерки / Н.К. Гончаров. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963. – 248 с.
5. Сеть педагогических учебных учреждений Донбасса в 1954 – 1964 гг. / В.В. Липинский, М.А. Полякова // Человеческий капитал. – 2023. – №7. – С. 44 – 50.
6. Народное образование 1960 – Подготовить учителя новой школы // Народное образование. – 1960. – №12. – С. 1 – 5.
7. Стенограмма Совещания партийных органов и директоров высших учебных заведений Сталинской и Ворошиловградской областей // ГА ДНР. Ф. 326. – Оп. 10. – Д. 178. – Л. 23.
8. Столетов 1957 – Столетов В.Н. Общая задача высшей и средней школы / В.Н. Столетов // Народное образование. – 1957. - №9. – С. 88 – 90.

9. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1957-1958 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.46 – Л.61
10. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1957-1958 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.46 – Л.62
11. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.101 – Л.5
12. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1962-1963 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.132 – Л.7
13. Приказы и директивы Министерства высшего образования // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.281 – Л.10
14. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1960-1961 // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.101 – Л.4
15. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1958-1959 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.61 – Л.30
16. Отчет о работе Славянского педагогического института за 1958-1959 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.59 – Л.13
17. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.98 – Л.65
18. Отчет о работе Славянского педагогического института за 1958-1959 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.59 – Л.23
19. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.98 – Л.66
20. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.101 – Л.6
21. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.98 – Л.64
22. Отчет о работе Славянского педагогического института за 1957-1958 уч.г. // ГА ДНР. Ф. Р-3313 – Оп.1 – Д.45 – Л.17

REFERENCES

1. Cherkashin A.V. (1958) *The education in Ukrainian SSR (1917 - 1957)*. Kiev: Soviet school. (In Russian).
2. Yasnickij G.I. Razvitie sistemy narodnogo obrazovaniya v USSR / G.I. Yasnickij. – Kiev : Izd-vo KGU, 1965. – 256 s.
3. Panachin F.G. Pedagogicheskoe obrazovanie v SSSR: vazhnejshie etapy istorii i sovrem. sostoyanie / F. G. Panachin. - Moskva : Pedagogika, 1975. – 218 s.
4. Goncharov N.K. Istoriko-pedagogicheskie ocherki / N.K. Goncharov. - Moskva : Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1963. - 248 s.
5. Set' pedagogicheskikh uchebnykh uchrezhdenij Donbassa v 1954 – 1964 gg. / V.V. Lipinskij, M.A. Polyakova // Chelovecheskij kapital. – 2023. - №7. – S. 44 – 50.
6. Narodnoe obrazovanie 1960 – Podgotovit' uchitelya novoj shkoly // Narodnoe obrazovanie. – 1960. - №12. – S. 1 – 5.

7. Stenogramma Soveshchaniya partijnyh organov i direktorov vysshih uchebnyh zavedenij Stalinskoj i Voroshilovgradskoj oblastej // GA DNR. F. 326. – Op. 10. – D. 178. – L. 23.
8. Stoletov 1957 – Stoletov V.N. Obshchaya zadacha vysshej i srednej shkoly / V.N. Stoletov // Narodnoe obrazovanie. – 1957. - №9. – S. 88 – 90.
9. Protokoly zasedanij Soveta Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1957-1958 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.46 – L.61
10. Protokoly zasedanij Soveta Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1957-1958 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.46 – L.62
11. Otchet o rabote zaochnogo otdela Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1960-1961 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.101 – L.5
12. Otchet o rabote zaochnogo otdela Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1962-1963 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.132 – L.7
13. Prikazy i direktivy Ministerstva vysshego obrazovaniya // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.281 – L.10
14. Otchet o rabote zaochnogo otdela Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1960-1961 // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.101 – L.4
15. Protokoly zasedanij Soveta Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1958-1959 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.61 – L.30
16. Otchet o rabote Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1958-1959 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.59 – L.13
17. Protokoly zasedanij Soveta Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1960-1961 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.98 – L.65
18. Otchet o rabote Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1958-1959 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.59 – L.23
19. Protokoly zasedanij Soveta Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1960-1961 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.98 – L.66
20. Otchet o rabote zaochnogo otdela Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1960-1961 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.101 – L.6
21. Protokoly zasedanij Soveta Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1960-1961 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.98 – L.64
22. Otchet o rabote Slavyanskogo pedagogicheskogo instituta za 1957-1958 uch.g. // GA DNR. F. R-3313 – Op.1 – D.45 – L.17

Данные авторов статьи

Евсюкова Наталья Владимировна	Evsyukova Natalia Vladimirovna
Александров Ярослав Владимирович	Alexandrov Yaroslav Vladimirovich

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94:323.1:930

DOI: 10.5281/zenodo.23022894

EDN: PHYHUS

Д.С. Янченко

аспирант

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: dmitry_yanchenko@inbox.ru

ПАНАРАБИЗМ И АРАБСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация

Данная статья направлена на анализ отечественной историографии панарабизма и арабского национализма – от советского периода до современных исследований, а также рассмотрение основных этапов, подходов и дискуссионных вопросов в рамках указанной проблематики. Прослеживаются тенденции развития от идеологически детерминированных подходов к проблеме, до плюрализма и расширения исследовательского поля.

Акцент делается на фундаментальных работах отечественных историков-востоковедов, посвященных теоретическому осмыслению арабского национализма и панарабизма. Авторами делается вывод, что отечественная историография внесла значительный вклад в изучение панарабизма и арабского национализма и является неотъемлемой частью мировой арабистики.

Ключевые слова: панарабизм, арабский национализм, отечественная историография, постсоветские исследования.

Summary

This article analyzes the Russian historiography of pan-Arabism and Arab nationalism, from the Soviet period to contemporary research, and examines the main stages, approaches, and debates within this framework. It traces development trends from ideologically determined approaches to the problem to pluralism and the expansion of the research field.

The emphasis is on the fundamental works of Russian Orientalist historians devoted to the theoretical understanding of Arab nationalism and pan-Arabism. The authors conclude that Russian historiography has made a significant contribution to

the study of pan-Arabism and Arab nationalism and is an integral part of global Arab studies.

Keywords: *Pan-Arabism, Arab nationalism, Russian historiography, post-Soviet studies.*

Панарабизм и арабский национализм стали важнейшей частью общественной-политической и идеологической жизни ближневосточного региона в XX веке. На протяжении десятилетий указанные концепции определяли политический облик региона, характер межарабских отношений, направленность социально-экономического развития и внешнеполитическую ориентацию. Однако, не менее важным, является исследование того, как панарабизм и арабский национализм воспринимались, интерпретировались и переосмысливались в отечественной историографии. Сопоставление советского и постсоветского этапов развития востоковедения предоставляет более широкий материал для понимания механизмов их взаимодействия.

Цель статьи заключается в выявлении и характеристике основных этапов развития отечественной историографии панарабизма и арабского национализма, а также в определении ее вклада в мировую арабистику.

Рассмотрим два основных этапа – советский период (до 1991 г.) и постсоветский период (после 1991 г.)

Советский период

В советской историографии изучение панарабизма и арабского национализма было тесно связано с доминирующей марксистско-ленинской методологией и внешнеполитическими интересами СССР (арабский национализм воспринимался как инструмент против западного империализма), определяющими концептуальную оценку событий. Так, арабский национализм рассматривался преимущественно как прогрессивное движение, направленное против колониализма, а панарабизм – как его высшая, наиболее зрелая политическая форма.

Особое место в советском востоковедении занимают работы советского и российского политического и государственного деятеля, востоковеда-арабиста Евгения Максимовича Примакова:

1) «Анатомия ближневосточного конфликта» (1978) [1]: идеология панарабизма и арабского национализма помещается в центр арабо-израильского противостояния, которое сгущало краски вокруг идеи арабского единства. Страны арабского мира, транслирующие общую цель, действовали исходя из собственных национальных интересов. Это противоречие между панарабской идеей (каунизмом) и локальным национализмом (ватанизмом) будет подробно разобрано в работах З.И. Левина. Е.М. Примаков, обладая замечательным аналитическими способностями, видел не только сильные, но и слабые стороны арабского национализма – возникнув как мощное антиколониальное движение, арабский национализм по своей сути «не имел программы национального строительства». После обретения независимости этот идеологический вакуум

стал критической проблемой. В тоже время, признается и большая роль панарабизма в консолидации арабских стран против Израиля в 1950-60-е годы.

2) *«Египет президентства Насера»* в соавторстве с И.П. Беляевым (1981) [2]: в книге указывалось, что Насер пришел к власти в период господства панарабизма, провозглашавшего объединение всех арабоязычных народов от Марокко до Ирака. В этой и других работах Е.М. Примаков ввел и активно использовал термин «арабский революционный национализм». Именно при Насере Египет стал центром этого движения, а его лидер – главным символом.

В 1982 году, советский востоковед, доктор исторических наук, З.И. Левин в своей фундаментальной работе *«Арабский региональный национализм и панарабизм»* ввел в отечественный научный оборот четкое различие арабских терминов: панарабизм (*Аль-Каумийя*) стал трактоваться как частный, наиболее радикальный и политически ориентированный случай арабского национализма (*Аль-Ватанийя*), который, в свою очередь, мог проявляться и в более умеренных формах локального патриотизма [3].

Ученый продемонстрировал, что конфликт между универсалистскими амбициями панарабской идеологии и конкретными интересами зарождающихся национальных государств стал ключевым фактором, обусловившим внутреннюю противоречивость и последующий упадок панарабизма. Его последующие научные труды, такие как *«Развитие арабской общественной мысли»* (1984) [4] и *«Ислам и национализм в странах зарубежного Востока»* (1988) [5], продолжили эту линию анализа, углубляясь в исследование диалектического взаимодействия светского национализма и ислама, а также прослеживая эволюцию арабской общественной мысли в контексте колониального периода.

Идейное наследие теоретика светской концепции арабского национализма Саты Аль-Хусры, стало предметом изучения в монографии Т.П. Тихоновой *«Светская концепция арабского национализма. Саты аль-Хусри»* (1984), подготовленной в Институте востоковедения АН СССР [6].

Несмотря на идеологическую детерминированность, о которой упоминалось ранее, благодаря советской историографии были проведены важные исследования (разграничение понятий каумизма и ватанизма), которые заложили мощный эмпирический задел и продолжают сохранять свою ценность.

Постсоветская период

Распад СССР и снятие идеологических ограничений привели к радикальной трансформации отечественной историографии панарабизма, так как с расширением источниковой базы исследования стали более плюралистичными, методологически разнообразными и свободными от прямых политических задач.

В 1991 г. вышла работа В.Л. Вагаряна *«Ислам и арабский национализм в западной историографии (1950–1980 гг.)»*, в которой исследуются основные концепции западного востоковедения по данной проблеме, эволюция этих концепций, а также политическая обусловленность западных научных подходов [7].

М. С. Лазарев, известный специалист по курдскому вопросу и международным отношениям на Ближнем и Среднем Востоке, в работе *«СССР и арабский национализм»* (1999) предпринял попытку критического осмысления советской политики в арабском мире, показав прагматические аспекты взаимодействия СССР с арабскими националистическими движениями, свободные от идеологической апологетики [8].

А. Б. Волков, известный российский востоковед-арабист, сотрудник Института востоковедения РАН, в 1999 г. выпустил монографию *«Религиозный фундаментализм в Израиле и палестинская проблема»* [9], которая развивала тематику ранее выпущенной его статьи: *«Религиозный экстремизм и палестинская проблема»* [10]. Исследование А.Б. Волкова отличается тем, что израильский религиозный экстремизм анализируется в нём как самостоятельный фактор палестинской проблемы, а не как производная от палестинского исламизма (ХАМАС, «Исламский джихад»). Подобная исследовательская оптика даёт возможность рассмотреть двустороннюю динамику конфликта 1990-х годов и оценить роль религиозного радикализма в его эскалации.

Книга Е.М. Примакова *«Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами»* (2006 г.) отражает панарабизм и арабский национализм через призму понимания современных особенностей развития Ближнего Востока [11]. Арабский национализм выводится из плоскости абстрактных теорий и показывается как реальная политическая сила, определяющая судьбы целых государств, но в конечном итоге раздираемая внутренними противоречиями. Е.М. Примаков рассматривает арабский национализм в двух плоскостях: как идеологию, направленную против «погрязших в коррупции и предательстве национальных интересов» прозападных правителей, позволяя мобилизовать народный гнев; как меру сопротивления и подавления радикального религиозного экстремизма.

Конфликт между идеей панарабского единства и реальными национальными интересами отдельных государств автор определяет, как – *«примат государственных интересов над арабским единством»*, показывая, что несмотря на громкие лозунги о создании единой арабской нации, на практике побеждали узкие интересы отдельных стран.

Ключевую роль в трансформации подходов к анализу панарабизма сыграла научная деятельность Г.Г. Косача, в частности, его фундаментальная статья *«Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса»*, опубликованная в 2007 году в сборнике *«Национализм в мировой истории»* [12]. В данном исследовании подвергается сомнению концепция монолитности панарабской идеологии, убедительно продемонстрировав, что за единым термином скрывается множество разнородных и зачастую противоречащих друг другу региональных и политических интерпретаций национализма. Г.Г. Косач провел детальный анализ процесса формирования национальных проектов в различных арабских странах, которые, несмотря на номинальное использование панарабской риторики, на практике служили интересам местных элит. Этот анализ выявил

необходимость перехода от изучения «арабского национализма» как гомогенного феномена к исследованию феномена «арабских национализмов» в множественном числе.

Несомненно, следует выделить ряд работ советского и российского историка-арабиста и исламоведа Р.Г. Ланды:

1) *«История арабских стран»* (2005) [13]: оригинальным вкладом в осмысление судеб арабского национализма является концепция «дифференциации арабского мира». Историк посвятил отдельную главу «децентрализации и распаду халифата или, по выражению Р. Ланды, "дифференциации арабского мира"». Эта концепция прослеживает долгосрочную историческую тенденцию к политической и культурной фрагментации арабского пространства, что позволяет объяснить неудачу панарабского проекта не только политическими причинами XX века, но и глубинными историческими процессами.

2) *«Арабский мир: конец эпохи Насера»* (2012) [14]: анализируется закат насеризма как политического проекта, олицетворявшего собой вершину панарабского движения, а также прослеживается, как на смену секулярному арабскому национализму приходит политический ислам.

3) *«Исламизм и арабская "политическая весна"»* (2014) [15]: рассматриваются события «арабской весны» через призму столкновения и взаимовлияния различных идеологических течений – от остаточного арабского национализма до исламизма.

Кандидат исторических наук, доцент В.В. Разумный в статье: *«Посеявший ветер, пожнет бурю»: последствия «арабской весны» для стран Ближнего Востока и Северной Африки»* (2018) отмечает утрату светской националистической альтернативы. В статье показано, что после свержения светских авторитарных режимов (Бен Али, Мубарак, Каддафи, Салех) власть переходит либо к исламистам, либо к военным, тем самым свидетельствуя о крахе светского арабского национализма как мобилизующей идеологии и замещении его либо религиозным фундаментализмом, либо военным этатизмом [16].

Принципиально новое прочтение современного состояния арабского национализма предложил академик В.В. Наумкин в статье *«Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти»* (2021) [17]. Автором вводится концепция «конвергентного арабского национализма», которая, по мнению автора, преодолевает традиционный антагонизм между панарабским национализмом (каунизмом) и страновым патриотизмом (ватанизмом). Эта гибридная идеологическая форма, как демонстрирует В.В. Наумкин, способствует сохранению актуальности арабского национализма в условиях очевидного упадка классического панарабизма. Выделяется две волны «арабского пробуждения», подчёркивая при этом особую роль исторической памяти в странах Востока. В отличие от западных обществ, где её влияние на политические процессы менее значительно, на Востоке историческая

память оказывает гораздо более существенное воздействие на формирование национальной идентичности и политические стратегии.

Ю.В. Яковенко в статье *«История развития панарабизма в XX веке»* (2023), детально анализирует комплекс причин, которые привели к упадку панарабизма, выделяя следующие: неудачи Лиги арабских государств в решении палестинского вопроса, поражение Египта в Шестидневной войне 1967 года, появление национальной политической и экономической элиты в арабских странах в 1960-е годы. Выделяется тот факт, что к концу 1980-х годов движение почти полностью утратило свою популярность, уступив место другим идеологиям, таким как исламизм или локальный национализм. Также фиксируется терминологическая эволюция: если в середине XX века арабский национализм и панарабизм были практически синонимами, то к концу века «панарабизм» все чаще употребляется с уточнением «политический проект, потерпевший крах», в то время как «арабский национализм» остается обозначением устойчивой идентичности [18].

Исследователи продолжают углублённое изучение философских и лингвистических концепций, лежащих в основе панарабизма. Примером может служить работа И.Р. Лученкова, посвящённая сравнительно-историческому анализу идеологии Заки аль-Арсузи – одного из основателей партии Баас, чьи воззрения рассматриваются через призму лингвистической философии [19].

Как мы можем отметить, исследования постсоветского периода приобретают выраженный междисциплинарный характер, отражающий взаимодействие истории, политологии, социологии и культурной антропологии. Основными достижениями постсоветской историографии можно считать: переход от апологетики к более критическому анализу и выявлению внутренних противоречий и причин исторического поражения панарабизма; введение новых концептуальных подходов – «конвергентный национализм», «дифференциация арабского мира»; изучение панарабизма и арабского национализма в сложных взаимосвязях с исламизмом. Перспективными продолжают оставаться: углублённое изучение региональных вариантов арабского национализма; исследование роли исторической памяти в современных политических процессах арабского мира; анализ взаимовлияния арабского национализма и политического ислама.

Таким образом, отечественная историографии прошла сложный, но и плодотворный путь своего развития, открывая новые исследовательские горизонты и формируя научный фонд мировой арабистики.

Список источников и литературы:

1. Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. – М.: Мысль, 1978. – 374 с.
2. Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. – М.: Мысль, 1981. – 368 с.

3. Левин З.И. Арабский региональный национализм и панарабизм // Национальный вопрос в странах Востока. – М.: Наука, 1982. – С. 105–127.
4. Левин З. И. Развитие арабской общественной мысли (1917–1945 гг.). – М.: Наука, 1984. – 224 с.
5. Левин З. И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. – М.: Наука, 1988. – 224 с.
6. Тихонова Т.П. Светская концепция арабского национализма. Саты аль-Хусри / Отв. ред. Н.Г. Калинин. – М.: Наука, 1984. – 221 с.
7. Вагаршян В.Л. Ислам и арабский национализм в западной историографии (1950-1980 гг.) – Ереван: Изд-во АН Армении, 1991. – 155 с.
8. Лазарев М. С. СССР и арабский национализм // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Кн. 2. – М.: 1999. – С. 33-39.
9. Волков А.Б. Религиозный фундаментализм в Израиле и палестинская проблема. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 161 с.
10. Волков А.Б. Религиозный экстремизм и палестинская проблема // Азия и Африка сегодня. – 1998. – №5. – С.71 - 75.
11. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX - начало XXI века) / Евгений Примаков. – Москва: Российская газета, 2006. – 382 с.
12. Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. – М.: Наука, 2007. – С. 259-332.
13. Ланда Р.Г. История арабских стран. – М.: Восточный университет, 2005. – 320 с.
14. Ланда Р.Г. Арабский мир: конец "эпохи Насера" / Р. Г. Ланда [Текст] // Восток. – 2012. – № 6. – С. 51-61.
15. Ланда Р.Г. Исламизм и арабская "политическая весна" // Восток. – 2014. – № 1. – С. 53 - 65.
16. Разумный В.В. «Посеявший ветер, пожнет бурю»: последствия «арабской весны» для стран Ближнего Востока и Северной Африки // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. (Гуманитарные науки) – 2018.– №1. – С. 5 – 12.
17. Наумкин В.В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти // Полис. Политические исследования. — 2021. – № 6. – С. 42-59.
18. Яковенко Ю.В. История развития панарабизма в XX веке // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – № 1. – С. 112-134.
19. Лученков И. Р. Сравнительно-исторический анализ идеологии Заки аль-Арсузи, «философа арабской нации» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. – № 3. – С. 75–86.

REFERENCES

1. Primakov E.M. (1978) The anatomy of the Middle East conflict. Moscow: Mysl. (In Russian)
2. Belyaev, I.P. and Primakov, E.M. (1981) Egypt: The Time of President Nasser. Moscow: Mysl Publishers. (In Russian)
3. Levin, Z.I. (1982) 'Arab Regional Nationalism and Pan-Arabism', in The National Question in the Countries of the East. Moscow: Nauka, 105–127. (In Russian)
4. Levin, Z.I. (1984) The Development of Arab Social Thought (1917–1945). Moscow: Nauka. (In Russian)
5. Levin, Z.I. (1988) Islam and Nationalism in the Countries of the Foreign East. Moscow: Nauka. (In Russian)
6. Tikhonova, T.P. (1984) The Secular Concept of Arab Nationalism: Sati' al-Husri. Edited by N.G. Kalinin. Moscow: Nauka. (In Russian)
7. Lazarev, M.S. (1999) 'The USSR and Arab Nationalism', in Relations of the Peoples of Russia, Siberia and the Countries of the East: History and Modernity, 33-39. (In Russian)
8. Vagarshyan, V.L. (1991) Islam and Arab Nationalism in Western Historiography (1950–1980). Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Armenia. (In Russian)
9. Volkov, A.B. (1999) Religious Fundamentalism in Israel and the Palestinian Problem. Moscow: Moscow Public Science Foundation. (In Russian)
10. Volkov, A.B. (1998) 'Religious Extremism and the Palestinian Problem', Asia and Africa Today, (5), 71-75. (In Russian)
11. Primakov, E.M. (2006) Confidentially: The Middle East on Stage and Behind the Scenes (Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century). Moscow: Rossiyskaya Gazeta. (In Russian)
12. Kosach, G.G. (2007) 'Arab Nationalism or Arab Nationalisms: Doctrine, Ethnonym, Variants of Discourse', in Tishkov, V.A. and Shnirelman, V.A. (eds.) Nationalism in World History. Moscow: Nauka, 259-332. (In Russian)
13. Landa, R.G. (2005) History of the Arab Countries. Moscow: Vostochny Universitet. (In Russian)
14. Landa, R.G. (2012) 'The Arab World: The End of the "Nasser Era"', Vostok (Oriens), (6), 51-61. (In Russian)
15. Landa, R.G. (2014) 'Islamism and the Arab "Political Spring"', Vostok (Oriens), (1), 53-65. (In Russian)
16. Razumnyi, V.V. (2018) "'Sowing the Wind, Reap the Storm": Consequences of the "Arab Spring" for the Countries of the Middle East and North Africa', *Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*, (1), 5–12. (In Russian)
17. Naumkin, V.V. (2021) 'Contemporary Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historical Memory', Polis. Political Studies, (6), 42-59. (In Russian)
18. Yakovenko, Yu.V. (2023) 'The History of the Development of Pan-Arabism in the 20th Century', Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics, (1), 112-134. (In Russian)

19. Luchnikov, I.R. (2025) 'A Comparative-Historical Analysis of the Ideology of Zaki al-Arsuzi, the "Philosopher of the Arab Nation"', Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences, (3), 75–86. (In Russian)

Данные автора статьи

Янченко Дмитрий Сергеевич ORCID: 0009-0005-7369-9128	Yanchenko Dmitry Sergeevich
--	------------------------------------

УДК 94(4)07:327

DOI: 10.5281/zenodo.23023319

EDN: RBNPGE

С.И. Муртузалиев

доктор исторических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

E-mail: serg.murtuzaliev@yandex.ru

Р.Г. Харьковский

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

E-mail: wwwrylan@mail.ru

**ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКИЙ КРИЗИС 1831-1833 ГГ.: ПОЗИЦИЯ
РОССИИ И ДРУГИХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ**

Аннотация

Статья посвящена исследованию позиции России и других великих держав в турецко-египетском кризисе 1831-1833 гг. В работе проведен анализ русско-турецких отношений в период турецко-египетского кризиса 1831-1833 гг., показана решающая роль России в разрешении данного конфликта, завершившегося подписанием Ункяр-Искелесийского договора, выгодного для Стамбула и Санкт-Петербурга и остудившего на время притязания крупнейших международных игроков в регионе Черного и Средиземноморского морей: Франции и Великобритании.

Ключевые слова: *Ункяр-Искелесийский договор, турецко-египетский кризис 1831-1833 гг., Кютахийское соглашение, международные отношения, Мухаммед Али аль-Албани*

Summary

The positions of Russia and other great powers during the Turkish-Egyptian crisis of 1831–1833 are examined in the article. Russian-Turkish relations in the context of the crisis are analysed, and Russia's decisive role in resolving the conflict is highlighted. The conflict culminated in the signing of the Treaty of Unkiar Skelessi, which was found to be beneficial for both Istanbul and Saint Petersburg. The ambitions of the major international actors in the Black Sea and Mediterranean regions – France and Great Britain – were temporarily curbed.

Keywords: *Unkar-Iskelesian Treaty, Turkish-Egyptian crisis of 1831-1833, Kutakhi Agreement, international relations, Muhammad Ali al-Albani.*

История русско-турецких отношений знает множество примеров противоборства рассматриваемых держав. В течение XVI-XIX вв. военные конфликты между Россией и Турцией возникали столь часто, что стали обыденностью для того периода. Тем не менее, несмотря на постоянное противостояние, вызванное значительными расхождениями в интересах обоих государств, Россия и Турция при необходимости готовы были пойти на встречу друг другу. В истории взаимоотношений этих империй известны периоды, когда они объединялись для борьбы с общим противником. В их числе два Константинопольских союзных договора: 3 января 1799 (23 декабря 1798 г. по старому стилю) и 1804-1805 (23 /11 сентября по старому стилю/) годов, причем оба раза они были направлены против Франции. Турецко-египетский кризис 1831-1833 гг. стал одним из немногих случаев, когда две империи объединили силы, чтобы защитить свои общие интересы.

Актуальность исследования позиции России и других великих держав в турецко-египетском кризисе 1831-1833 гг. обусловлена тем, что сложившаяся ситуация во многом является показательной в истории русско-турецких отношений. Несмотря на то, что с момента исследуемых событий прошло практически два столетия, основные принципы взаимоотношений России и Турции не претерпели серьезных изменений. В условиях сложившейся на сегодняшний день системы международных отношений, даже при условии членства Турции в НАТО, Анкара не выражает открытой антироссийской позиции, а продолжает заигрывать как с Западом, так и с Россией. Подобной позиции турецкое правительство придерживается очень давно, поэтому чтобы лучше понять какую политику следует вести России в отношении Турции сегодня, необходимо проанализировать имеющийся опыт русско-турецких отношений, в том числе в период кризиса 1831-1833 гг., когда Османская империя получила помощь именно от России.

Цель работы – проанализировать политику России и других великих держав в отношении Турции и Египта в период турецко-египетского кризиса 1831-1833 гг. и раскрыть значение и последствия Ункяр-Искелесийского договора для заинтересованных сторон.

Переходя непосредственно к исследованию, необходимо отметить, что в XVIII-XIX веках Османская империя начала постепенно терять своё могущество и занимаемое ранее место на мировой арене. Поражение в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и подписание Адрианопольского мирного договора наглядно продемонстрировали, что Турции становится всё тяжелее тягаться силами с ведущими мировыми державами, что Османская империя более не определяет европейскую политику, выступая неким гарантом поддержания статус-кво сложившейся системы международных отношений.

Параллельно с падением влияния Константинополя, в Северо-Восточной Африке усиливалось другое государство, формально всё ещё зависящее от Турции. Египет, возглавляемый талантливым правителем Мухаммедом Али (1769-1849), за время правления последнего претерпел значительные преобразования: сильно возрос торговый и экономический потенциал региона.

Хотя Египет и не мог тягаться успехами в экономическом развитии с ведущими европейскими государствами, он стал крупным экспортером сырья (пшеница, сахар и т.д.), что дало Мухаммеду Али финансовые возможности для проведения дальнейшей модернизации экономики своего государства.

В то же время, занимая «чрезвычайно благоприятное для ведения транзитной торговли» географическое положение [1, с. 257], Египет привлекал все возрастающее внимание со стороны великих держав, в особенности – Франции. Проникновение французского влияния в Северо-Восточную Африку имело давние корни, но усилилось после египетского похода Наполеона Бонапарта, и к середине 1820-х гг. присутствие Франции в данном регионе настолько возросло, что с 1825 г. в Египте «официально стала действовать французская военная миссия, в которой служили французские и итальянские офицеры из наполеоновской армии» [2, с.19]. При этом, оказываемая Францией помощь, в том числе – в военной сфере, должна была носить исключительно оборонительный характер, т.к. несмотря на то, что кандидатура Мухаммеда Али как правителя Египта пользовалась определенной поддержкой в Париже, к прямой конфронтации с Портой Франция не стремилась, в связи с чем турецко-египетский кризис, разразившийся в 1831 году, стал достаточно неожиданным как для Франции, так и для других европейских государств.

При этом, следует обратить внимание на то, что конфронтация Египта и Турции сперва не вызывала беспокойства в международном сообществе. На начальном этапе, данная проблема рассматривалась большинством государств как обыкновенное противоречие, возникшее между сюзереном и его вассалом, что было достаточно обыденной ситуацией для империи. Никто не ожидал, что египетская армия окажется настолько сильной, чтобы суметь подавить вооруженные силы Порты, однако, как показала практика, именно это и произошло.

В 1831 году Мухаммед Али объявил о выходе из-под турецкого владычества, а египетские войска выдвинулись в Южную Сирию [3, р.63] с намерением силой забрать территории, ранее обещанные Египту турецким султаном Махмудом II (1785-1839). Успех сопутствовал армии правителя Египта: «египетские сухопутные войска разбили турок под Гомсом», а египетский флот блокировал турецкую эскадру в Мраморном море и стоял у Дарданелл [4, с.268]. В любой момент египетские корабли могли потопить или захватить турецкий флот и высадить десант у Константинополя.

Армия Османской империи терпела поражение за поражением, в то время как угроза, исходящая от Египта, становилась всё более осязаемой. Особое значение имела битва при Коньи, произошедшая в декабре 1832 года и ставшая одной из наиболее тяжелых неудач Порты [5, с.74]. Основные силы турецкой армии были окончательно разбиты, а великий визирь взят в плен [6, с.177], что заставило султана в спешке искать помощи у европейских правителей.

Основными действующими лицами на мировой арене на тот момент были Франция, Великобритания и Россия, поэтому Махмуд II рассчитывал на поддержку первых двух из перечисленных государств. Однако несмотря на то,

что правительства этих держав, несомненно, были обеспокоены вопросом сохранности Османской империи, существование которой поддерживало сложившийся в мире баланс сил, их взгляды на степень необходимого вмешательства в турецко-египетский конфликт и подходы к его разрешению значительно отличались.

Позиция Франции во многом определялась экономическими интересами французской буржуазии в Египте, поэтому правительство К. Перье (1777-1832), как отмечали современники рассматриваемых событий, вело «двойную игру», с одной стороны поддерживая планы Мухаммеда Али, а с другой стороны – выказывая дружелюбное отношение к Порте [7, р.321]. В интересах Парижа был такой исход конфликта, при котором Османская империя не распадется, однако, при этом пойдет на ряд уступок египетскому паше. Французский посол в Турции адмирал А. Руссен (1781-1854) высказал даже более радикальную позицию по данному вопросу, отметив, что в текущей ситуации «нет другого средства предотвратить катастрофу, кроме как пойти на все условия Мухаммеда Али, какими бы жестокими они не были» [8].

Подобный ответ со стороны Франции конечно же не мог устроить Порту, поэтому она рассчитывала на поддержку со стороны Великобритании, правительство которой, однако, долгое время не занимало четкой позиции по вопросу оказания помощи какой-либо из сторон [9, р. 282]. Даже после того, как английское правительство в конечном счете пришло к выводу о том, что поддержка турецкого султана стала бы целесообразным решением для соблюдения интересов «всей Европы, и Великобритании прежде всего», ни британская армия, ни британский флот не были задействованы для помощи в подавлении египетского восстания [10, р. 85]. Фактически, позиция Форин-офиса сводилась к политике невмешательства во внутренние дела Османской империи, что было во многом обусловлено возможными дипломатическими последствиями для Лондона со стороны России и Франции, не менее заинтересованными в исходе турецко-египетского конфликта.

Не получив поддержку в Париже и Лондоне султан Махмуд II, несмотря на память о недавнем разгроме османского флота в Наваринской бухте (1827 г.), обратился за военной помощью к своим старым врагам – русским, с которыми к тому времени у Турции сложились «добрососедские отношения» [11, с.99], поскольку 14 апреля 1830 года Россия пошла навстречу просьбам Порты: по Петербургской конвенции контрибуция была уменьшена на 2 млн дукатов, а затем еще на 1 млн. Обращаясь за помощью к России султан создавал, что за помощь придется чем-то поступиться, но иного выхода у него не было.

«Возлагая основные надежды на урегулирование турецко-египетского конфликта мирным путем, Николай I постарался предусмотреть и худший вариант развития событий, при котором Порте могла потребоваться вооруженная помощь» [12, с.13]. Изначально для разрешения конфликта между Египтом и Турцией император Николай I послал в Константинополь генерала Николая Николаевича Муравьева-Карского (1794-1866), а затем и генерал-адъютанта А.Ф. Орлова, тем самым поддержав турецкого султана против

взбунтовавшегося правителя Египта. Цель миссии заключалась в том, чтобы остановить продвижение египетского паши по направлению к Стамбулу без военного вмешательства, однако, все дипломатические средства исчерпали себя достаточно быстро, не приведя к ожидаемым переменам.

В связи с реальной угрозой вступления египетского войска в Стамбул, 24 января (2 февраля) 1833 г. турецкий султан вновь обратился к России с просьбой о помощи. Практическим результатом ответной незамедлительной реакции российского руководства стало появление зимой-весной 1833 г. на азиатском берегу Босфора русского военно-морского десанта. 8 (20) февраля в залив Бугок-Дере вошла черноморская эскадра контр-адмирала М.П. Лазарева. Вслед за боевыми кораблями 24 марта (6 апреля) в долине Ункяр-Искелеси расположился 10-тысячный русский десантный отряд [13, с.95]. Одновременно в полную боевую готовность была приведена располагавшаяся в Румелии по условиям Адрианопольского мира 1829 г. 30-тысячная русская армия [14, с.145-146].

Решительное вмешательство России вынудило Мухаммеда Али остановить продвижение своих войск к Константинополю и сильно обеспокоило правительства Франции и Великобритании. Появление русской армии в столице Османской империи не только перечеркнуло французские усилия по поддержке Египта, но и поставило вопрос о надежности сохранения существующего миропорядка, т.к. наличие иностранной армии на территории государства, выступавшего своеобразным «балансиром» сложившейся системы международных отношений, оказывало сильное политическое влияние на другие ведущие державы.

Французскому послу в Турции адмиралу Руссену были даны четкие инструкции всеми средствами не допустить того, чтобы русские войска оккупировали Константинополь с согласия Порты, что, однако не оказало никакого влияния на сложившуюся ситуацию ввиду того, что Россия и так собиралась придерживаться данного турецкому султану обещания и воздержаться от военной оккупации турецкой столицы.

В то же время, между Турцией и Египтом начались переговоры. Из-за решительных действий России, выразившей готовность оказать Махмуду II военную помощь, Мухаммед Али более не мог рассчитывать на полную реализацию своих амбициозных планов. Тем не менее, Египет продолжал претендовать на ряд уже захваченных территорий, в связи с чем мирное урегулирование конфликта затягивалось, а напряжение в Порте нарастало. Турецкий султан не мог быть полностью уверен в верности своих подданных, поэтому на случай переворота в Константинополе Муравьеву было поручено удержать за собой Босфорские замки, расположенные в самом узком месте пролива [15, с.56]. Российское правительство готовилось к возможному срыву переговорного процесса и планировало дальнейшие действия исходя из стремления не допустить установления египетского контроля над важнейшими проливами – Босфором и Дарданеллами.

Дальнейшей военной эскалации в конечном счете не произошло, а итогом переговоров стало мирное урегулирование, закрепленное 5 мая 1833 года путем

заклучения между египетским пашой и турецким султаном Кютахийского соглашения. Данный договор в полной мере не устраивал ни одну из сторон и во многом был продиктован вмешательством европейских государств, стремившихся не столько примирить Египет и Турцию, сколько отстранить Россию от участия в разрешении конфликта.

Кютахийское соглашение предусматривало прекращение Мухаммедом Али военных действий в обмен на значительные территориальные уступки со стороны Порты. Согласно договору, Египту отходили Сирия, Палестина, Крит и Ливан, однако, Египет всё ещё оставался формально зависимым от Османской империи, что не могло удовлетворить египетского пашу. Турецкий султан, в свою очередь, не желал мириться с потерей столь многих земель. Более того, очевидно, что в конфликте была уязвлена его гордость. По словам Н.Н. Муравьева, «султан, в объявлениях своих, называл это не миром, а прощением, дарованным восставшему» [16, с.364]. С таким отношением обеих сторон конфликта к заключенному мирному соглашению, новая эскалация становилась лишь вопросом времени.

Заключение Кютахийского соглашения, как и задумывали западные государства, фактически должно было вывести Россию из игры и заставить Порту отказаться от дальнейшей российской помощи, ввиду завершения конфликта, ради урегулирования которого, собственно, и прибыл генерал Муравьев. Тем не менее, Турция нуждалась в защите на случай повторения недавних волнений, поэтому турецким правительством было инициировано подписание союзного договора с Россией, состоявшееся в Ункяр-Искелеси 26 июня (8 июля) 1833 года [17, с. 133-134].

Для Порты подобное соглашение было жизненно необходимым, т.к. угроза, исходившая от энергичного египетского правителя, никуда не исчезла. Более того, за время конфликта, турецкое правительство убедилось, что в случае возникновения очередных разногласий, Франция выступит на стороне Мухаммеда Али, которому в Париже покровительствовали. Великобритания же предпочитала наблюдать за конфликтом с безопасной дистанции, поэтому на её поддержку рассчитывать не было смысла, в связи с чем Махмуд II сделал ставку на своих бывших врагов – русских.

В России, в свою очередь, воспринимали заключение союзного договора как возможность закрепить своё влияние на Востоке [18, с.69], одновременно с этим снизив европейское присутствие в Порте. Графу А.Ф. Орлову было поручено заключить соглашение, которое позволило бы обеспечить спокойствие южных регионов России, путем закрытия со стороны Турции проливов для иностранных судов. Несмотря на некоторые разногласия, стороны пришли к устраивающему всех решению достаточно быстро.

Ункяр-Искелесийский договор представлял собой оборонительный союз, заключенный между Россией и Портой сроком на 8 лет. По условиям договора, обе стороны должны были согласовывать свои действия по любым вопросам, касающимся обоюдного мира и безопасности двух держав, а также оказывать взаимную поддержку в случае нападения третьей стороны [19, с.123]. Особую

значимость имело добавление в документ секретной статьи, согласно которой Дарданеллы были закрыты для прохода иностранных военных судов по требованию Петербурга [20, с.115-116].

Посредством заключения договора Россия смогла усилить своё влияние на Востоке и одновременно с этим укрепить безопасность собственных границ [21, с.114-115], что сильно встревожило европейские державы. После подписания соглашения, французский и английский флот провели показательную демонстрацию у берегов Порты, выразив своё несогласие с усилением российских позиций в Турции, однако, более решительных действий со стороны французского и британского правительств не последовало [22, с.51].

Несмотря на то, что одним из последствий Ункяр-Искелесийского договора стало ослабление влияния европейских стран на Порту, для Франции исход турецко-египетского кризиса был достаточно благоприятным. Египетский паша Мухаммед Али, пользовавшийся французской поддержкой, значительно расширил свои территориальные владения, что сулило Франции экономические и политические выгоды, т.к. расширение Египта в данном случае было равносильно расширению сферы французского влияния на Востоке. При этом, Франция смогла избежать открытой конфронтации с Портой и приобрела поддержку в лице Великобритании в борьбе против общего врага – Российской империи. Что же касается французского влияния в Порте, хотя оно и ослабло, однако, не настолько сильно, чтобы стать для Парижа ощутимой потерей. Выгода, которую Франции сулило расширение Египта и обострение англо-русских противоречий, компенсировала потерю определенных позиций в Османской империи.

Единственной серьезной политической проблемой для Франции стало то, что в данном противостоянии французское правительство открыто поддержало мятежного турецкого вассала, тем самым дав понять другим странам, что Франция претендует на Египет как сферу своего влияния. Данный факт не мог оставить равнодушными представителей правящих кругов Великобритании, в связи с чем в последующие несколько лет между Англией и Францией значительно обострилось соперничество за ведущую роль в Северо-Восточной Африке.

Для Великобритании исход турецко-египетского кризиса оказался наименее выгодным. Несмотря на то, что в Лондоне не спешили принимать открытого участия в конфликте, а потому и не могли рассчитывать на такие же приобретения, как у Франции, заключение между Россией и Турцией Ункяр-Искелесийского договора стало серьезным поводом для беспокойства в правительстве Великобритании. Это, в свою очередь, привело к обострению англо-русских отношений и установлению своеобразного «вооруженного мира» между странами на следующие несколько лет [23, p.11].

Таким образом, можно констатировать, что турецко-египетский кризис 1831-1833 гг., начавшийся как восстание мятежного вассала против своего сюзерена, постепенно перерос в конфликт международного значения, грозивший

развалить Османскую империю и тем самым нарушить устоявшийся в Европе баланс сил.

Когда силы Мухаммеда Али стали преобладать над османской армией, турецкий султан Махмуд II, обратился за помощью к европейским монархам, которые заняли откровенно выжидательную позицию. Скорее всего, это объясняется тем, что они были не против того, чтобы в Стамбуле появился новый энергичный правитель – египетский, с которым Париж и Лондон неофициально поддерживали хорошие отношения, и уж точно бы быстрее сумели договориться относительно усиления антироссийской политики, причем не прежними откровенно «беззубыми» методами, как раньше.

Подобная перспектива была не в интересах России, как и усиление Египта, в связи с чем в Петербурге, исходя из идеи «враг моего врага – мой друг», было принято решение вступить с Турцией в ситуационный союз, который позволил Порте остановить продвижение Мухаммеда Али и ценой потери ряда территорий, не дать Египту обрести независимость.

Промежуточным итогом турецко-египетского кризиса стало Кютахийское соглашение, не столько закрепившее мир между Мухаммедом Али и Махмудом II, сколько дав обеим сторонам некоторую отсрочку перед продолжением своего противостояния.

Однако главным событием, ознаменовавшим завершение кризиса, стало подписание Россией и Турцией Ункяр-Искелесийского союзного договора, закрепившего усиление российского влияния на Востоке и ставшего одним из главных успехов русской дипломатии в XIX веке. Избежав какого-либо военного столкновения, Россия смогла усилить свои позиции в Порте, обезопасить собственные южные границы и ослабить европейское присутствие в Турции, тем самым оказавшись в выигрыше от исхода турецко-египетского кризиса.

Что же касается европейских стран, несмотря на потерю определенного влияния в Порте, Франция по завершению турецко-египетского конфликта продолжила оказывать помощь Мухаммеду Али в целях дальнейшего усиления своего экономического и политического влияния в Северо-Восточной Африке.

Кроме того, занимавшая на тот момент непрочное положение Июльская монархия смогла заручиться поддержкой Великобритании в борьбе с общим врагом в лице Российской империи, что также благоприятно сказалось на политической стабильности французского государства.

Великобритания, в свою очередь, не предпринимая решительных действий во время турецко-египетского кризиса, осталась в стороне. Главным исходом для неё стало обострение противоречий с Россией на фоне усиления влияния последней на Востоке, а также обеспокоенность по поводу французского присутствия в Северо-Восточной Африке, что в дальнейшем привело к ухудшению отношений Великобритании с обоими государствами.

Список источников и литературы:

1. Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: дисс. ... док. ист. наук: 07.00.03 «Всеобщая история» / Н.П. Таньшина. – Москва, 2005. – 515 с.
2. Юрченко В.П. Вооруженные силы Египта: от паши Мухаммеда Али до президента Абдель Фаттаха Ас-Сиси (история и современность) / В.П. Юрченко. – М.: Институт Ближнего Востока, 2023. – 846 с.
3. Hanotaux G. Histoire de la nation egyptienne (in 7 volumes). Vol. 4 / G. Hanotaux. – Paris: Societe de L'Histoire Nationale, 1931. – p. 624.
4. Муртузалиев С.И. Дипломатическая миссия генерала Н.Н. Муравьева в Египет и Турцию / С.И. Муртузалиев // Диалог со временем. – 2014. – № 47. – С. 267-293.
5. Харьковский Р.Г. Политика Франции в Египте, 1840-1882 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Всемирная история» / Р.Г. Харьковский. – Луганск, 2006. – 208 с.
6. Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. / Н.С. Киняпина. – М.: Издательство «Высшая школа», 1963. – 288 с.
7. Cadalvène E. de Histoire de la guerre de Mehemed-Ali contre la Porte ottomane, en Syrie et en Asie-Mineure: (1831-1833): ouvrage enrichi de cartes, de plans et de documens officiels / E. Cadalvène. – Paris: Arthus Bertrand, Libraire-Editeur, 1837. – 512 p.
8. АВПРИ. Фонд № 137. Отчёты МИД России, 1830-1916 гг. Опись 475. 3а/д. № 2. Отчет о деятельности МИД за 1831 и 1832 гг. Л. 354-355.
9. Webster Ch.K. The foreign policy of Palmerston 1830-1841 (in 2 volumes). Vol. 1 / Ch.K. Webster. – London: G. Bell & Sons, 1951. – 522 p.
10. Baker R.L. Palmerston and the Treaty of Unkiar Skelessi / R.L. Baker // The English Historical Review. – 1928. – XLIII. – P. 83-89.
11. Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина. – Москва: Издательство «Наука», 1978. – 434 с.
12. Иванов Д.Н. Черноморский флот России и турецко-египетский конфликт 30-х гг. XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история» / Д.Н. Иванов. – Санкт-Петербург, 2010. – 23 с.
13. Вахитов Р.Р. Отношения России и Турции в XIX – первой половине XX в.: миролюбие консерватизма и конфликтогенность либерализма / Р.Р. Вахитов // Проблемы цивилизационного развития. – 2023. – № 5 (1). – С. 90-113.
14. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи: 1801-1914 / О.Р. Айрапетов. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 672 с.
15. Иванов Д.Н. Черноморский флот и первый турецко-египетский кризис 1831-1833 гг. / Д.Н. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2008. – № 2. – С. 53-60.

16. Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 году: из записок Н. Н. Муравьева (Карсского): с рисунком / Н.Н. Муравьев. – М.: Чертковская библиотека, Тип. А.И. Мамонтова, 1869. – 462 с.

17. Петрунина Ж.В. Общественно-политические взгляды на внешнеполитическую стратегию России в первом турецко-египетском конфликте (1831-1833 годы) / Ж.В. Петрунина // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 1. – С. 131-138.

18. Панеш А.Д. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. и обострение англо-русских противоречий на Северо-Западном Кавказе / А.Д. Панеш // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 30 (4). – С. 67-75.

19. Жантиев Д.Р. Завоевание Сирии Мухаммадом Али-пашой в 1831-1832 годах и его влияние на российско-османские отношения / Д.Р. Жантиев // Новая и Новейшая история. – 2024. – № 6. – С. 115-125.

20. Игнатьев А.В., Санин Г.А., Кудрявцева Е.П. Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетия) / отв. ред.: Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. – Москва: Издательство «Международные отношения», 1999. – 556 с.

21. Разумный В.В. Геополитическое значение событий начала 1830-х годов для русско-турецких отношений / В.В. Разумный // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: материалы Международной научно-практической конференции / ответственные редакторы В.В. Касьянов, А.В. Баранов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т. – 2023. – С. 111-115.

22. Гребенщикова Г.А. Босфорская военно-морская операция. 1833 год / Г.А. Гребенщикова // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 7. – С. 44-51.

23. Puryear V.J. International Economics and Diplomacy in the Near East / V.J. Puryear. – California: Stanford University Press, 1935. – 264 p.

REFERENCES

1. Tanshina, N.P. (2005) *The political struggle in France on foreign policy issues during the July Monarchy*. The dissertation of Doctor of Historical Sciences. Moscow. 515 p. (In Russian).

2. Yurchenko, V.P. (2023) *Armed forces of Egypt: from Pasha Muhammad Ali to President Abdel Fattah el-Sisi (history and modernity)*. Moscow: Institute of the Middle East. 846 p. (In Russian).

3. Hanotaux, G. (1931) *History of the Egyptian nation*: in 7 volumes. Vol. 4. Paris: National History Society. 624 p. (In French).

4. Murtuzaliev, S.I. (2014) [Diplomatic mission of General N.N. Muravyov to Egypt and Turkey]. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*. 47, 267-293. (In Russian).

5. Kharkovskiy, R.G. (2006) *French policy in Egypt, 1840-1882*. The dissertation of Candidate of Historical Sciences. Lugansk. 208 p. (In Russian).
6. Kinyapina, N.S. (1963) *Foreign policy of Russia in the first half of the 19th century*. Moscow: Vysshaya shkola. 288 p. (In Russian).
7. Cadalvène, E. de. (1837) *History of the war of Mehemed-Ali against the Ottoman Empire, in Syria and Asia Minor: (1831-1833): work enriched with maps, plans and official documents*. Paris: Arthus Bertrand, Libraire-Editeur. 512 p. (In French).
8. AFPRE. Fund No. 137. Reports of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 1830-1916. Inventory 475. 3a/d. No. 2. Report on the activities of the Ministry of Foreign Affairs for 1831 and 1832. P. 354-355. (In Russian).
9. Webster, Ch.K. (1951) *The foreign policy of Palmerston 1830-1841*: in 2 volumes. Vol. 1. London: G. Bell & Sons. 522 p.
10. Baker, R.L. (1928) [Palmerston and the Treaty of Unkiar Skelessi]. *The English Historical Review*. XLIII, 83-89.
11. Georgiev, V.A., Kinyapina, N.S., Panchenkova, M.T. & Sheremet, V.I. (1978) *The Eastern question in the foreign policy of Russia. Late 18th – early 20th century*. Moscow: Nauka. 434 p. (In Russian).
12. Ivanov, D.N. (2010) *The Black Sea Fleet of Russia and the Turkish-Egyptian conflict of the 1830s*. Abstract of the dissertation of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg. 23 p. (In Russian).
13. Vakhitov, R.R. (2023) [Relations between Russia and Turkey in the 19th – first half of the 20th century: peacefulness of conservatism and conflict potential of liberalism]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya = Problems of Civilizational Development*. 5 (1), 90-113. (In Russian).
14. Ayrapetov, O.R. (2006) *Foreign policy of the Russian Empire: 1801-1914*. Moscow: Europe. 672 p. (In Russian).
15. Ivanov, D.N. (2008) [The Black Sea Fleet and the first Turkish-Egyptian crisis of 1831-1833]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Saint Petersburg University. History*. 2, 53-60. (In Russian).
16. Murav'ev, N.N. (1869) *Russians on the Bosphorus in 1833: from the notes of N.N. Muravyov (Karsky): with a drawing*. Moscow: Chertkov Library: Mamontov Printing House. 462 p. (In Russian).
17. Petrunina, Zh.V. (2008) [Socio-political views on Russia's foreign policy strategy in the first Turkish-Egyptian conflict (1831-1833)]. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the 21st Century*. 1, 131-138. (In Russian).
18. Panesh, A.D. (2015) [The Treaty of Unkiar-Skelessi of 1833 and the aggravation of Anglo-Russian contradictions in the North-West Caucasus]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 30 (4), 67-75. (In Russian).
19. Zhantiev, D.R. (2024) [The conquest of Syria by Muhammad Ali Pasha in 1831-1832 and its influence on Russian-Ottoman relations]. *Novaya i Noveyshaya istoriya = Modern and Contemporary History*. 6, 115-125. (In Russian).

20. Ignat'ev, A.V., Sanin, G.A. & Kudryavtseva, E.P. (1999) *Russia and the Black Sea straits (18th-20th centuries)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 556 p. (In Russian).

21. Razumnyi, V.V. (2023) Geopolitical significance of the events of the early 1830s for Russian-Turkish relations In: *The Black Sea-Mediterranean region in the system of Russia's national security: on the 240th anniversary of the accession of Crimea and Kuban to Russia and the 80th anniversary of the liberation of the Krasnodar Territory from Nazi invaders: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. proceedings of the International Scientific and Practical Conference, 2023, Krasnodar, Russia. Krasnodar: Kuban State University, pp. 111-115. (In Russian).

22. Grebenshchikova, G.A. (2018) [Bosphorus naval operation. 1833]. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military Historical Journal*. 7, 44-51. (In Russian).

23. Puryear, V.J. (1935) *International Economics and Diplomacy in the Near East*. California: Stanford University Press. 264 p.

Данные авторов статьи

Муртузалиев Сергей Ибрагимович	Murtuzaliev Sergey Ibragimovich
Харьковский Руслан Геннадьевич ORCID 0009-0000-4093-8798	Kharkovskiy Ruslan Gennadievich

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94 (669) [1960/...]

DOI: 10.5281/zenodo.23023354

EDN: FFBVVL

Д.С. Крысенко

доктор исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова», г. Луганск, РФ.

E-mail: gumilev.l@inbox.ru

ПРОБЛЕМА РЕСПУБЛИКИ БИАФРА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1967–1970)

Аннотация

В статье представлен анализ места конфликта в Биафре в системе международных отношений в период его острой фазы (1967–1970). Раскрыты предпосылки его возникновения, социально-политическая ситуация в Нигерии накануне провозглашения независимости Республики Биафры. Охарактеризованы позиции великих держав – Великобритании, США и СССР в отношении данного вопроса. Сделан вывод о нетипичности войны в Биафре для геополитической ситуации периода Холодной войны.

Ключевые слова: Нигерия, Биафра, конфликт, Великобритания, США, СССР.

Summary

This article presents an analysis of the Biafra conflict in the system of international relations during its acute phase (1967–1970). It explores the preconditions for its emergence and the socio-political situation in Nigeria on the eve of Biafra's declaration of independence. The positions of the great powers – Great Britain, the USA, and the USSR – on this issue are characterized. It concludes that the local conflict in Biafra was atypical for the geopolitical situation of the Cold War period.

Keywords: Nigeria, Biafra, conflict, Great Britain, the USA, the USSR.

Механизм легитимного создания и юридического признания государств является одной из главных и наиболее дискуссионных проблем международного права. В мировой истории на всём протяжении своего существования изначально

независимыми были не более 20 государств, остальные же почти 180, тем или иным путём, появились на политической карте мира путём сецессии. Большая часть государств Африки была провозглашена в 1960-е годы в период деколонизации, выйдя из состава европейских империй. Но игнорирование этноконфессиональных факторов колониальными администрациями при проведении межгосударственных границ в предшествовавшие периоды привело к тому, что после обретения независимости африканскими странами борьбу за свой суверенитет под антиколониальными лозунгами повели уже их окраины и регионы (за минувшие с 1960-го года – «года Африки» – 66 лет полностью мирными на Чёрном континенте были лишь 144 дня). С учётом того, что в наши дни система международных отношений претерпевает значительные изменения (однополярный Брюссельско-Вашингтонский порядок трансформируется в порядок пан-регионов, баланс между которыми ещё только предстоит установить), в повестку дня возвращаются ранее приостановленные («замороженные») локальные конфликты. Среди них – конфликт вокруг Республики Биафра, существовавшей в 1967–1970 годах. Её борьба за свой суверенитет нашла отражение в работах российского исследователя С. В. Мазова [2, 3, 4], а также зарубежных авторов – Р. Дорона [7], Л. Гаррисона [11, 12], Э. Иньянга [16], Дж. Стремлау [23], Ч. Корая [18]. В их работах акцент сделан преимущественно на генезисе и внутренних аспектах нигерийского конфликта. При этом, ряд аспектов (в частности, позиция великих держав) всё ещё остаётся не до конца раскрытым. Итак, целью данной статьи является анализ позиции мировой общественности в отношении борьбы Биафры и Нигерии.

Нигерия (в отличие от Алжира или Конго), независимость получила не в результате восстания, а в ходе запланированного транзита власти от метрополии местным элитам 1 октября 1960 года. По причине того, что молодая республика представляла собой настоящий конгломерат из более чем 250 народов, народностей и племён (едва ли не самая пёстрая этническая мозаика на всём Чёрном континенте), опыта выстраивания диалога и баланса между ними у новых властей не было. В административном отношении страна была разделена на три области: Северную (основной народ – исповедующие ислам хауса), Западную (основное население – исповедующие христианство и анимизм йоруба) и Восточную (основной народ – исповедующие христианство игбо). Исторически, между северянами (хауса) и южанами (игбо) существовали напряжённые отношения; в XX веке ситуация драматизировалась по причине открытия на юго-востоке крупных нефтеносных месторождений, контроль над которыми сулил быстрое обогащение. Раскол углублялся и в силу того, что южные регионы Нигерии модернизировались быстрее, а их жители отличались более высоким уровнем образования (к примеру, в 1960 году на севере, где жили две трети населения, действовала 41 школа, а на юге – 842). Отличались игбо и предприимчивостью, поэтому, по объективным причинам, во всех крупных городах Нигерии руководящие должности в армии, образовании и медицине были заняты ими. При этом, за пределами Восточной области игбо жили как

замкнутая община и не стремились к ассимиляции [1, с. 248–249]. Не удивительно, что внутривнутриполитическая жизнь в Нигерии не была стабильной.

Закономерно, что по отношению к коррумпированному центральному правительству, не способному решить насущные социально-экономические вопросы, крепла оппозиция. И в ночь на 15 января 1966 года группа офицеров во главе с майором Патриком Нзеогву (игбо) совершила военный переворот. В результате были убиты несколько высших руководителей, в том числе премьер-министр Абубакар Тафава Балева, премьер-министр Северной области Ахмаду Белло и премьер-министр Западной области Сэмюэл Акинтола. Первая республика пала. Однако уже через несколько часов управление страной оказалось в руках другой группы военных, во главе с генерал-майором Джонсоном Агийи-Иронси (также игбо) – именно он стал президентом, а начальником штаба армии – подполковник Якубу Говон (представитель малочисленной народности ангас). Переворот поддерживали и все три региона, в каждый из которых были направлены военные администрации. Факт того, что новое правительство во многом, состояло из южан-игбо, вызвал у северян резкое недовольство и обвинения с их стороны в дискриминации. Враждебность усиливалась и по той причине, что на южан северяне смотрели свысока, как на потомков тех, кого их предки захватывали в плен и обращали в рабство. В итоге, 29 июля 1966 года северяне во главе с подполковником Мурталой Мухаммедом совершили второй военный переворот. Дж. Агийи-Иронси и ряд офицеров игбо и йоруба были убиты. Новым главой государства стал Я. Говон.

Летом-осенью 1966 года по Северной и Западной Нигерии прокатилась волна погромов, в ходе которых было убито до 50 тысяч игбо, а также около 400 солдат и офицеров из числа этого народа. Около двух миллионов человек бежали в родную Восточную область. Роль центрального правительства в развёртывании волны насилия остаётся неясной, но с уверенностью можно говорить о том, что власти почти не предпринимали усилий для её прекращения; наказания убийц не последовало, как даже и осуждения. Агрессия поставила страну на путь дезинтеграции. Ранее самые активные сторонники национального единства, игбо во главе с губернатором Восточной Нигерии полковником Чуквуэмекой Одумегву-Оджукву стали на путь суверенизации своего региона.

Попытки остановить эскалацию насилия предпринимались сразу же после начала погромов летом 1966 года. До провозглашения независимости Биафры таких инициатив было осуществлено несколько. Среди них – мирные переговоры в Гане. Президент этой республики генерал Джозеф Артур Анкра пригласил Я. Говона и Ч. Одумегву-Оджукву, а также их администрации в Абури для мирных переговоров. Как соседи по региону, Нигерия и Гана имели непростую историю взаимоотношений. Однако с приходом к власти Дж. Агийи-Иронси в Нигерии и Дж. Анкра (свергнувшего социалистическое правительство Кваме Нкрумы в феврале 1966 года) между двумя странами наладились дружеские отношения. В качестве жеста доброй воли Дж. Анкра сразу же после контрпереворота 1966 года в Нигерии признал правительство Я. Говона. Гана стремилась выступить в нигерийско-биафрском конфликте в качестве

посредника, способствуя урегулированию споров, сохранению территориальной целостности страны, поддержанию мира в Западной Африке и предотвращению гуманитарной катастрофы, которая могла затронуть и Гану.

В переговорах, которые прошли 4–5 января 1967 года, приняли участие делегаты федерального военного правительства Нигерии и представители Восточного региона. Условия принятой по итогам переговоров резолюции (в случае их полной реализации), могли удовлетворить требования игбо и предотвратить войну: участники единогласно обещали не применять силу, а также согласовали закон о коллективной ответственности, согласно которому все полномочия федерального военного правительства переходили к коллегиальному Высшему военному совету.

Встреча в Гане была последней возможностью предотвратить войну: Я. Говон резолюцию так и не выполнил, а Ч. Одумегву-Оджукву отказался признать его власть. Северяне совершили весьма хитрый политический ход, издав конституционный указ № 14, которым отменили деление страны на области и нарезали её на 12 штатов, в которые были направлены новые военные губернаторы. Все нефтяные месторождения оказались в штатах, где игбо составляли меньшинство. Реформа могла стать эффективным способом ослабления элит Восточного региона за счёт усиления влияния других этнических групп в регионах и лишения власти их союзников в соседних общинах.

Каплей, переполнившей чашу терпения биафран, был приказ Я. Говона о морской блокаде Востока и его требование распустить местные войска. И 30 мая 1967 года в 3:00 утра Ч. Одумегву-Оджукву выступил с декларацией о государственном суверенитете своего региона: «Настоящим торжественно провозглашаю, что территория и регион, известные как Восточная Нигерия, вместе с её континентальным шельфом и территориальными водами отныне будут независимым суверенным государством под названием Республика Биафра. С этим заявлением Восточный регион перестаёт быть частью ФРН и объявляется, что теперь этот регион будет известен как Республика Биафра» [5]. Такая позиция отражала настроения местной общественности: население Биафры было образовано и едино в стремлении к безопасности. Поэтому Ч. Одумегву-Оджукву действовал, опираясь на мандат собрания старейшин и высокопоставленных государственных служащих Восточного региона.

Ответом Я. Говона было введение чрезвычайного положения. В репортаже New York Times от 31 мая 1967 года, подготовленном Ллойдом Гаррисоном, цитировались слова Ч. Одумегву-Оджукву: «Ни так называемое чрезвычайное положение, объявленное Говоном, ни указ о создании штатов не могут применяться к [Восточному] региону» [12, р. 4]. В материале шла речь о серьёзном вызове, который сецессия представляла для мировых держав, и особенно для Соединённых Штатов и Великобритании (вложивших значительные инвестиции в разведку нефти в дельте Нигера), которым предстояло решать, признавать ли новую страну. Большинство обозревателей сравнивали отделение Биафры от Нигерии с провозглашением независимости

США от Великобритании в 1776 году [27], понимания, при этом, что решение вопроса будет лежать в силовой плоскости. 3 июня Соединённые Штаты начали эвакуацию около семисот своих граждан из региона [9, р. 17].

Провозглашение независимости Биафры соответствовало логике обстоятельств, поскольку сецессия – это демократическое право, вытекающее из права наций на самоопределение. В мировой истории её сторонники во многих случаях вместо решения наиболее острых политических вопросов, создавали куда более сложные проблемы. В новых государствах проживающие на их территории меньшинства могли подвергаться дискриминации (как в случае с Югом во время Гражданской войны в США); сецессия может лишить более крупную страну ресурсов, жизненно для неё важных (как было в случае с Катангой в Конго); сторонники сецессии могут быть слишком малочисленны для создания жизнеспособного государства. Ни одна из этих моделей не относилась к случаю Биафры: народ игбо составлял большинство её населения, и его лидеры выразили готовность позволить остальным народам определять своё собственное будущее посредством плебисцита под международным наблюдением. Хотя Биафра получила под контроль нефтяные ресурсы, оставшаяся часть Нигерии сохранила достаточные запасы, чтобы стать крупным производителем углеводородов – независимо от наличия или отсутствия Биафры. И, что немаловажно, независимая Биафра стала бы одной из самых густонаселённых стран в Африке (с территорией в 77306 км² её население составляло более 13 млн человек). К середине 1960-х годов она входила в число наиболее экономически и инфраструктурно развитых регионов Африки. После погромов 1966 года в Восточный регион хлынул поток подготовленных государственных служащих, дипломатов и военных, бежавших от насилия на Севере и в других частях страны.

6 июля 1967 года Я. Говон заявил о готовности подавить мятеж в течение двух недель, ввёл блокаду Восточного региона и приказал федеральным войскам двигаться на его территорию. Но наступление правительственных сил развивалось медленно. В начале войны единственным их успехом стал захват нефтепромыслов на острове Бонни, недалеко от крупного города Порт-Харкорт. Справиться с армией южан северянам должна была помочь тактика «выжженной земли»: уничтожение складов продовольствия, посевов и скота, запрет поставок в Биафру любых грузов. Такая стратегия сделала мирных жителей заложниками и главными жертвами войны. Нигерийские чиновники это открыто и цинично признавали: «Я хочу не допустить, чтобы хотя бы один игбо смог съесть хоть кусочек перед капитуляцией» [8]. А высокопоставленный гражданский чиновник из Лагоса заявил: «На войне все средства хороши, и голод – одно из них» [22, р. 119]. Как и во многих случаях других африканских конфликтов, боевые действия велись с крайней степенью ожесточения: федеральные войска истребляли целые города и районы, населённые игбо. В свою очередь, биафране, несмотря на свою сплочённость и весомый потенциал для успешного экономического развития, не обладали полной самодостаточностью, а их территория не имела стратегической глубины. И полковник Ч. Одумегву-

Оджукву, и его соперник из Лагоса, подполковник Я. Говон, стали заложниками племенных страстей, которые ни один из них не мог контролировать; оба выступили лишь символами, а не инициаторами, трагического разобщения страны.

Столкнувшись с тактикой геноцида, игбо остро нуждались в международной поддержке, инструментом для получения которой были масс-медиа. Имея историческое образование за плечами, Ч. Одумегву-Оджукву понимал суть глобальных структур власти, силу влияния нарративов и образов на умы и сердца – как первых лиц, так и общественности [26, р. 14]. Для ведения информационной войны им было создано Управление пропаганды, укомплектованное преподавателями Университета Нигерии в Нсукке, которые остались не у дел после начала противостояния. Работа Управления определялась специальным документом – «Руководством по ведению эффективной пропаганды», который учитывал опыт информационной войны между союзными державами и нацистской Германией во время Второй мировой войны. Каждый из 41 отдела Управления отвечал за вещание на конкретную страну или регион мира.

Для защиты интересов Биафры её чиновники смогли использовать обширные связи в ближнем и дальнем зарубежье. Помощь в распространении биафрийских материалов оказывало швейцарское PR-агентство Markpress. В результате, новостные выпуски как африканских, так и мировых телеканалов начинались с описания зверств, творимых армией Нигерии.

Созданная четырьмя годами ранее Организация африканского единства (ОАЕ) не могла остаться в стороне от разгоравшейся в Нигерии гражданской войны. Организация пыталась сгладить конфликт, но столкнулась с серьёзными ограничениями, снижавшими эффективность её действий: коллегиальные решения не носили обязательного характера для стран-участниц. Кроме того, ОАЕ не было собственных вооружённых сил, которые можно было бы направить с миротворческой миссией. Поэтому, прилагаемые ею усилия носили, в первую очередь, дипломатический характер.

После того как восточная часть Нигерии провозгласила независимость, ОАЕ выразила серьёзную озабоченность. На сессии в Киншасе (сентябрь 1967 года) организация решительно осудила действия биафран, квалифицировав их как сепаратизм и заявила, что конфликт – это внутреннее дело нигерийцев, выступив, при этом, за сохранение единства и территориальной целостности страны. Для координации усилий, ОАЕ создала специальный Консультативный комитет по Нигерии (ККН). Данный орган пытался наладить диалог между федеральным правительством Нигерии и руководством Биафры. Однако эти попытки не возымели результата: биафране настаивали на признании их суверенитета и выводе нигерийских войск, что противоречило позиции ОАЕ [3, с. 372–392].

Один из важных итогов деятельности ОАЕ состоял в недопущении широкого международного признания независимости Биафры со стороны африканских государств. Официально независимость Биафры признали лишь

несколько соседей по континенту: Габон, Замбия, Кот-д'Ивуар и Танзания. Не установив дипломатических отношений, поддержку ей оказала Южно-Африканская Республика – её руководство стремилось к выходу из изоляции и созданию пояса дружественных государств Чёрной Африки. ОАЕ стремилась не допустить «эффекта домино»: считалось, что суверенизация Биафры могла спровоцировать аналогичные движения в других странах континента. В итоге, ОАЕ не смогла остановить войну.

Из неафриканских государств Биафру признало лишь Гаити. Поддержку Биафре (правда, преимущественно моральную) оказала Китайская Народная Республика. В заявлениях, опубликованных Агентством печати Синьхуа, Пекин осуждал политику Нигерии, называя её «империалистической», и заявлял о поддержке борьбы народа Биафры за самоопределение. При этом, официального дипломатического признания со стороны КНР не последовало – администрация Мао Цзэдуна ограничилась выражением политической солидарности.

По некоторым данным, КНР с 1968 года осуществляла тайные поставки оружия в Биафру. Поставки шли транзитом через Танзанию. Оценки объёмов разнятся, но фигурирует сумма порядка 2 миллионов долларов за весь период конфликта [23, р. 237].

На такую политику Пекина повлиял контекст Холодной войны и продолжавшийся раскол в отношениях с СССР. В тот период Китай позиционировал себя как истинный защитник стран «Третьего мира» и часто выступал с критикой политики как Запада, так и Советского Союза. Поэтому поддержка Биафры была направлена против влияния СССР, который в этом конфликте стал на сторону федерального правительства Нигерии.

Гораздо более противоречивую политику в биафранском конфликте проводил Израиль. В ряде недавно рассекреченных документов выяснилось, что еврейское государство, официально придерживаясь позиции невмешательства, поддерживало в нигерийско-биафранской войне обе стороны. Согласно дипломатическим телеграммам, опубликованной газетой «Гаарец», израильская позиция преследовала цель отвлечения внимания от собственной деятельности в Палестине. В телеграмме от 23 марта 1969 года Яэль Веред (директор ближневосточного отдела министерства иностранных дел), сообщила израильскому посольству в Лондоне о намерении «Инициировать и содействовать масштабной пропагандистской кампании в поддержку Биафры, чтобы перенаправить часть сочувствия к палестинцам на этот угнетённый народ и одновременно осудить насилие мусульман в Биафре» [15]. Хотя Тель-Авив отрицал поддержку Биафры, известно о выделении её представителям значительных финансовых средств для закупки оружия. При этом, Израиль также помогал и Нигерии, в частности, перебрасывая солдат и оружие на линию фронта, используя для этого собственные торговые суда. Это происходило несмотря на то, что Тель-Авив был хорошо осведомлён о зверствах, совершаемых нигерийскими военными в отношении мирного населения Биафры.

Не меньшее значение, чем дипломатический фронт, имела информационная борьба. Как и южане, северяне использовали яркие и провокационные пропагандистские образы и риторику. Например, в мае 1967 года федеральное правительство выпустило красочный плакат с изображением тяжёлого военного сапога, давящего отрубленную голову полковника Ч. Одумегву-Оджукву; подпись гласила «Подавление восстания» [9, р. 3].

Лидеры Биафры позиционировали своё государство как маленькую и почти беззащитную страну, требующую покровительства. Значительное внимание уделялось образу лидера Биафры. Его имидж борца за свободу и справедливость старательно культивировался для привлечения внимания потенциальных союзников. Размышляя о связи между образом политической элиты Нигерии и визуальными метафорами, использованными в когнитивной войне, нигерийский историк Этиидо Эффионгвиллиам Иньян пишет: «В изобразительном плане образ Эмеки Оджукву как лидера сепаратистской республики Биафра представляет собой бинарную личность героя-бунтаря нигерийской гражданской войны. Этот объединённый атрибут отражён в восприятии художников, которые создавали фотографии и иллюстрации Оджукву, с одной стороны, и в управлении его образом в период войны, с другой. С панорамной точки зрения, эти изобразительные представления об Оджукву ярко выделяют его как икону нигерийской гражданской войны и помещают его в контекст классового дискурса, который определял борьбу за политическое пространство в Нигерии до, во время и после обретения Нигерией независимости в 1960 году» [16, р. 3]. Международные медиа способствовали распространению этого романтического имиджа молодого военного лидера с западным образованием, который отстаивает интересы угнетённого народа. Образ чисто выбритого Оджукву в качестве военного губернатора Восточной Нигерии до гражданской войны резко контрастировал с образом бородатого лидера повстанцев из Биафры, который мгновенно узнавался в мировой прессе во время войны. «Борода соответствовала революционной позиции не только потому, что имела культурную связь с трауром по погибшим в Восточной Нигерии, но и потому, что предлагала ему уникальную визуальную идентичность, которая многим художникам той эпохи казалась неотразимой» [16, р. 6]. Ч. Одумегву-Оджукву мгновенно стал лицом сопротивления Биафры, так что федеральные пропагандисты рассматривали его уничтожение как синоним подавления восстания. Он сам подчёркивал это в своих мемуарах, написанных после поражения в войне: «Пока я жив, Биафра жива» [24, р. 12].

Количество биафранских материалов о войне резко возросло после нескольких месяцев боёв. Блокада Биафры стала тотальной и привела к катастрофическим последствиям. По всему миру распространялись изображения истощённых детей, цепляющихся за своих столь же истощённых матерей. Длинные ряды из полуобнажённых детей с болезненно выпирающими животами стояли в очереди за порцией продуктовых пайков. Изображения детей, брошенных умирать на обочине дороги, в то время как другие беспомощно обходили их, транслировались телеканалами в прайм-тайм (как раз в то время,

когда семьи собираются за обеденным столом). Теперь биафране боролись уже не за международное признание, а за физическое выживание.

Гражданскую войну в Нигерии невозможно рассматривать вне глобального контекста. Сформировавшаяся по итогам Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система международных отношений предполагала разделение мира на сферы влияния двух сверхдержав. В такой ситуации условием безопасности (как военно-политической, так и экономической) была принадлежность к одному из военно-политических блоков – под руководством СССР либо США. По-настоящему нейтральные страны были скорее исключением (в случае, если Москва и Вашингтон были заинтересованы в такой периферии). Избегая прямого столкновения, сверхдержавы мерялись силами в локальных конфликтах в Азии, Африке и Латинской Америке. Практически во всех региональных войнах прямо или опосредованно, за противоборствующими сторонами стояли США и СССР. Как Нигерия, так и Биафра не могли победить, не получив поддержку одной из сверхдержав.

Великобритания, хотя и потерявшая свои позиции, всё же оставалась весьма влиятельным актором, от позиции которого, во многом, зависел ход мировых событий. Одним из информационных агентств, сообщивших миру о разворачивавшейся в Биафре гуманитарной катастрофе, была Британская вещательная корпорация (BBC). Но такая информация кабинету Её Величества казалась невыгодной. И Форин Оффис изначально стал на сторону Севера, и правда о происходящем могла расположить британскую общественность к самопровозглашённой республике. По этой причине, британский верховный комиссар (посол) в Лагосе, сэр Дэвид Хант, пожаловался на содержание сообщений BBC в Бюро по связям с Содружеством в Лондоне. Жалоба была переадресована руководству BBC, которое подвергло автора репортажей, известного журналиста и писателя Фредерика Форсайта порицанию. Его отозвали в Лондон и понизили в должности, что в конечном итоге привело к его уходу со службы. В этот же момент премьер-министр Великобритании заявил американскому послу, что полмиллиона погибших биафран являются вынужденной жертвой, необходимой для сохранения единства Нигерии [6].

Позиция Великобритании, во многом, исходила из предшествовавшей колониальной политики. При её реализации администрация традиционно опиралась на северных феодалов. Поэтому в разгоравшейся гражданской войне Лондон заявил о своей поддержке Лагоса. Как объяснил лондонский чиновник, возможно, другим странам и следовало бы придерживаться политики невмешательства, «но мы – бывшая колониальная держава» [6]. Официальная позиция заключалась в том, что основной интерес Великобритании в конфликте состоял в предотвращении распада страны по племенным линиям (другими словами, в подтверждении рациональности британской деколонизации).

Но главную роль в формировании позиции Великобритании сыграл, всё же, нефтяной фактор. Поскольку крупнейшие месторождения углеводородов находились в юго-восточной части страны – то есть на территории, которая стала Биафрой, – у Лондона, безусловно, были там интересы. Корпорация Shell-BP,

частично принадлежавшая тогда британскому правительству, была крупнейшим производителем чёрного золота в Нигерии. В 1966 году в Восточной Нигерии было добыто 15 млн тонн нефти (60% всей нигерийской добычи). В результате, Великобритания была крайне заинтересована в защите своих инвестиций в Shell-VR, тем более что Шестидневная война на Ближнем Востоке в июне 1967 года поставила под угрозу стабильность поставок нефти. Ситуация усугубилась после начала федеральным правительством Нигерии блокады Биафры, которая остановила экспорт нефти. Британская экономика зависела от этих поставок. Но снята блокада могла быть только в случае победы Нигерии; следовательно, для разгрома сепаратистов федеральному правительству было необходимо помочь поставками оружия. К ноябрю 1967 года Томас Джордж Харрис, чиновник Форин-офис, написал премьер-министру Гарольду Уилсону, предложив ускорить предоставление военной помощи: «Я считаю, – писал он, – что британским интересам сейчас послужит быстрая победа федерального правительства» [23, р. 52]. Журналист Майкл Липман, анализируя рассекреченные в 1998 году документы британского кабинета министров за 1967 год, в которых описан этот эпизод, писал, что «решение о продолжении вооружения Нигерии было основано не на аргументах за или против сецессии или интересах её народа, а на мощном лобби» [12]. Он заключил: «Документы кабинета министров ясно показывают, что добро и зло были последними соображениями, которые кто-либо принимал во внимание. Нефть, торговля и защита британских интересов доминировали в процессе принятия решений» [12].

Движимое неокOLONиальным «чувством долга», усиленным инвестициями в нигерийскую нефтяную промышленность, правительство премьер-министра Гарольда Уилсона стало важнейшим союзником Нигерии, предоставляя оружие, дипломатическую поддержку, техническую помощь и консультации.

В ходе Второй мировой войны США, формально позиционируя Великобританию как равноправного союзника, на деле низводили её роль до «младшего партнёра», создавая условия, при которых колонии Королевства шли по пути суверенизации. Место Лондона активно занимал Вашингтон, колониальные отношения замещая более эффективными неокOLONиальными. Поэтому в отношениях с Нигерией Великобритания и США демонстрировали определённую степень конкуренции: обе страны признали её независимость в один день – 1 октября 1960 года; первая стремилась сохранить свои позиции в этой стране, вторые – сформировать и укрепить.

Разведка США обладала всей полнотой информации о назревавшем в Нигерии конфликте. В рассекреченном Центральным разведывательным управлением США в 2004 году меморандуме 1966 года ситуация описывалась так: «Кризис находится в острой стадии с января, когда военный переворот разрушил конституционный строй, унаследованный от британцев, и нарушил лежащие в его основе племенные и региональные властные отношения. Сейчас на кону стоят самые фундаментальные вопросы, которые только могут

существовать в стране, начиная с того, сможет ли она устоять как единое жизнеспособное образование» [25].

Во время Второй мировой войны информация о военных преступлениях часто оставалась мировой общественности неизвестной. Но в 1960-е годы, благодаря возросшему количеству и качеству СМИ, а также их доступности, подобные факты становились достоянием гласности гораздо быстрее. Американские масс-медиа были одними из первых, кто начал использовать цветные изображения в периодической печати, и начало нигерийско-биафрийской войны совпало с внедрением этого новшества. Графика и красочные изображения войны со страниц журнала Time передавали боль и страдания, которые испытывали мирные жители (и особенно дети) во многих локальных конфликтах (причём, речь шла также о преступлениях, совершаемых армией и самими США). Это издание показало миру картины насилия в Западной Африке. Американское историческое общество отметило: «Нигерийско-биафрская война представляет собой один из первых случаев в серии глобальных кризисов в эпоху телевидения, когда люди за пределами театра военных действий сталкиваются с существованием тяжелейших человеческих страданий “почти из первых рук”, прежде чем они действительно узнают (если вообще узнают) о проблемах и мотивах участвующих сторон. Короче говоря, эмоции опережают логику» [27].

Примечательно, что в выпуске Time от 21 января 1966 года сообщение о назревающем конфликте в Нигерии соседствовало с обращением президента Линдона Джонсона к нации, в котором он сообщал об обновлении своей внешнеполитической программы на фоне многочисленных внутренних и международных проблем (таких как рост непопулярности Вьетнамской войны, движение за гражданские права и рост надежд на глобальный мирный процесс). Серьёзное дестабилизирующее влияние на общество оказало и убийство Мартина Лютера Кинга – это событие подстегнуло борьбу за права негритянского населения, что, в свою очередь, усиливало резонанс от нигерийского геноцида.

Сталкиваясь со всё большим осуждением своей политики во Вьетнаме американской общественностью, Белый дом остро нуждался в такой поддержке со стороны союзников по НАТО. Ключевым среди них была Великобритания, поэтому, в нигерийском вопросе лица, ответственные за принятие внешнеполитических решений, решили последовать её примеру. Л. Джонсон счёл необходимым поддержать позицию Лондона по сохранению единой Нигерии. Госсекретарь Дин Раск заявил: «Мы рассматриваем Нигерию как часть зоны влияния Великобритании» [18, р. 103]. В самом начале конфликта американские чиновники пресекли волну дипломатического признания Биафры (оказав нажим на зависимые от себя страны) и не препятствовали вооружению Нигерии британцами. «Я действительно не понимаю, как они могли сделать какой-либо иной выбор», – объяснил заместитель госсекретаря Николас Катценбах, критикуя страны, признавшие Биафру и оказывая на них давление с целью прекращения взаимодействия с ней [12]. Как и в британском случае, на

позицию США влиял и нефтяной фактор: после 1960 года в Нигерию пришли американские добывающие компании, составив конкуренцию изначально монопольной Shell-BP.

Белый дом приостановил поставки гуманитарной помощи для жителей Восточной Нигерии, но продолжил их для остальной части федерации. Официально Соединённые Штаты заявили, что не будут поставлять оружие ни одной из сторон гражданской войны. При этом, американские военные академии не прекратили подготовку нигерийских граждан. Администрация Л. Джонсона формально придерживалась политики нейтралитета, но с самого начала её чиновники ясно дали понять, что симпатизируют Нигерии. Как пояснил посол США в Нигерии в июле 1967 года: «Моё правительство признаёт федеральное военное правительство Нигерии. Мы неоднократно заявляли о нашей полной поддержке политической целостности Нигерии. Много раз мы выражали надежду на то, что Нигерия останется единой страной. Это не только официальная позиция, но и мнение американских бизнесменов, занимающихся быстро растущей торговлей между нашими двумя странами» [18, р. 103]. Американские чиновники и дипломаты неизменно подчёркивали, что «биафранский вопрос» – это внутреннее дело Нигерии, и что Организация Африканского единства должна быть ведущим посредником для урегулирования этого конфликта.

Но игнорировать мнение рядовых американских граждан, требующих от своего правительства гуманных действий, было невозможно, поэтому поставки гуманитарной помощи Биафре всё же были возобновлены – посредством некоммерческих организаций и фондов (впрочем, в объёме, явно недостаточном для удовлетворения потребностей голодающих людей). В соответствии с принципами *realpolitik*, политика США, по словам американского чиновника, заключалась в том, чтобы «проявлять показное рвение в оказании помощи, фактически позволяя этим мелким мерзавцам умирать от голода». Уолт Ростоу, советник Л. Джонсона по национальной безопасности, охарактеризовал усилия администрации так: «Мы делаем всё, что можем, а это очень мало» [7]. При этом, вашингтонские чиновники всячески старались преуменьшить масштабы голода. Посольство США в Лагосе даже сообщило посетителям, что биафранские дети с рыжеватыми волосами (характерными для умирающих от дефицита белка) на самом деле являются представителями малоизвестного рыжеволосого племени, которых хитрые биафране заморили голодом и выставили напоказ, чтобы вызвать международное сочувствие [22, р. 117–122].

Надежда на то, что США изменят свою позицию в нигерийском конфликте, появилась во время предвыборной кампании 1968 года. Боровшийся за пост президента Ричард Никсон заявлял о симпатиях к самопровозглашённой республике [7]. Он выражал обеспокоенность голодом в Биафре и даже использовал слово «геноцид». По этому поводу федеральное военное правительство Нигерии 11 января 1969 года даже направило в Соединённые Штаты дипломатическую телеграмму с обвинениями в поддержке сепаратистов.

В ответ Государственный департамент вновь выразил приверженность позиции о поддержке единой Нигерии.

Позиция Р. Никсона как кандидата столкнулась с реальностью ситуации после вступления в должность. По мнению американских аналитиков, пробиафранские симпатии, «похоже, исчезли из памяти президента так же быстро, как и из поля зрения Киссинджера» [7]. После инаугурации он распорядился провести пересмотр политики США по вопросу гражданской войны в Нигерии. Для этого, он попросил своего советника по национальной безопасности Генри Киссинджера провести исследование проблемы. Киссинджер, которого характеризовали как «нужного человека в нужном месте в нужное время» [10] за его способность налаживать связи, подготовил доклад, изложенный в меморандуме от 28 января 1969 года. В этом документе он обрисовал контекст нигерийской гражданской войны с анализом социально-политической ситуации в Нигерии. Г. Киссинджер выражал опасения по поводу перспективы разрыва отношений с федеральным правительством Нигерии в случае признания Биафры, а также опасения по поводу снижения роли британского правительства как посредника в мирных переговорах и рост заинтересованности СССР в поставках оружия Нигерии. Однако признавалось, что самой насущной проблемой является обеспечение голодающего населения Биафры достаточным количеством продовольствия [19, р. 122]. Меморандум отражал растущее давление общественности на правительство. С требованиями поддержать Биафру выступали конгрессмены Кеннеди, Маккарти, Брук, Рассел, Лукенс и Ловенштейн, – те же политики, которые критиковали агрессию США во Вьетнаме. Прочитав доклад, президент позвонил Г. Киссинджеру: «Они собираются дать им умереть от голода, не так ли, Генри?» – спросил он. «Да», – ответил Киссинджер. Президент не считал Африку регионом жизненно важных интересов, а потому отдал Г. Киссинджеру распоряжение: «Давайте оставим негров [госсекретарю] Биллу [Роджерсу], а мы позаботимся об остальном мире» [14, р. 111]. В результате, был сделан вывод о необходимости продолжения предшествовавшего курса, и о том, что победа Нигерии будет «в долгосрочных интересах Соединённых Штатов». И этой позиции США придерживались на протяжении всех трёх лет войны. Впрочем, Г. Киссинджер не был лишён эмоций. Во время одного из брифингов он спросил, как можно отличить игбо от северных нигерийцев. Когда ему сказали, что северяне, как правило, имеют более семитскую внешность, а восточные, прибрежные игбо – более негроидную, он растерялся. «Но вы всегда говорили мне, что игбо более одарены и талантливы, чем другие» [19, р. 131].

Тем временем, телевизионные репортажи о голоде и ужасах войны поступать из Западной Африки не перестали. И после просмотра одного из них Р. Никсон позвонил в Госдепартамент и потребовал, чтобы они прислали помощь и «убрали этих негритянских младенцев со съёмочной площадки» [13]. Чтобы успокоить американскую общественность, президент объявил о назначении специального посла, ответственного за оказание помощи, подчеркнув, что Вашингтон по-прежнему не признаёт Биафру. Примечательно,

что специальный посол, К. Клайд Фергюсон-младший, был чернокожим профессором права из Ратгерского университета. По поводу его кандидатуры Г. Киссинджер спросил: «Как вы думаете, он поймёт дипломатические документы?» [22, р. 120].

К весне 1969 года представители гуманитарных организаций подсчитали, что от голода умер, по меньшей мере, миллион биафран. Американский гуманитарный фонд обратился с просьбой предоставить вертолёты для доставки продовольствия в Биафру. Министерство обороны отклонило это предложение на том основании, что военные нужды в Юго-Восточной Азии (то есть убийства вьетнамских крестьян) более приоритетны, чем обеспечение продовольствием биафран.

Американские эксперты в области здравоохранения пришли к выводу, что биафранам срочно необходимо около 9500 тонн продовольствия в неделю. Нигерийский Красный Крест запрашивал поставку 4200 тонн, но фактически, в неделю поставлялось только 3500 тонн. Половина этого объёма поставлялась из США. Но трудно поверить, что Белый дом не мог сделать больше, например, использовать своё огромное влияние для прекращения огня или добиться международного эмбарго на поставки оружия обеим сторонам. Президент заявлял о нейтралитете в конфликте, но, как отметил сенатор Юджин Маккарти, Соединённые Штаты «были нейтральны только в том, что воздерживались от поставок оружия», в то время как они «официально приняли нигерийское видение ситуации» и использовали своё «влияние для того, чтобы добиться принятия этой точки зрения среди других африканских стран» [17, р. 287–288]. Поддержка единой Нигерии (при том, что единства хотели не все нигерийцы), означала не политический нейтралитет, а принятие одной из сторон. И когда эта сторона морила голодом сотни тысяч людей, стало ясно, что во внешней политике США гуманитарные соображения ничего не значат.

Кроме Великобритании и США, стороной, способной изменить ход событий в Западной Африке, был Советский Союз. Внешнеполитическая стратегия Кремля состояла в моральной и материальной поддержке революционного движения во всём мире. На рубеже 1950-х – 1960-х годов продолжалась волна романтического подъёма, вызванного волной деколонизации. В этот период, для включения в круг стран социалистической ориентации африканским лидерам было достаточно официальных заявлений о приверженности марксизму. Но после ряда неудач (высылки советского посла из Гвинеи в 1961 году, свержения просоветского правительства Кваме Нкрумы в 1966 году и поражения в соперничестве за Конго в 1965 году), выбирать потенциальных союзников Москва стала гораздо осторожнее. СССР продолжал участие в ряде региональных и внутригосударственных конфликтов Азии и Африки. Это, в частности, гражданская война в Йемене, военное присутствие в Сирии и Египте. Значительные усилия требовались для преодоления политических последствий Шестидневной войны 1967 года. Одновременно, возрастало напряжение в отношениях с КНР. Поэтому, открывать ещё один фронт и драматизировать отношения с США администрация Л. И. Брежнева не

была заинтересована. К тому же, с середины 1960-х годов сложились условия для снижения международной конфронтации. Москва и Вашингтон достигли стратегического паритета в ядерных вооружениях, а определённые экономические трудности в обеих сверхдержавах подталкивали их к сотрудничеству. Поэтому, проблема Биафры для СССР была третьестепенной.

С самого начала и до конца нигерийского кризиса Москва заняла позицию поддержки северян. В октябре 1967 года министр иностранных дел Андрей Громыко заявил: «Для Советского Союза выбор с самого начала был ясен, так как было очевидно, что под влиянием некоторых империалистических стран предпринимаются попытки расчленить страну [Нигерию]. Поэтому СССР выразил сочувственное отношение к позиции федерального правительства и оказал ему политическую и иную поддержку» [4, с. 65].

Такой выбор Москвы не был лёгким. В Восточной Нигерии традиционно сильными были позиции Социалистической рабоче-крестьянской партии; именно игбо были инициаторами установления дипломатических отношений Нигерии с СССР; каждый третий обучавшийся в советских вузах студент из Нигерии представлял игбо. И северяне и южане конкурировали за признание и помощь Москвы, что очевидно из ситуации вокруг посла Нигерии в СССР. Изначально им был представитель игбо – Чуквуэмеку Ифегву, лоббировавший интересы Биафры; в августе 1967 года он был отозван, а на его место назначен Джордж Курубо, убеждённый сторонник единой Нигерии.

16 марта Ч. Одумегву-Оджукву направил Председателю Совета министров СССР Алексею Косыгину открытое письмо, в котором описывал страдания народа Биафры и выражал надежду, что сможет рассчитывать на «симпатии и понимание» со стороны Советского Союза «нашей борьбы за безопасность и свободу» [4, с. 65]. Рассмотрев этот документ, 22 мая 1967 года 2-й Африканский отдел МИД СССР подготовил записку касательно ситуации вокруг Нигерии. Советские аналитики возлагали вину за эскалацию насилия на обе стороны: северяне были охарактеризованы как «феодално-помещичьи круги и племенная знать», а южане – как «сепаратисты» и «мятежники». При этом, победа южан казалась более опасной, поскольку контроль над Биафрой могли установить США и Великобритания. Завершался документ рекомендацией: «в обстановке активизации сил реакции и империализма на африканском континенте весьма важным для Нигерии было бы сохранение её единства» [Цит. по: 4, с. 66].

Окончательное решение о советской позиции в отношении независимости Биафры Политбюро ЦК КПСС приняло 29 мая. Соответствующее постановление было коротким: «Согласиться с предложениями МИД СССР, изложенными в записке по Нигерии от 22 мая 1967 г.» [4, с. 66].

В посланиях биафран советским руководителям (в частности, в адресованном ЦК КПСС «меморандуме марксистов Биафры»), ведущим был тезис о противоречии политики Советского Союза в отношении нигерийской проблемы и его образа как главного борца за справедливость в Африке, Азии и Латинской Америке. Авторы писали о том, что поддержка биафран создаст для СССР «сильную и надёжную опору в Африке», поскольку Биафра, где

наличествуют «идеальные условия для создания марксистско-ленинской школы», станет «основой для марксистской деятельности и координации в Африке». Заканчивался документ эмоциональным пассажем о возможности превращения Биафры в форпост социализма в Африке: «Советскому правительству следует понять, что единственный на сегодняшний день живой Ленин родился и живёт в Биафре, а так как он сейчас ещё мал, чтобы к нему прислушивались, то нет никакого сомнения, что в условиях уничтожения биафрийцев реакционной фашистской хунтой в Нигерии ему не будет пощады» [4, с. 68].

Активная информационная деятельность биафран не смогла повлиять на позицию советского руководства, а широкой общественности материалы о массовых убийствах мирных жителей и голоде (т.е. геноциде) в Западной Африке практически не передавались. СССР не только не признал Биафру, но и не занял позицию даже формального нейтралитета. Весьма важной была и военная помощь Кремля федералам. Соответствующее соглашение («О поставке Нигерии на коммерческой основе военной техники (на сумму 3,8 млн рублей) (самолёты и боевые катера) и командировании советских специалистов для обучения нигерийцев эксплуатации поставленной военной техники») в секретных условиях было подписано 29 июля 1967 года в Москве. Советские поставки включили не только самолёты и корабли, но и стрелковое оружие и артиллерию, боеприпасы к ним [2, с 167–188].

Не получив поддержки от правительств великих держав, рассчитывать биафране могли лишь на себя и на тех немногих квалифицированных волонтеров, которых удалось привлечь благодаря вырученным от продажи нефти средствам. На эти же средства были приобретены вооружения, включая авиацию и артиллерию. Собрав хорошо вооружённую мобильную группу, биафране повели наступление на запад вдоль побережья, рассчитывая взять столицу – Лагос. Одновременно, авиация Биафры начала наносить удары по позициям северян. Костяк биафранских военно-воздушных сил составил отряд добровольцев (канадцы, шведы, голландец и француз), сформированный шведским военным лётчиком и авантюристом – графом Карлом Густавом фон Розеном. По заказу биафран он приобрёл и доставил им эскадрилью штурмовиков. В ходе боевых действий отряд уничтожал нигерейскую авиацию (в частности, разбил прямо на аэродроме шесть поставленных из СССР МиГ-17 и Ил-28), громил вражеские военные колонны, доставлял снаряжение и продовольствие окружённым биафранским частям. При поддержке авиации игбо вплотную приблизились к Лагосу, но взять его не смогли. Война перешла в позиционную стадию, а ещё через время северяне (полагаясь на огромное численное превосходство) смогли перейти в наступление по всему фронту. Неся значительные потери, они мстили мирному населению. Защищая игбо, войска Ч. Одумегву-Оджукву дробили свои силы, теряя контроль над крупными городами. Падение Порт-Харкорта окончательно прервало сообщение самопровозглашённой республики с внешним миром, биафране потеряли не только торговлю, но и гуманитарную помощь, подвоз которой Я. Говон запретил

даже Красному Кресту. В руках биафран оставался единственный импровизированный аэродром – участок шоссе между городами Ихиаля и Ули («аэропорт Аннабель»). Эта небольшая полоса асфальта продлила сопротивление биафран на полтора года [20].

В отчаянной попытке собрать и мобилизовать последние остатки сил и обратиться к миру, Ч. Одумегву-Оджукву 1 июня 1969 года издал Ахиарскую декларацию. В ней он рисовал картину непреодолимых трудностей, с которыми столкнулась биафранская нация и идея: «Два долгих года мы вели смертельную борьбу с врагом, непревзойдённым по своей жестокости; два долгих года, беззащитные и слабые, мы без передышки противостояли согласованному нападению решительного противника. Мы сражались в одиночку, мы сражались с честью, мы сражались в лучших традициях христианской цивилизации. Однако сами хранители этой цивилизации и наши бывшие наставники – это те самые чудовища, которые поклялись нас поглотить» [21].

К концу 1969 года республика сжалась до 2000 км², на которых скопилось шесть миллионов человек. Защищала их 70-тысячная армия, ослабленная и истощённая, потерявшая почти всю технику. Для подавления этого анклава Я. Говон при помощи иностранных советников собрал 300-тысячную группировку, оснащённую самым современным оружием. В декабре началось генеральное сражение, и самолёты К. Розена свои последние вылеты совершали уже в прямой видимости федеральных сил.

Наконец, 11 января 1970 года биафране прекратили сопротивление. После капитуляции массовой резни игбо не последовало, но политика Я. Говона привела к тому, что люди продолжали умирать от голода и после окончания боевых действий. Отчасти причина заключалась в отсутствии дисциплины среди нигерийских войск, которые часто реквизировали транспортные средства Красного Креста для вывоза награбленного, но отчасти – в политике правительства Нигерии. Я. Говон объявил, что не позволит доставлять гуманитарную помощь ни одной из организаций, которые предоставляли её сепаратистам во время войны. Главный аэродром Биафры было приказано уничтожить. Тем временем нигерийский военный губернатор, находившийся всего в 60 милях от эпицентра голода, устроил свадебную церемонию с шампанским и молочными поросятами, которые официанты подавали для 500 гостей.

Один из самых процветающих регионов Африки оказался до основания разрушенным, а потери её жителей составили до трёх миллионов человек. Большинство из них погибло от голода и карательных рейдов армии Я. Говона.

Гражданская война в Нигерии 1967–1970 годов (война Нигерии и Биафры) вошла в историю как конфликт, нетипичный для периода Холодной войны. Во время локальных конфликтов второй половины XX века СССР и США поддерживали одну из сторон, опосредованно оказываясь по разные стороны линии фронта. В данном же случае, в силу различных причин, обе сверхдержавы стали на одну сторону, поддержав Лагос. Со стороны СССР такая политика привела к утрате потенциального союзника, которым могла стать Биафра

(особенно с учётом её стратегического положения, образованности местных жителей и их симпатий к социалистическому проекту) и стала одной из причин разразившейся там гуманитарной катастрофы.

Список источников и литературы:

1. История Нигерии в новое и новейшее время / Под ред. Ю. Н. Зотовой, И. В. Следзевского. – М.: Наука, 1981. – 368 с.
2. Мазов С. В. Военная помощь СССР федеральному правительству во время гражданской войны в Нигерии (1967–1970) / С. В. Мазов // Новая и Новейшая история. – 2023. – № 4. – С. 167–188. – URL: <https://nni.jes.su/s013038640027032-3-1>.
3. Мазов С. В. Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967–1970 гг. / С. В. Мазов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – № 2. – С. 372–392.
4. Мазов С. В. СССР и самопровозглашённая Республика Биафра (1967–1970) / С. В. Мазов // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 6. – С. 62–70.
5. 50th Anniversary of Biafra – Full text of proclamation on 30th May 1967 // UNICPress. – URL: <https://unicpress.com/2017/05/30/50th-anniversary-biafra-full-text-proclamation-30th-may-1967.5>
6. Curtis M. How Britain's Labour government facilitated the massacre of Biafrans in Nigeria – to protect its oil interests / M. Curtis // Declassified Media. – 20 April 2020. – URL: <https://www.declassifieduk.org/how-britains-labour-government-facilitated-the-massacre-of-biafrans-in-nigeria-to-protect-its-oil-interests>.
7. Doron R. Foreign policy from candidate to President: Richard Nixon and the lesson of Biafra / R. Doron. – URL: <https://notevenpast.org/foreign-policy-from-candidate-to-president-richard-nixon-and-the-lesson-of-biafra>.
8. Emeagwali P. The Dance of Death / P. Emeagwali // Philip Emeagwali Reports. – URL: https://emeagwali.com/speeches/africa/wars/The_Graves_Are_Not_Yet_Full.pdf.
9. Emerson G. One Nigeria: sings evoke bitterness of war: Lagos citizens are still looking for early peace / G. Emerson // New York Times. – 19 October 1968. – P. 3. – URL: <https://search-proquest-com.eresources.cuyahogalibrary.org/docview/118387745/fulltextPDF/D0DFFA140F5PQ/1/?accountid=3355>.
10. Ferguson N. The Secret to Henry Kissinger's success / N. Ferguson // Politico Magazine. – 20 January 2018. – URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2018/01/20/henry-kissinger-networking-216482>.
11. Garrison L. Broader backing sought by Lagos: advisory group is formed, including Awolowo / L. Garrison // New York Times. – 4 June 1967. – P. 17. – URL: <https://www.nytimes.com/1967/06/04/archives/broader-backing-sought-by-lagos-advisory-group-is-formed-including.html>.

12. Garrison L. Nigeria's East rejects Lagos plan for new states: Federal government attacked in the regional broadcast / L. Garrison // New York Times. – 30 May 1967. – P. 4. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/07/02/business/lloyd-garrison-former-times-correspondent-in-africa-dies-at-83.html>.
13. Gourevitch P. Alms Dealers / P. Gourevitch // The New Yorker. – 4 October, 2010. – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/11/alms-dealers>.
14. Hersh S. M. The price of power: Kissinger in the Nixon White House / S. M. Hersh. – New York: Summit Books, 1983. – 698 p.
15. How Israel supported BOTH Nigeria and Biafra in civil war 'double game' // The Cable. – 2 October 2023. – URL: <https://www.thecable.ng/revealed-how-israel-supported-both-nigeria-and-biafra-in-civil-war-double-game>.
16. Inyang E. E. Echoes of secession: the hero, the rebel, and the rhetoric of might in Nigerian civil war pictorial propaganda / E. E. Inyang // African Studies Quarterly. – 2017. – № 3. – P. 3. – URL: <https://africanstudies.northwestern.edu/docs/publications-research/working-papers/etiido-inyang-2013.pdf>.
17. Jacobs D. The brutality of nations / D. Jacobs. – New York: Knopf, 1987. – 383 p.
18. Korieh C.J. New perspectives on the Nigeria-Biafra war: no victor, no vanquished / C. J. Korieh. – Lanham: Lexington Books, 2021. – 429 p.
19. Morris R. Uncertain greatness: Henry Kissinger and American foreign policy / R. Morris. – New York: Harper & Row, 1977. – 312 p.
20. Nnadi-Oforgu Ch. Remembering Annabelle – the airport at Uli that was once Africa's busiest and deadliest // Oblongmedia. – 25 July 2019 <https://oblongmedia.net/2019/07/25/remembering-annabelle-the-airport-at-uli-that-was-once-africas-busiest-and-deadliest-by-iwedi-ojinmah>.
21. Ojukwu C. O. The Ahiara declaration: the principles of the Biafran revolution / C. O. Ojukwu. – URL: <https://static1.squarespace.com/static/5b7c3f89372b969d1ec81486/t/5c09c9f02b6a2801d817eff7/1544145393670/Ahiara+Declaration+Biafra+1969.pdf>.
22. Shalom S. R. Imperial alibis: rationalizing U.S. intervention after the Cold war / S. R. Shalom. – Boston: South End Press, 1993. – 292 p.
23. Stremmlau J. J. The International politics of the Nigerian civil war, 1967–1970 / J. J. Stremmlau. – New Jersey: Princeton University Press, 1977. – 425 p.
24. Text of the Statement by General Ojukwu on the situation in defeated Biafra // New York Times. – 16 January 1970. – P. 12. – URL: <https://www.nytimes.com/1970/01/16/archives/text-of-the-statement-by-general-ujukwu-on-the-situation-in.html>.
25. The situation in Nigeria 1966 // Central Intelligence Agency. – Directorate of Intelligence. – July 2004. – URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79T00826A001300010012-8.pdf>.
26. Urbane Secessionist Chukwuemeka Odumegwu Ojukwu. Special to the New York Times // New York Times. – 31 May 1967. – P. 14. – URL:

<https://www.nytimes.com/1967/05/31/archives/urbane-secessionist-chukuemeka-odumegwu-ujukwu.html>.

27. Why study about Biafra? // American Historical Society. – URL: <https://www.historians.org/teaching-and-learning/teaching-resources-for-historians/teaching-and-learning-in-the-digital-age/through-the-lens-of-history-biafra-nigeria-the-west-and-the-world/why-stude-about-biafra>.

REFERENCES

1. Zotova Yu. N., Sledzevsky I. V. (1981) Ed. by. History of Nigeria in Modern and Contemporary Times. Moscow: Nauka, 1981. 368 p. (In Russian).

2. Mazov S. V. (2023) [Military Aid from the USSR to the Federal Government During the Civil War in Nigeria (1967–1970)] Modern and Contemporary History. 4. Pp. 167–188. – URL: <https://nni.jes.su/s013038640027032-3-1>. (In Russian).

3. Mazov S. V. [The Peacekeeping Role of the Organization of African Unity during the Civil War in Nigeria in 1967–1970] Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023. Vol. 23. № 2. P. 372–392. (In Russian).

4. Mazov S. V. (2021) [The USSR and the self-proclaimed Republic of Biafra (1967–1970)] Asia and Africa Today. 6. P. 62–70. (In Russian).

5. 50th Anniversary of Biafra. Full text of proclamation on 30th May 1967 // UNICPress. URL: <https://unicpress.com/2017/05/30/50th-anniversary-biafra-full-text-proclamation-30th-may-1967>. (In English).

6. Curtis M. How Britain's Labour government facilitated the massacre of Biafrans in Nigeria – to protect its oil interests / M. Curtis // Declassified Media. – 20 April 2020. – URL: <https://www.declassifieduk.org/how-britains-labour-government-facilitated-the-massacre-of-biafrans-in-nigeria-to-protect-its-oil-interests>. (In English).

7. Doron R. Foreign policy from candidate to President: Richard Nixon and the lesson of Biafra. URL: <https://notevenpast.org/foreign-policy-from-candidate-to-president-richard-nixon-and-the-lesson-of-biafra>. (In English).

8. Emeagwali P. The Dance of Death // Philip Emeagwali Reports. – URL: https://emeagwali.com/speeches/africa/wars/The_Graves_Are_Not_Yet_Full.pdf. (In English).

9. Emerson G. (1968) One Nigeria: sings evoke bitterness of war: Lagos citizens are still looking for early peace / G. Emerson // New York Times. – 19 October 1968. – P. 3. – URL: <https://search-proquest-com.eresources.cuyahogalibrary.org/docview/118387745/fulltextPDF/D0DFFA140F5PQ/1/?accountid=3355>. (In English).

10. Ferguson N. (2018) The Secret to Henry Kissinger's success / N. Ferguson // Politico Magazine. – 20 January 2018. – URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2018/01/20/henry-kissinger-networking-216482>. (In English).

11. Garrison L. (1967) Broader backing sought by Lagos: advisory group is formed, including Awolowo / L. Garrison // New York Times. – 4 June 1967. – P. 17.

– URL: <https://www.nytimes.com/1967/06/04/archives/broader-backing-sought-by-lagos-advisory-group-is-formed-including.html>. (In English).

12. Garrison L. (1967) Nigeria's East rejects Lagos plan for new states: Federal government attached in the regional broadcast / L. Garrison // New York Times. – 30 May 1967. – P. 4. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/07/02/business/lloyd-garrison-former-times-correspondent-in-africa-dies-at-83.html>. (In English).

13. Gourevitch P. Alms Dealers // The New Yorker. – 4 October, 2010. – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/11/alms-dealers>. (In English).

14. Hersh S. M. (1983) The price of power: Kissinger in the Nixon White House / S. M. Hersh. – New York: Summit Books, 1983. – 698 p. (In English).

15. How Israel supported BOTH Nigeria and Biafra in civil war 'double game' // The Cable. – 2 October 2023. – URL: <https://www.thecable.ng/revealed-how-israel-supported-both-nigeria-and-biafra-in-civil-war-double-game>. (In English).

16. Inyang E. E. (2017) Echoes of secession: the hero, the rebel, and the rhetoric of might in Nigerian civil war pictorial propaganda / E. E. Inyang // African Studies Quarterly. – 2017. – № 3. – P. 3. – URL: <https://africanstudies.northwestern.edu/docs/publications-research/working-papers/etiido-inyang-2013.pdf>. (In English).

17. Jacobs D. (1987) The brutality of nations / D. Jacobs. – New York: Knopf, 1987. – 383 p. (In English).

18. Korieh C. J. (2021) New perspectives on the Nigeria-Biafra war: no victor, no vanquished / C. J. Korieh. – Lanham: Lexington Books, 2021. – 429 p.

19. Morris R. (1977) Uncertain greatness: Henry Kissinger and American foreign policy / R. Morris. – New York: Harper & Row, 1977. – 312 p. (In English).

20. Ojukwu C. O. The Ahiara declaration: the principles of the Biafran revolution / C. O. Ojukwu. – URL: <https://static1.squarespace.com/static/5b7c3f89372b969d1ec81486/t/5c09c9f02b6a2801d817eff7/1544145393670/Ahiara+Declaration+Biafra+1969.pdf>. (In English).

21. Nnadi-Oforgu Ch. Remembering Annabelle – the airport at Uli that was once Africa's busiest and deadliest // Oblongmedia. – 25 July 2019 <https://oblongmedia.net/2019/07/25/remembering-annabelle-the-airport-at-uli-that-was-once-africas-busiest-and-deadliest-by-iwedi-ojinmah>. (In English).

22. Shalom S. R. (1993) Imperial alibis: rationalizing U.S. intervention after the Cold war / S. R. Shalom. – Boston: South End Press, 1993. – 292 p. (In English).

23. Stremmlau J. J. (1977) The International politics of the Nigerian civil war, 1967–1970 / J. J. Stremmlau. – New Jersey: Princeton University Press, 1977. – 425 p. (In English).

24. Text of the Statement by General Ojukwu on the situation in defeated Biafra (1970) // New York Times. – 16 January 1970. – P. 12. – URL: <https://www.nytimes.com/1970/01/16/archives/text-of-the-statement-by-general-ujukwu-on-the-situation-in.html>. (In English).

25. The situation in Nigeria 1966 // Central Intelligence Agency. – Directorate of Intelligence. – July 2004. – URL:

<https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79T00826A001300010012-8.pdf>. (In English).

26. Urbane Secessionist Chukwuemeka Odumegwu Ojukwu. Special to the New York Times (1967) // New York Times. – 31 May 1967. – P. 14. – URL: <https://www.nytimes.com/1967/05/31/archives/urbane-secessionist-chukuemeka-odumegwu-ojukwu.html>. (In English).

27. Why study about Biafra? // American Historical Society. – URL: <https://www.historians.org/teaching-and-learning/teaching-resources-for-historians/teaching-and-learning-in-the-digital-age/through-the-lens-of-history-biafra-nigeria-the-west-and-the-world/why-stude-about-biafra>. (In English).

Данные автора статьи

Крысенко Дмитрий Сергеевич	Krysenko Dmitryi Sergeevich
-----------------------------------	------------------------------------

УДК 327.51+327.56¹
DOI: 10.5281/zenodo.23023382
EDN: GXYMPJ

М.М. Кухтин

кандидат политических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

Е.В. Кузнецова

кандидат политических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: eku16@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МНОГОПОЛЯРНОЙ МОДЕЛИ МИРОУСТРОЙСТВА

Аннотация

Статья посвящена анализу альтернативных моделей многополярности. Неустранимые противоречия и историческая ограниченность глобального неолиберального проекта были выявлены предшествующим ходом мирового развития. Однако ключевые центры силы так и не смогли прийти к консенсусу относительно новой архитектуры международной безопасности, ее ценностных и технических измерений. Тем не менее, существующие подходы в ряде важных отношений скорее дополняют друг друга. Выводы статьи могут представлять интерес в контексте актуальных международно-политических дискуссий.

Ключевые слова: многополярность, глобализация, империализм, стратегия и дипломатия, российская внешняя политика.

Summary

The article is devoted to the analysis of alternative models of multipolarity. The irremediable contradictions and historical limitations of the global neoliberal project have been sufficiently revealed by the previous course of global development. However, the key centers of power have not been able to reach a consensus on the new architecture of international security, its value and technical dimensions. Nevertheless, the existing approaches rather complement each other in a number of important respects. The conclusions of the article may be of interest in the context of current discussions of international politics.

Keywords: multipolarity, globalization, imperialism, strategy and diplomacy, Russian foreign policy.

Первая четверть XXI века была временем становления многополярного миропорядка. Достаточно ожидаемо, новая система международных отношений кристаллизовалась в череде кризисов, оформлявших поэтапный демонтаж старых политических и экономических механизмов, которые уже не могли справиться с накопленными общественными противоречиями. История рассматриваемого периода структурирована несколькими рубежными датами, среди которых следует особо отметить 2001, 2008, 2014 и 2022 гг. Каждая из них была отмечена событиями, высвечивавшими все новые теневые стороны глобального неолиберального проекта. Однако международно-политические инициативы, альтернативные западному гегемонизму, далеко не сразу были подкреплены достаточным военным и экономическим потенциалом, что и обусловило существенное запаздывание их реализации. В результате межгосударственные отношения больше двух десятилетий развивались в условиях частичного вакуума глобального управления, когда старые правила уже не работали, а новые еще не получили всеобщего признания. Неизбежный в таких обстоятельствах дефицит проектности и сюжетности сказывался на качестве принимаемых решений. Выбранная тема исследования представляется актуальной, поскольку описанный переходный период мирового развития еще далек от завершения, соответственно, идея многополярности продолжает получать в современной научной литературе самые разнообразные интерпретации, отражающие как мировоззрение и методологию конкретных авторов, так и геополитические интересы крупных глобальных игроков. Целесообразно составить когнитивную карту данного проблемного поля, которая облегчит дальнейшую разработку релевантных теоретических и практических вопросов. Новизна исследования обусловлена незавершенностью самих изучаемых процессов, а также привлечением актуальных источников, еще не получивших исчерпывающего истолкования в отечественной и зарубежной комментаторской традиции.

Теоретическое значение статьи обусловлено тем, что в ней теории многополярности рассматриваются как относительно целостная, хотя и отличающаяся большим разнообразием мнений исследовательская область, обладающая собственной структурой и динамикой. С одной стороны, в ней можно выделить центральные и периферийные подходы, магистральные направления поиска, прочертить границы между основными теоретическими школами, выявить «серые зоны» и концептуальные пересечения. С другой, можно говорить об истории научного осмысления многополярности, в которой следует выделить ряд рубежных дат, отмеченных сменой господствующей парадигмы после концептуальных или методологических дискуссий. Описанные закономерности давно выявлены на материале теории международных отношений, и их воспроизводство в отдельных ее подсистемах выглядит совершенно естественным, однако частные случаи, подобные упомянутому, еще не получили полного освещения в специальной литературе. Практическое значение работы в немалой степени связано с преподаванием релевантных

дисциплин в высшей школе. Кроме того, ее выводы могут быть использованы для дальнейшего формального и содержательного уточнения основных категорий российской внешней политики.

Объектом исследования являются современные теории многополярного мира, предметом – их практическое значение в мировом политическом процессе.

Хронологические рамки исследования охватывают постбиполярную эпоху в истории международных отношений. Ее можно условно разделить на пять периодов. В 1991-2001 гг. господствовала квазиоднополярная модель мироустройства и шла постепенная кристаллизация социальных сил, призванных сыграть ключевую роль в ее последующем демонтаже. Затем следуют два этапа кризиса глобального неолиберального проекта, которые можно в первом приближении обозначить как латентный (до 2008 г.) и явный (до 2014 г.). Следующие восемь лет были отмечены относительно плавным нарастанием борьбы за право определять контуры нового миропорядка. В 2022 г. ее интенсивность резко возросла, что обусловило новую смену международно-политических эпох. Географический охват статьи имеет планетарный масштаб, что напрямую обусловлено спецификой заявленной темы.

Цель исследования – проанализировать актуальные интерпретации многополярности, приняв во внимание их структурные особенности, социокультурные контексты и практическое значение.

Степень изученности заявленной темы оставляет неоднозначное впечатление. С одной стороны, сегодня исследования многополярности крайне популярны в отечественной науке, немало внимания им уделяется и за рубежом. Таким образом, авторы обзорных работ не испытывают недостатка в исходном материале. Однако серьезными препятствиями являются как раз огромный объем соответствующих источников и отсутствие эффективных аналитических инструментов, которые позволили бы привести их в систему, придать им компактную, обозримую форму. Очевидно, что разнообразие подходов к теме должно так или иначе коррелировать со структурой самого проблемного поля, однако на данный момент последняя прояснена далеко не полностью. Это связано как с известными пробелами в научном познании, так и с незавершенностью изучаемых процессов и сохраняющейся размытостью их институционального оформления. Хотя консолидация зрелой многополярности вышла на новый уровень в 2022 г., новому миропорядку еще предстоит пройти через ряд точек бифуркации, учитывая наблюдаемое нарастание глобальной геополитической турбулентности. Таким образом, в ближайшие годы будут испытаны новые стратегические конфигурации, которым соответствуют весьма несходные варианты институционального дизайна. Детально предсказать ход событий не представляется возможным, однако это не мешает обосновать ряд общих рабочих гипотез, что и будет сделано ниже.

В статье использованы работы отечественных и зарубежных политологов, освещающие перспективные направления развития международной системы. Каждый теоретик рассматривает многополярность через призму конкретной изучаемой проблемы. А. Д. Богатуров [1] использует типологию международных

систем как инструмент своеобразного риск-менеджмента: она может подсказать пути выхода из текущего глобального кризиса, обеспечив более глубокое понимание актуальных приоритетов российской внешней политики. Ф. Мельничук [2] также применяет типологический подход, рассматривая насущные геостратегические проблемы в широком историческом контексте. Реализуя во многом сходную исследовательскую программу, И. Н. Тимофеев [3] ищет скрытые резервы современного миропорядка, которые могли бы помочь отдельным странам сопротивляться американскому силовому диктату. Асимметричные стратегии противодействия гегемонизму вообще играют важную роль в генезисе более справедливой международной системы. Здесь весьма полезным может оказаться научное наследие Р. Гилпина [4] и П. Ханна [5], которые глубоко проанализировали исторические судьбы обобщенных империй, причины их расцвета и упадка. Как учит прошлый опыт, переход к новой модели глобального управления не может обойтись без целого ряда трудностей, имеющих как принципиальный, так и чисто технический характер. Осознание данного факта породило самостоятельное плодотворное направление исследований. Так, катарский эксперт Я. Зубир [6] рассматривает текущую трансформацию международных отношений, обращая особое внимание на во многом определяющие их структуру конфликты и кризисы, а также на актуальные проблемы политической легитимности. Стремясь найти ответы на перечисленные вызовы, Р. Д. Гребнев [7] и М. М. Лебедева [8] подробно изучают процессы регионализации мировой политики в их стратегическом и институциональном аспектах.

После окончания «холодной войны» многополярная модель мироустройства стала закономерной реакцией на западные гегемонистские устремления, шедшие вразрез с общечеловеческими интересами и уже не встречавшие отпора со стороны мировой системы социализма. Американские администрации У. Клинтона и Д. Буша-младшего создали не только несправедливую, но и нестабильную международную конфигурацию, которая не поддавалась конструктивному реформированию и не могла парировать угрозы своему собственному существованию, включая неконтролируемое нарастание геополитической и геоэкономической турбулентности. Разные аспекты прогрессирующей эрозии Pax Americana многократно становились предметом пристального внимания ученых. Так, современный бразильский исследователь Ф. Мельничук отмечает в данной связи: «Поскольку «однополярность» подразумевает установление иерархии в системе, которая по определению является анархической, реалисты предполагают естественную реакцию на это, приводящую к биполярности или многополярности. Следовательно, однополярность, если она возможна, всегда будет не более чем «моментом» [2]. Таким образом, плюрализм реальных (а не только формальных) суверенитетов, подкрепленных сопоставимыми геополитическими потенциалами, можно рассматривать как естественное состояние международных отношений. Следовательно, асимметричную глобальную структуру, подчиненную единоличному гегемону, нужно считать преходящим отклонением от данной

нормы (разумеется, кроме тех случаев, когда она вообще оказывается пустой интеллектуальной игрой, эфемерной гипотезой). В данном контексте возникают закономерные вопросы, весьма важные в методологическом и мировоззренческом отношениях. Выше была озвучена как структурная, так и моральная критика западного глобализма. Как данные точки зрения и линии аргументации соотносятся между собой? Что может обеспечить их синтез и, таким образом, привести исследователя к более полной и взвешенной оценке изучаемых явлений? И, наконец, при каких условиях отрицательная моральная оценка общественного явления может служить научно приемлемым доводом против него? Советский философ Э. В. Ильенков предложил свою интерпретацию данной проблематики. «В виде противоречия факта нашему чувству (эстетическим или нравственным установкам нашей личности) мы констатируем на самом деле нечто иное, а именно – противоречие между двумя фактами» [9, с. 270]. Иными словами, жизненный уклад, неспособный разрешить собственные объективные противоречия, неизбежно порождает формы сознания, высвечивающие его функциональную и историческую ограниченность, бессилие перед вызовами, уже порожденными имманентной логикой общественного развития. Более того, эстетические и моральные оценки могут служить косвенным выражением своеобразного приговора, который будущее уже вынесло настоящему. Следовательно, два способа полемики с западным глобализмом воплощают два тесно взаимосвязанных аспекта единой проблемы, органично соединяющей актуальные уроки истории с текущей всемирной повесткой. Такое важное социальное явление, как кризис гегемонии, неоднократно исследовалось в политических науках. Классический статус приобрела трактовка вопроса, предложенная видным представителем неореализма Р. Гилпином. Когда общество достигает пределов экспансии, его экономическое положение начинает постепенно, но неуклонно ухудшаться. Производственные издержки и оборонные расходы растут, а норма прибыли, напротив, снижается. Диффузия технологий (в широком смысле слова, включая разнообразные экономические и организационные инновации) лишает великую державу ее преимуществ, в то время как другие страны, свободные от «имперского бремени», наращивают свой потенциал. В итоге перераспределение власти нарушает привычное равновесие системы [4, с. 185].

Необходимо отметить, что любая национальная школа международных исследований, обладая относительным ценностным и методологическим единством, дает весьма неоднородную картину в сфере политического прогнозирования. Это обусловлено не столько мировоззренческими разногласиями между ее различными течениями, сколько принципиальной неопределенностью будущего. При этом довольно часто несколько футурологических сценариев имеют сопоставимые вероятности, модификация которых лишь в малой степени зависит от субъекта планирования. Соответственно, он должен готовиться к разным вариантам развития событий, которые не всегда делятся на лучшие и худшие, но неизменно требуют от него способности гибко реагировать на меняющиеся обстоятельства и оперативно

обрабатывать новую информацию. Сказанное имеет прямое отношение к альтернативным теориям формирующегося миропорядка. Так, характеризуя основные текущие тенденции глобального развития, российский политолог А. Д. Богатуров отмечает: «Трехполюсный и многополярный мир отражают взгляды высшего российского руководства на международную систему и помогают осуществить внешнеполитические установки России» [1]. Само по себе выделение трехполюсной модели как самостоятельной классификационной единицы является достаточно привычной практикой в современных международных исследованиях, однако обращает на себя внимание весьма нетривиальное конкретно-историческое содержание, которым ученый наполняет данную схему. Вершинами одного геополитического треугольника ожидаемо являются Россия, Китай и страдающий от внутренних противоречий Запад, а в другом место последнего занимает Индия [1].

Такой подход открывает совершенно новые возможности дипломатического и стратегического моделирования. По сути, сегодня борьба против западного гегемонизма во многом сводится к вопросу о новом составе «большой тройки» великих держав. В 1945 г. политическая архитектура нового миропорядка определялась на советско-американо-британских переговорах. В 2000-х гг. постепенно обретала конкретные черты глобальная силовая конфигурация «Москва-Пекин-Вашингтон». В современных условиях дальнейший кризис западного влияния открывает новые перспективы для лидеров таких международных форумов, как БРИКС и ШОС. Стимулы для трансформации глобальной политической архитектуры также достаточно очевидны. Любой международный порядок, при котором узкая группа акторов устанавливает правила игры для себя и для всех остальных, чреват серьезными противоречиями. В нем трудно обеспечить равное уважение к независимости и суверенитету всех государств мира, гарантировать сбалансированное соблюдение личных и коллективных прав в масштабах планеты. Разумеется, и многополярная система международных отношений предусматривает привилегированное положение великих держав, довольно свободно распоряжающихся в своих сферах влияния и недостаточно мотивированных учитывать интересы более слабых игроков. Кроме того, при таком миропорядке возможны разные подходы к проблеме самоопределения наций, которые можно условно связать с именами Гарибальди, Бисмарка, Вильсона и Ленина. Самые влиятельные акторы, конечно же, будут поддерживать наиболее выгодную для них трактовку рассматриваемого вопроса.

И все же многополярность имеет ряд неоспоримых преимуществ перед своими альтернативами. Она неизбежно сопряжена с трендом регионализации, который помогает уравновесить отрицательные последствия западного глобализма и усилить роль цивилизационного фактора в международных отношениях. Страны региона, подчиняющиеся лидерству великой державы, часто разделяют с ней религиозные и этнографические маркеры, исторические воспоминания и ментальные особенности. В таком случае ее доминирование, как правило, не воспринимается их населением как внешнее принуждение,

торжество отчужденных сил, а общие нормы и ценности облегчают мирное и конструктивное разрешение конфликтов между разноуровневыми игроками. Далее, полицентризм первого эшелона мировой политики дает второстепенным акторам пространство для маневра. Он позволяет им отстаивать свои интересы, примыкая к той из нескольких конкурирующих обобщенных империй, которая предлагает наилучшие условия. При наличии жизнеспособных альтернатив региональный лидер не может считать лояльность младших союзников чем-то раз и навсегда данным, ее необходимо поддерживать конкретными действиями. Данный механизм хорошо описан известным политологом П. Ханной в книге «Второй мир» [5, с. 4-5]. Таким образом, многополярная модель выражает требование подлинной демократизации международных отношений с учетом современных конкретно-исторических условий, тем самым делая важный вклад в укрепление мировой безопасности, глобальное и региональное развитие. В сходном контексте российский ученый И. Н. Тимофеев отмечает: «В мире насчитывается порядка двухсот национальных государств. И у подавляющего большинства ответить пропорционально силой на силу не получится. Баланс сил остается роскошью лишь для узкой группы стран. Но именно они определяют нерв мировой политики» [3].

Человечеству необходима глобальная военно-политическая архитектура, по крайней мере, вводящая «право сильного» в разумные пределы. Исследователи многополярности должны искать ее оптимальные параметры и указывать наилучшие пути к ее созданию. Здесь необходимо помнить о потенциале априорного международно-политического моделирования и его неизбежных ограничениях. Будущее всегда таит в себе качественно новые явления, не допускающие прямых аналогий с прошлым и настоящим. Соответственно, теория международных отношений имеет право на предположения, не освещенные предшествующим опытом, но могущие вступать с ним в разнообразные логические связи, пусть даже только косвенные. Более того, исследователь не может вполне избежать таких гипотетических построений, поскольку сама природа дисциплины требует объяснительных моделей, способных порождать обоснованные прогнозы и рекомендации. С другой стороны, необходимо последовательно отсеивать оторванные от реальной практики концептуальные структуры и учитывать феномен самоподтверждающихся пророчеств а также неизбежные идеологические контексты прикладного политического анализа.

Текущий всемирно-исторический этап обладает рядом уникальных черт. Наблюдаемая геополитическая турбулентность таит в себе как риски, так и возможности: постепенный демонтаж старого международного режима позволяет реализовать на практике альтернативные политические механизмы, которые ранее были ограничены сферой чистой теории. По мнению катарского эксперта Я. Зубира, «основные постулаты эпохи после окончания холодной войны – главенство США, либеральный универсализм и благоприятная глобализация – больше не актуальны. Мир вступает на неизведанную территорию, где глобальная политика, вероятно, будет более спорной,

плюралистичной и неопределённой, чем когда-либо с 1945 года» [6]. Недавние исторические события показали, что новый миропорядок должен исключать односторонний диктат какого-то одного центра силы и одновременно обеспечивать баланс между интересами глобального и регионального развития. Оптимальный путь к реализации данных приоритетов пока не найден, однако не вызывает сомнений, что российская дипломатия будет играть выдающуюся роль в соответствующих международно-политических процессах.

В Концепции внешней политики Российской Федерации дана следующая характеристика современного международного положения: «Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира. Необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров» [10]. Перечисленные тенденции имеют как сугубо объективную, так и проектную составляющую. Несостоятельность квазиоднополярной модели породила стихийный полицентризм как неизбежный ответ на неолиберальные злоупотребления. Однако сейчас требуются весьма нетривиальные решения, чтобы по возможности перенаправить энергию разнонаправленных преобразований на укрепление новой глобальной архитектуры безопасности. В ближайшие годы вероятно появление новых многосторонних инициатив, нацеленных на дальнейшую институционализацию конструктивных международно-политических трендов. Одним из перспективных направлений в данной сфере является углубляющаяся кооперация стран глобального Востока и Юга, в которой возрастает удельный вес российского фактора. «В последние годы экономические рамки становятся всё более тесными для БРИКС, что влечёт за собой стремление к активному участию в решении политических вопросов» [8, с. 78]. Отмеченные явления международной жизни в значительной мере способствуют преодолению тяжелого наследия прошлого, приближая окончательную консолидацию более сбалансированного миропорядка. Движущим механизмом перемен является постепенное перераспределение военных, экономических и технологических потенциалов в пользу незападных центров силы, сопряженное с укреплением их культурной идентичности. Регионализация международных отношений, включая геополитическое оформление локальных цивилизаций в полноценные «большие пространства», играет ключевую роль в современной мировой политике [7, с. 86].

Проведенный анализ показал, что в зеркале исследований многополярности отражается практически вся актуальная проблематика современных теорий международных отношений. Типология акторов мировой политики, интеграция и фрагментация как ее ключевые тренды, ее институциональный дизайн, международные экономические режимы – все перечисленные научные темы так или иначе разрабатываются в рамках существующих альтернатив западному гегемонизму. В конечном итоге любая

основательная теория многополярности неявно опирается на определенную трактовку ключевых вопросов политической, социальной и моральной философии. С другой стороны, в чисто прикладном измерении, применительно к практическим потребностям стратегии и дипломатии, она может быть эффективно сведена к компактному набору четких критериев (количество полюсов, распределение возможностей между ними, система их отношений и связей). Изучение заявленной темы представляется весьма продуктивным не только для углубленного понимания глобального развития и национальных внешнеполитических стратегий. От ее комплексной разработки во многом зависит разрешение фундаментальных содержательных и методологических вопросов современных международных исследований. Изложенные выше тезисы могут послужить отправной точкой для поступательного движения к такому концептуальному синтезу. Международные отношения представляют собой сверхсложный объект исследования, для которого все еще не разработаны вполне надежные и прозрачные приемы формализации и моделирования. Они могут быть отточены только при решении конкретных проблем, наглядно и концентрированно выражающих движущие противоречия научного познания. Многополярность, несомненно, занимает одно из первых мест в данном ряду.

Список источников и литературы:

1. Богатуров А. Д. Многополярная или трехполюсная? / А. Д. Богатуров // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/blogs/aleksei-bogaturov/36854/?sphrase_id=280649475 (дата обращения: 02.02.2026).
2. Мельничук Ф. Укрощение новых полярностей / Ф. Мельничук // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ukroshhenie-melnichuk/> (дата обращения: 31.01.2026).
3. Тимофеев И. Н. Что противопоставить силе? Три модели / И. Н. Тимофеев // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-protivopostavit-sile-tri-modeli/?sphrase_id=280649475 (дата обращения: 02.02.2026).
4. Gilpin R. War and change in world politics / R. Gilpin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 272 p.
5. Ханна П. Второй мир / П. Ханна. – М.: Европа, 2010. – 616 с.
6. Зубир Я. Постепенные изменения или системная революция? / Я. Зубир // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izmeneniya-revolycziya-zubir/> (дата обращения: 20.03.2026).
7. Гребнев Р. Д. Теоретические и методологические аспекты регионализации многополярного мира / Р. Д. Гребнев // Век глобализации. – 2023. – № 3(47). – С. 78-89.

8. Лебедева М. М. БРИКС в трансформирующейся политической организации мира / М. М. Лебедева // Вестник МГИМО. – 2025. – № 18(4). – С. 66-84.

9. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 319 с.

10. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.02.2026).

REFERENCES:

1. Bogaturov, A.D. (2026) Multipolar or tripolar? *The Russian Council on International Affairs*. Retrieved from: https://russiancouncil.ru/blogs/aleksei-bogaturov/36854/?sphrase_id=280649475 (date of application: 02.02.2026). (In Russian).

2. Mielniczuk, F. (2025) Taming the new polarities. *Rossiya v global'noj politike = Russia in global politics*. Retrieved from: <https://globalaffairs.ru/articles/ukroshhenie-melnichuk/> (date of application: 31.01.2026). (In Russian).

3. Timofeev, I.N. (2026) What can be opposed to force? Three models. *The Russian Council on International Affairs*. Retrieved from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-protivopostavit-sile-tri-modeli/?sphrase_id=280649475 (date of application: 02.02.2026). (In Russian).

4. Gilpin, R. (2009) *War and change in world politics*. Cambridge : Cambridge University Press. 272 p. (In English).

5. Khanna, P. (2010) *The Second World*. Moscow : Europe. 616 p. (In Russian).

6. Zoubir, Ya. (2025) Gradual change or a systemic revolution? *Rossiya v global'noj politike = Russia in global politics*. Retrieved from: <https://globalaffairs.ru/articles/izmeneniya-revoljucziya-zubir/> (date of application: 20.03.2026). (In Russian).

7. Grebnev, R.D. (2023) Theoretical and methodological aspects of the regionalization of the multipolar world. *Vek globalizacii = The age of globalization*. 3 (47), 78–89. (In Russian).

8. Lebedeva, M.M. (2025) BRICS in the transforming political structure of the world. *Vestnik MGIMO = MGIMO Review of International Relations*. 18 (4), 66–84. (In Russian).

9. Ilyenkov, E.V. (1968) *On idols and ideals*. Moscow : Publishing House of Political Literature. 319 p. (In Russian).

10. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2023) *The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 229, March 31, 2023*. Retrieved from: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (date of application: 16.02.2026). (In Russian).

Данные авторов статьи

Кузнецова Елена Владимировна ORCID 0000-0002-1456-2456	Kuznetsova Elena Vladimirovna
Кухтин Михаил Михайлович ORCID 0009-0008-2929-642X	Kukhtin Mikhail Mikhailovich

УДК 327-057.54(477)

DOI: 10.5281/zenodo.23023401

EDN: GZZQEP

О.В. Онопко

кандидат политических наук, старший научный сотрудник

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: o.onopko@donnu.ru

ЭКСПЕРТНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2014–2026 ГГ.)

Аннотация

На примере Национального института стратегических исследований автором проанализированы ключевые представления и каналы влияния украинской внешнеполитической экспертизы на стратегическую культуру внешней политики страны. С использованием теоретического подхода, основанного на теориях эпистемных сообществ П. Хааса, критической геополитики Дж. О'Тоала и стратегической культуры А. Джонстона, доказано, что украинские эксперты являются носителями и проводниками стратегической культуры, ориентированной на мифологизированное восприятие России, реалистский подход к вопросам военного противодействия ей, активное использование против неё гибридных, в т. ч. символических и террористических методов.

Ключевые слова: *внешняя политика Украины, внешнеполитическая экспертиза, стратегическая культура.*

Summary

Using the National Institute for Strategic Studies as a case study, the author analyzes key images and channels of influence of Ukrainian foreign policy expert community on the strategic culture of the Ukraine's foreign policy. Using a theoretical approach based on P.M. Haas's theory of epistemic communities, G. O' Tuathail's critical geopolitics, and A. Johnston's strategic culture, it is demonstrated that Ukrainian experts are the bearers and conductors of a strategic culture oriented toward a mythologized perception of Russia, a realistic approach to military counteraction, and the active use of hybrid methods, including symbolic and terrorist ones, against it.

Keywords: *Ukrainian foreign policy, foreign policy expertise, strategic culture.*

В условиях полномасштабного вооружённого конфликта между Украиной и Россией обеспечению национальной безопасности и обороноспособности нашего государства будет содействовать максимально глубокое, целостное и научно обоснованное понимание стратегической культуры противника – «системы символов, закрепляющей долгосрочные стратегические установки, формирующей представления о месте и возможностях вооружённых сил в международных отношениях и окружающей эти представления таким ореолом неоспоримой истины, что избранные стратегии воспринимаются как единственно возможные и эффективные» [1, с. 46].

Значимое место в ряду акторов, влияющих на стратегическую культуру Украины, занимают эксперты и экспертные структуры (аналитические центры, научно-исследовательские институты, консалтинговые компании и др.), в фокусе внимания которых находятся вопросы международных отношений, внешней и военной политики, политики безопасности. Действуя в тесном взаимодействии с украинскими государственными органами и должностными лицами, они задействованы в выработке, принятии и реализации властями внешнеполитических решений, а также содействуют их последующей легитимации. При этом особое значение имеет деятельность Национального института стратегических исследований (далее – НИСИ), который «является базовым научно-исследовательским учреждением научно-аналитического сопровождения деятельности президента Украины, Совета национальной безопасности и обороны Украины» [2] (далее – СНБО).

В современной политической науке вопросами стратегической культуры Украины вполне закономерно занимаются преимущественно украинские политологи – О. Брусиловская, А. Гороховская, А. Гриценко, Н. Капитоненко, И. Коваль, О. Резникова, Е. Саранчук и др. Среди их работ следует выделить коллективную монографию «Стратегическая культура и внешняя политика Украины» [3], увидевшую свет в 2017 г. В ней авторы, анализируя различные направления внешней политики Украины, приходят к выводу, что её стратегическая культура якобы имеет ярко выраженные «феминные» черты (пассивность, поиск сильного покровителя, опора на дипломатию, а не на «жёсткую силу»), которые привели к отказу от ядерного оружия и «иллюзиям безопасности», связанным с Будапештским меморандумом. Также заслуживает внимания статья сотрудников НИСИ и Национального университета обороны им. И. Черняховского, в которой отмечается, что в 2014–2024 гг. под влиянием внешних факторов произошла трансформация стратегической культуры Украины: от «пассивной» к «проактивной». В качестве примера последней приводится диверсионно-террористическая операция ВСУ в Курской области в августе 2024 г. [4]. Среди западных исследователей вопросов стратегической культуры Украины касаются в своих работах Д. Даджи, К. Миклосси, П. Мур, С. Сашин, А. Смит, М. Терамая и др. Они в основном делают акцент на том, какое влияние на украинскую стратегическую культуру оказало начало полномасштабного конфликта с Россией в 2022 г. В частности, С. Сашин утверждает, что «внешний шок» привёл к быстрой смене стратегической

культуры Украины и «беспрецедентным» ответным мерам украинских властей [5], а Д. Даджи рассматривает стратегическую культуру как важнейший фактор в понимании устойчивого сопротивления украинского государства действиям России, выделяя три её ключевые особенности: нарратив о «незащищённости», твёрдую «приверженность суверенитету» и сближение с западными институтами [6]. Также интерес представляет работа П. Мура, который анализирует исторические особенности стратегической культуры Украины, в т.ч. её «казацкие корни», традиционализм и украинский национализм [7]. В отечественной политической науке вопросы стратегической культуры внешней политики Украины, а тем более роли экспертных сообществ в её формировании, к сожалению, так и не стали объектами научного анализа.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель выявить специфику влияния внешнеполитической экспертизы на стратегическую культуру современной Украины, на примере НИСИ. Для её достижения был применён синтетический подход, основанный на сочетании отдельных положений теорий эпистемных сообществ П. Хааса [8], критической геополитики Дж. О'Тоала [9] и стратегической культуры А. Джонстона [1]. На его основании автор рассматривает украинское экспертное сообщество в сфере международных отношений и внешней политики как специфическую политическую сеть, состоящую из отдельных экспертов и экспертных структур, объединённых общими геополитическими представлениями, убеждениями и практиками влияния на власть. Предоставляя государственным органам и должностным лицам, ответственным за выработку и реализацию внешней и военной политики, политики безопасности Украины, свои оценки международно-политической действительности и рекомендации по поведению в ней, они навязывают последним свои взгляды на особенности применения военной силы для решения внешнеполитических задач, влияя тем самым на стратегическую культуру государства.

Это влияние осуществляется на всех уровнях экспертного геополитического дискурса. На уровне «высокой» [10] – фундаментальной – геополитики военно-стратегические представления украинских экспертов циркулируют в статьях, монографиях и других научных работах сотрудников НИСИ, влияя на геополитическую картину мира научного сообщества Украины, занимающегося вопросами международных отношений, внешней политики и безопасности. Кроме того, поскольку институт осуществляет подготовку научных кадров высшей квалификации, в т.ч. по политическим наукам [11], эти представления передаются и молодому поколению украинских политологов в процессе их профессиональной и политической социализации. На практическом уровне геополитического дискурса институт в силу своего эксклюзивного положения в системе научно-аналитического сопровождения деятельности высших органов государственной власти Украины имеет возможность напрямую продвигать свои представления и нарративы перед главой государства, а также в СНБО, Офисе президента, Кабинете министров, профильных министерствах и ведомствах. Это осуществляется как через персональное консультирование

высших должностных лиц, так и через подготовку для них продуктов внешнеполитической экспертизы (аналитических записок, отчётов, докладов, справок и т.д.), а также через непосредственное участие НИСИ в разработке документов стратегического планирования, готовящихся под эгидой СНБО (например, Стратегии национальной безопасности, Стратегии военной безопасности, Стратегия морской безопасности и др.). На «низком» [10] – популярном – уровне геополитического дискурса представления сотрудников института транслируются широкой общественности через персональную публичную аналитику в СМИ (здесь они выступают, выражаясь словами К. Доддса, «государственными привилегированными рассказчиками» [12]), а также через ежегодные послания президента Верховной Раде Украины, в подготовке которых они традиционно задействованы [13]. Такая мультиканальность трансляции властям Украины своих представлений делает украинских экспертов значимыми субъектами формирования стратегической культуры.

Поскольку в своей истории украинское государство до начала конфликта в Донбассе не сталкивалось с необходимостью целенаправленного осмысления военно-стратегических вопросов внешней политики, то представляется целесообразным сосредоточиться на анализе именно тех продуктов внешнеполитической экспертизы НИСИ, которые были опубликованы с 2014 г. по настоящее время. Изучая их, опираясь на подход А. Джонстона, можно выделить следующие группы представлений.

Первая – это представления украинских экспертов о войне как о социальном явлении. Они во многом формировались под влиянием изменений характера конфликта между Украиной и Россией. В 2014–2022 гг. в экспертном геополитическом дискурсе Украины доминировали представления и нарративы, связанные главным образом с гибридными войнами. В этот период в НИСИ был опубликован широкий ряд аналитических и научных документов по данной проблематике. Как подчёркивали в 2017 г. сами сотрудники института, конфликт в Донбассе [14] и в целом конфронтация с Россией «побуждала к расширению содержания концепта, стимулировала процесс осмысления гибридной войны как отдельного феномена» [15, с. 29]. Украинские эксперты рассматривали её как «зонтичный» термин, охватывающий широкий спектр явлений, включая военные, политические, экономические и информационные методы противоборства [15, с. 22], «одновременное и адаптивное применение тесно объединенного набора обычных вооружений, иррегулярной тактики, терроризма, криминальных действий и невоенных инструментов» [15, с. 27]. При этом большое внимание уделялось аксиологическим, дискурсивным, когнитивным и идеологическим вопросам войны и мира, проблемам идентичности воюющих сторон. Не отрекаясь от основных принципов политического реализма [16], в НИСИ тем не менее полагали, что «современная война – это война в мозгах и за мозги» [17, с. 20], объясняя это тем, что «в условиях гибридной войны победа перемещается из сферы милитарных боевых действий, происходящих в физической реальности, в когнитивное (ментальное)

измерение войны, а полем борьбы за победу становится борьба за доминирование смыслов и интерпретаций» [17, с. 66]. Исходя из такого подхода, украинские эксперты, например, системно отвергали и отвергают интерпретацию украинско-российского конфликта как противостояния России и Запада, отмечая, что подобное «понимание не предполагает завершения войны победой Украины – речь идет лишь о минимизации ущерба» [17, с. 67].

В 2022 г. концептуальный подход украинских экспертов к войнам не претерпел существенных изменений, но был скорректирован с учётом реалий начала полномасштабного и прямого вооружённого столкновения между Украиной и Россией. Во-первых, «выяснилось, что конвенционная война *is not dead*, кинетическое или летальное оружие на самом деле является решающим для нынешней фазы войны. Этот факт побуждает некоторых исследователей так же поспешно отвергнуть роль некинетических методов современных военных действий, включая кибернетические и информационные атаки и контроль нарративов... Действительно, кибернетическими средствами нельзя удержать территорию, однако это не означает, что кибербезопасность и информационно-психологические операции потеряли значение. Также поспешны попытки отказаться от понятия гибридных конфликтов... *Гибридная война*¹ есть война “на этапе становления”, которая происходит в условиях относительного мира. Она не имеет самостоятельного значения, а *расширяется до состояния конвенционной и, наконец, абсолютной (тотальной) войны* как таковой» [18], – отмечают в НИСИ. Во-вторых, современная война рассматривается как сочетание трёх противоборств: 1) оперативных доктрин (западная/украинская «гибкая» и «децентрализованная» против советской/российской «централизованной» и «иерархической»), 2) систем вооружений (западные системы против советских/российских) и 3) «воль» (решимостей вести войну) [19]. В-третьих, ещё большее внимание стало уделяться вопросам когнитивного, дискурсивного противостояния, которое украинские эксперты выделяют в отдельную сферу – «домен» – ведения боевых действий [18; 20]. В-четвёртых, ещё сильнее укрепилось мифологизированное представление об украинско-российском конфликте как о «борьбе свободолюбивого украинского народа с империалистическим русским агрессором» [19]. На его основе украинские эксперты всерьёз предлагают и своё видение «коренных причин» происходящего, основной из которых ими называется «империалистическая природа современной Российской Федерации. Руководство этого государства вооруженной силой и угрозами его применения пытается повысить собственный статус на мировой арене после того, как выстроенное в России социально-экономическое устройство продемонстрировало неспособность успешно конкурировать с другими крупными экономиками» [21]. При этом всё же в НИСИ признают, что расширение НАТО на восток «в восприятии российского руководства и элит ... создало условия для формирования дилеммы безопасности, порожденной нарушением баланса сил в Европе» [22, с. 36].

¹ Здесь и далее курсив автора – О. О.

Последовательно отмечается, что украинско-российский конфликт – это экзистенциальное противостояние за идентичность [23], «за сохранение и укрепление своей модели реальности и своих представлений о порядке и справедливости» [17, с. 249], при этом «никакой опции win-win solution, то есть понравившегося всем завершения, эта война не предусматривает. Соответственно, всем участникам, включая партнёров [Украины], бесполезно надеяться избежать рисков путем попыток замедлить развитие военных событий» [20].

Вторая группа представлений связана с образом противника. В геополитической картине мира украинской внешнеполитической экспертизы Россия рассматривается как главный и единственный враг Украины, а её образ демонизирован русофобскими политическими мифами и стереотипами. Их подробный анализ был бы избыточен и неуместен с точки зрения логики настоящего исследования. При этом в плане понимания украинской стратегической культуры всё же важно отметить, что наше государство систематически описывается в работах НИСИ именно как «империя», находящаяся в состоянии «реставрации» и «реванша» [24, с. 5–20], «ревизионизма» [16], обусловленного, «прежде всего, геополитическими амбициями российской правящей элиты» [25, с. 9]. В исторической перспективе украинские эксперты ожидают от России продолжения военно-политического и военно-технического давления на Европу и Украину, «подрывной деятельности», «вмешательства в внутренние дела, создания общественных разломов, попыток раскола действующей системы безопасности и коалиции государств», а также «ядерного шантажа» [25, с. 39–40].

Третья группа представлений – об особенностях применения военной силы. Суть концептуального подхода украинской внешнеполитической экспертизы в этом плане хорошо иллюстрирует следующее высказывание экс-директора НИСИ В. Горбулина: «Всё сводится к вопросу *готовности*, то есть к тому, насколько государство и общество готовы встретить стихийное или социальное бедствие. Однако в отличие от возможных естественных катаклизмов готовность дать отпор агрессору может войну (социальное бедствие) предотвратить. Оружие является не только средством насилия и завоевания, но и средством сдерживания потенциального нападающего. *Бессилие часто провоцирует насильника*. Готовность к войне (в частности, морально-психологическая) может её предотвратить – страх получить отпор остановил уже не одну агрессию. Причём *наиболее эффективным следует считать отпор избыточно асимметричный* (“с перебором”), когда на локальный конфликт ответят конфликтом всеобъемлющим, а на “гибридную” войну отвечают тотальной войной» [16, с. 82]. Эти идеи, публично представленные ещё в 2016 г., имеют особый – реверсный – политический смысл в контексте военно-политической ситуации в зоне проведения специальной военной операции летом 2026 г. Во-первых, начиная с 2018 г. и по настоящее время, по инициативе сотрудников НИСИ [26] на Украине развивается и активно институционализируется система национальной устойчивости [27],

обеспечивающая готовность органов государственной власти и местного самоуправления, а также структур гражданского общества к полномасштабному противостоянию с Россией во всех без исключения сферах общественной жизни – т.е. к «тотальной войне». Во-вторых, целенаправленно массово атакуя российское гражданское население, инфраструктуру, объекты жизнеобеспечения, наземный и морской транспорт и пр., украинские власти как раз на практике пытаются превратить ограниченный вооружённый конфликт опять же – в «тотальную войну», осуществляя «...эффективное воздействие на враждебную нацию (в том числе террор) с целью сломить её дух и достичь состояния, в котором народ потребует от своего правительства прекращения сопротивления. Тотальность войны оправдывает всё: экономическую блокаду противника, бомбардировки мирных городов и начало войны без соответствующих нот» [28, с. 118]. Наконец, в-третьих, воспринимая ответные меры России как «недостаточные» и «слабые», украинская сторона в полном соответствии с представлениями В. Горбулина стремится наращивать свою гибридную и военную активность против нашего государства.

По итогам анализа, проведённого на примере НИСИ, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в настоящее время стратегическая культура Украины находится в процессе формирования, стимулом для которого стал украинско-российский конфликт. Во-вторых, украинская внешнеполитическая экспертиза как сетевое сообщество влияет на этот процесс, интерпретируя международно-политическую действительность на основании своих убеждений, создавая и транслируя представления о военно-стратегических вопросах внешней политики властям Украины, научному сообществу и широкой общественности. В-третьих, распространение среди властей украинскими экспертами своих представлений будет в дальнейшем укреплять в стратегической культуре Украины преимущественно иррациональное, глубоко мифологизированное восприятие России, её мотивов, интенций и образа действий [29, с. 47] в международной среде, при сохранении общей приверженности украинского режима политическому реализму в плане видения природы международных отношений, принципов поведения в них и вопросов применения военной силы. В-четвёртых, от украинской стороны следует ожидать сохранения акцента именно на гибридных и асимметричных методах ведения войны с Россией, в т.ч. на терроре против российского гражданского населения, дезинформации и символических акциях [30], обусловленном борьбой за доминирование в когнитивной сфере в ходе конфликта. В-пятых, вера в экзистенциальный характер и бескомпромиссность противостояния означает, что для экспертов, а также государственных органов и должных лиц Украины, которых они консультируют, не будет существовать приемлемых условий для субстантивных переговоров с Россией. Влияя на стратегическую культуру своей страны, украинская внешнеполитическая экспертиза будет способствовать продолжительной войне на истощение. Более того, основываясь на оценках и рекомендациях экспертов, украинские власти и далее будут сознательно провоцировать Россию, втягивая её воронку эскалации и тотальной войны.

Список источников и литературы:

1. Johnston A. I. Thinking about strategic culture / A. I. Johnston // *International security*. – 1995. – № 19(4). – P. 32–64.
2. Указ Президента України №737/2019 «Питання Національного інституту стратегічних досліджень» від 7 жовтня 2019 року // Президент України Володимир Зеленський: Офіційне інтернет-представництво [Електронний ресурс]. – URL: <https://www.president.gov.ua/documents/7372019-29893> (дата обращения: 03.07.2026).
3. *Strategic Culture and Foreign Policy of Ukraine* / I. Koval, O. Brusylovska, V. Dubovyk. – Odesa: Odesa Mechnikov National University Press, 2017. – 262 p.
4. Reznikova O. Transformation of the Strategic Culture of Ukraine under the Influence of the Russian Threat / O. Reznikova, O. Hryhorenko, V. Myronenko // *Politologija*. – 2024. – № 116(4). – P. 59–108. – URL: <https://doi.org/10.15388/Polit.2024.116.2>.
5. Shaheen S. The Russia-Ukraine War Through the Lens of Strategic Culture / S. Shaheen // *Journal of International Affairs*. – 2023. – № 75(2). – P. 247–264.
6. Dagi D. Ukraine's resistance against Russia: A strategic culture perspective / D. Dagi // *Trames*. – 2025. – № 29(2). – P. 133–150. – URL: <https://doi.org/10.3176/tr.2025.2.02>.
7. Moore P. Ukrainian Strategic Culture: Applications for the European Security Environment / P. Moore // *Security and Intelligence*. – 2024. – № 9(2). – P. 111–129. URL: <https://doi.org/10.18278/si.9.2.1>.
8. Haas P. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination / P. M. Haas // *International Organization*. – 1992. – Vol. 46, № 1 : Knowledge, Power, and International Policy Coordination. – P. 1–35.
9. Tuathail G. Ó. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society / G. Ó. Tuathail // *The Journal of Strategic Studies*. – 1999. – № 22. – P. 107–124. – URL: <https://doi.org/10.1080/01402399908437756>.
10. Колосов В. А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России / В. А. Колосов // *Политическая наука*. – 2011. – № 4. – С. 31–52.
11. Докторантура та аспірантура // НІСД : офіційний сайт [Електронний ресурс]. – URL: <https://niss.gov.ua/pidhotovka-kadriv/doktorantura-ta-aspirantura> (дата обращения: 03.07.2026).
12. Dodds K.-J. Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy / K.-J. Dodds // *Area*. – 1993. – № 25(1). – P. 70–74.
13. Розпорядження Президента України №75/2026-рп «Про підготовку проекту щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України» від 25 червня 2026 року // Президент України Володимир Зеленський: Офіційне інтернет-представництво [Електронний ресурс]. – URL: <https://www.president.gov.ua/documents/752026-rp-60033> (дата обращения: 03.07.2026).

14. Полтораков О. Гібридна війна в контексті асиметричного світоустрою / О. Полтораков // Гілея: науковий вісник. – 2015. – Вып. 100. – С. 258–260.
15. Світова гібридна війна: український фронт : монографія / за заг. ред. В. П. Горбуліна. – Київ : НІСД, 2017. – 496 с.
16. Горбулін В. П. Російсько-українська війна в термінах теорії реалізму / В. П. Горбулін, О. С. Власюк, С. В. Кононенко // Суспільно-політичні процеси. – 2016. – № 2. – С. 70–96.
17. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл : монографія / Б. О. Парахонський, Г. М. Яворська. – Київ : НІСД, 2019. – 560 с.
18. Парахонський Б. О. Породження війни з безсилля миру: смислова логіка війни / Б. О. Парахонський, Г. М. Яворська // НІСД : офіційний сайт [Електронний ресурс]. – URL: <https://niss.gov.ua/news/statti/porodzhennya-viyny-z-bezsylyya-myru-smyslova-lohika-viyny> (дата обращения: 03.07.2026).
19. Поляков Л. Війна в Україні. Протиборство волі, операцій та озброєння / Л. Поляков // НІСД : офіційний сайт [Електронний ресурс]. – URL: <https://niss.gov.ua/news/komentari-ekspertiv/viyna-v-ukrayini-proti-borstvo-voli-operatsiy-ta-ozbroyennya> (дата обращения: 03.07.2026).
20. Російська війна проти України як тригер змін міжнародної безпеки: базові наративи : аналіт. доп. / Б. О. Парахонський, Г. М. Яворська. – Київ : НІСД, 2024. – 49 с. – (Серія «Міжнародні відносини»). – URL: <https://doi.org/10.53679/NISS-analytrep.2024.02>.
21. «Корінні причини війни» (root causes): дипломатичний трюк і реальність // НІСД : офіційний сайт [Електронний ресурс]. – URL: <https://niss.gov.ua/news/komentari-ekspertiv/korinni-prychyny-viyny-root-causes-dyplomatychnyy-tryuk-i-realnist> (дата обращения: 03.07.2026).
22. Перспективи формування нової європейської системи безпеки та місце в ній України : аналіт. доп. / О. Александров, А. Веселовський, О. Каракуц, К. Кононенко, К. Орлик, М. Паламарчук, В. Ярмоленко ; за ред. О. Александрова, М. Паламарчука. – Київ : НІСД, 2025. – 45 с. – Ел. наук. видання. – URL: <https://doi.org/10.53679/NISS-analytrep.2025.112>.
23. Степико М. Українська ідентичність – головна мішень російської військової агресії / М. Степико // НІСД : офіційний сайт [Електронний ресурс]. – URL: <https://niss.gov.ua/news/statti/ukrayinska-identychnist-holovna-mishen-rosiyskoyi-viyskovoyi-ahresiyi> (дата обращения: 03.07.2026).
24. Режим Путіна: перезавантаження-2018 / М. М. Розумний (заг. ред.), Я. В. Бережний, І. В. Валюшко, Р. В. Власенко, Д. М. Горєлов, В. С. Каравєв, А. В. Лепіхов, І. А. Павленко, В. О. Семененко, О. В. Снігир. – Київ : НІСД, 2018. – 480 с.
25. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2022 році». – Київ : НІСД, 2022. – 135 с.
26. Резнікова О. Формування стійкості держави: висновки для України / О. Резнікова // Вісник Львівського університету. Серія філософсько-політологічні студії. – Львів : ЛНУ, 2018. – Вып. 20. – С. 193–199.

27. Указ Президента України №479/2021 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 20 серпня 2021 року “Про запровадження національної системи стійкості”» від 27 вересня 2021 року // Президент України Володимир Зеленський: Офіційне інтернет-представництво [Електронний ресурс]. – URL: <https://www.president.gov.ua/documents/4792021-40181> (дата обращения: 03.07.2026).

28. Зуева Н. А. Э. Людендорф: тотализация войны / Н. А. Зуева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2017. – Т. 11, № 3. – С. 114–118.

29. Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и экспертиза: очерки теории и методологии / М. А. Хрусталёв. – Москва : НОФМО, 2008. – 232 с.

30. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С. П. Поцелуев // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–75.

REFERENCES

1. Johnston, A.I. (1995) Thinking about strategic culture. *International Security*. 19 (4), 32–64.
2. Decree of the President of Ukraine No. 737/2019 "Issues of the National Institute for Strategic Studies" dated October 7, 2019. *President of Ukraine Volodymyr Zelensky: Official Internet Presidential Office*. Retrieved from: <https://www.president.gov.ua/documents/7372019-29893> (date of application: 03.07.2026). (In Ukrainian).
3. Koval, I., Brusylovska, O. & Dubovyk, V. (2017) *Strategic Culture and Foreign Policy of Ukraine*. Odesa: Odesa Mechnikov National University Press. 262 p.
4. Reznikova, O., Hryhorenko, O. & Myronenko, V. (2024) Transformation of the Strategic Culture of Ukraine under the Influence of the Russian Threat. *Politologija*. 116 (4), 59–108, doi: 10.15388/Polit.2024.116.2.
5. Shaheen, S. (2023) The Russia-Ukraine War Through the Lens of Strategic Culture. *Journal of International Affairs*. 75 (2), 247–264.
6. Dagı, D. (2025) Ukraine's resistance against Russia: A strategic culture perspective. *Trames*. 29 (2), 133–150, doi: 10.3176/tr.2025.2.02.
7. Moore, P. (2024) Ukrainian Strategic Culture: Applications for the European Security Environment. *Security and Intelligence*. 9 (2), 111–129, doi: 10.18278/si.9.2.1.
8. Haas, P.M. (1992) Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. 46 (1), 1–35.
9. Tuathail, G.Ó. (1999) Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society. *The Journal of Strategic Studies*. 22, 107–124, doi: 10.1080/01402399908437756.

10. Kolosov, V.A. (2011) [Critical geopolitics: fundamentals of the concept and experience of its application in Russia]. *Politicheskaya nauka = Political Science*. (4), 31–52. (In Russian).
11. NISS (2026) [Doctoral and postgraduate studies]. *NISD : ofitsijnyj sayt = NISS : official website*. Retrieved from: <https://niss.gov.ua/pidhotovka-kadriv/doktorantura-ta-aspirantura> (date of application: 03.07.2026). (In Ukrainian).
12. Dodds, K.-J. (1993) Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy. *Area*. 25 (1), 70–74.
13. Order of the President of Ukraine No. 75/2026-rp "On the preparation of the draft annual Message of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine on the internal and external situation of Ukraine" dated June 25, 2026. *President of Ukraine Volodymyr Zelenskyy: Official Internet Presidential Office*. Retrieved from: <https://www.president.gov.ua/documents/752026-rp-60033> (date of application: 03.07.2026). (In Ukrainian).
14. Poltorakov, O. (2015) [Hybrid war in the context of asymmetric world order]. *Gileya: naukovyj visnyk = Gileya: Scientific Bulletin*. (100), 258–260. (In Ukrainian).
15. Horbulin, V.P. (ed.) (2017) *World hybrid war: Ukrainian front: monograph*. Kyiv: NISS. 496 p. (In Ukrainian).
16. Horbulin, V.P., Vlasjuk, O.S. & Kononenko, S.V. (2016) [Russian-Ukrainian war in terms of realism theory]. *Suspilno-politychni procesy = Socio-Political Processes*. (2), 70–96. (In Ukrainian).
17. Parakhonskyi, B.O. & Yavorska, H.M. (2019) *Ontology of war and peace: security, strategy, meaning: monograph*. Kyiv: NISS. 560 p. (In Ukrainian).
18. Parakhonskyi, B.O. & Yavorska, H.M. (2019) [Generation of war from the helplessness of peace: semantic logic of war]. *NISD : ofitsijnyj sayt = NISS : official website*. Retrieved from: <https://niss.gov.ua/news/statti/porodzhennya-viyny-z-bezsyllia-myru-smyslova-lohika-viyny> (date of application: 03.07.2026). (In Ukrainian).
19. Polyakov, L. (2026) [War in Ukraine. Confrontation of will, operations and weapons]. *NISD : ofitsijnyj sayt = NISS : official website*. Retrieved from: <https://niss.gov.ua/news/komentari-ekspertiv/viyna-v-ukrayini-protyborstvo-voli-operatsiy-ta-ozbroyennya> (date of application: 03.07.2026). (In Ukrainian).
20. Parakhonskyi, B.O. & Yavorska, H.M. (2024) [Russian war against Ukraine as a trigger for changes in international security: basic narratives: analytical report]. Kyiv: NISS. 49 p. (International Relations Series). doi: 10.53679/NISS-analytrep.2024.02. (In Ukrainian).
21. NISS (2026) ["Root causes" of war: diplomatic trick and reality]. *NISD : ofitsijnyj sayt = NISS : official website*. Retrieved from: <https://niss.gov.ua/news/komentari-ekspertiv/korinni-prychyny-viyny-root-causes-dyplomatychnyy-tryuk-i-realnist> (date of application: 03.07.2026). (In Ukrainian).
22. Aleksandrov, O., Veselovskyi, A., Karakuts, O., Kononenko, K., Orlyk, K., Palamarchuk, M. & Yarmolenko, V. (2025) [Perspectives of forming a new European security system and Ukraine's place in it: analytical report]. In: Aleksandrov, O. &

Palamarchuk, M. (eds.) Kyiv: NISS. 45 p. doi: 10.53679/NISS-analytrep.2025.112. (In Ukrainian).

23. Stepyko, M. (2026) [Ukrainian identity is the main target of Russian military aggression]. *NISD : oficijnyj sajт = NISS : official website*. Retrieved from: <https://niss.gov.ua/news/statti/ukrayinska-identychnist-holovna-mishen-rosiyskoyi-viyskovoyi-ahresiyi> (date of application: 03.07.2026). (In Ukrainian).

24. Rozumnyi, M.M. (ed.), Berezhnyi, Ya.V., Valiushko, I.V., Vlasenko, R.V., Horielov, D.M., Karavaiev, V.S., Lepikhov, A.V., Pavlenko, I.A., Semenenko, V.O. & Snihir, O.V. (2018) *Putin's regime: reboot-2018*. Kyiv: NISS. 480 p. (In Ukrainian).

25. NISS (2022) *Analytical report to the Annual Message of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the internal and external situation of Ukraine in 2022"*. Kyiv: NISS. 135 p. (In Ukrainian).

26. Reznikova, O. (2018) [Formation of state resilience: conclusions for Ukraine]. *Visnyk Lvivskoho universytetu. Seriya filosofsko-politologichni studii = Bulletin of Lviv University. Series of Philosophical and Political Studies*. (20), 193–199. (In Ukrainian).

27. Decree of the President of Ukraine No. 479/2021 "On the decision of the National Security and Defense Council of Ukraine of August 20, 2021 'On the introduction of the national resilience system'" dated September 27, 2021. *President of Ukraine Volodymyr Zelenskyy: Official Internet Presidential Office*. Retrieved from: <https://www.president.gov.ua/documents/4792021-40181> (date of application: 03.07.2026). (In Ukrainian).

28. Zueva, N.A. (2017) [E. Ludendorff: totalization of war]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialno-ekonomicheskikh nauk = Actual Problems of Humanitarian and Socio-Economic Sciences*. 11 (3), 114–118. (In Russian).

29. Khrustalev, M.A. (2008) *Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology*. Moscow: NOFMO. 232 p. (In Russian).

30. Potseluev, S.P. (1999) [Symbolic politics: constellation of concepts for an approach to the problem]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. (5), 62–75. (In Russian).

Данные автора статьи

Онопко Олег Владимирович ORCID:0000-0001-5569-8256	Onopko Oleg Vladimirovich
---	---------------------------

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.7:321.01

DOI: 10.5281/zenodo.23023417

EDN: BQLDWH

М.А. Светлакова

кандидат политических наук,

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени

А.И.Куинджи»

E-mail: mariia.svetlakova@yandex.ru

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ, СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ИДЕНТИТАРНЫЙ ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация.

Рассмотрен комплекс внутренних факторов системного кризиса Европейского союза. На основе институционального и дискурсивного анализа обосновывается, что системная дестабилизация ЕС детерминирована не столько внешними вызовами, сколько институциональной ригидностью, дефицитом демократии, бюрократизацией управленческих структур, социально-экономической дивергенцией и ценностной фрагментацией. Показано, что данные дисбалансы создают условия для возрастания евроскептических настроений и эрозии интеграционной парадигмы. Особое внимание уделено трансформации общественного сознания и политической системы ЕС под влиянием внутренних противоречий, включая кризис легитимности. Делается вывод, что системный кризис ЕС является частью общего кризиса либеральной модели глобализации, а евроскептицизм эволюционирует от стратегии отрицания к стратегии трансформации Союза изнутри.

Ключевые слова: *Европейский союз, системный кризис, легитимность, политическая фрагментация, евроскептицизм.*

Summary

This article examines the constellation of internal factors underlying the systemic crisis of the European Union. Drawing on institutional and discursive analysis, the study argues that the systemic destabilization of the EU is determined not so much by

external challenges as by institutional rigidity, democratic deficits, the bureaucratization of governance structures, socio-economic divergence, and value fragmentation. It is demonstrated that these imbalances create a fertile ground for the rise of Eurosceptic sentiment and the erosion of the integration paradigm. Particular attention is paid to the transformation of public consciousness and the EU's political system under the impact of internal contradictions, including the crisis of legitimacy. The article concludes that the systemic crisis of the EU constitutes an integral part of the broader crisis of the liberal model of globalization, and that Euroscepticism is evolving from a strategy of rejection toward a strategy of transforming the Union from within.

Keywords: *European Union, systemic crisis, legitimacy, political fragmentation, euroscepticism.*

Современное состояние Европейского союза характеризуется беспрецедентным накоплением кризисных явлений, которые выходят далеко за рамки циклических экономических флуктуаций и приобретают системный характер. В научном дискурсе последнего десятилетия все более утверждается мнение, что ЕС столкнулся не с очередным «кризисом управления» или «кризисом роста», а с фундаментальным вызовом собственной интеграционной парадигме, заложенной еще в послевоенный период [7].

На рубеже 2020-х годов Европейский союз утратил инерцию поступательного развития («углубление и расширение»), которая на протяжении десятилетий служила не только политическим курсом, но и идеологическим обоснованием интеграционного проекта. Провал Конституции ЕС (2005 г.), последовавший за ним Брексит и затяжная серия кризисов — долгового, миграционного, пандемийного — продемонстрировали исчерпание прежней линейной модели развития [18]. Это ставит перед политологическим сообществом задачу переосмысления концептуальных основ европейской интеграции, выявления её внутренних противоречий и пределов устойчивости.

В числе глубинных причин системного кризиса ЕС, исследователи всё чаще выделяют не столько внешние вызовы, сколько внутренние (эндогенные) факторы. К их числу относятся институциональная ригидность, бюрократизация управленческих структур, «дефицит демократии» и кризис легитимности, нарастающая социально-экономическая и ценностная фрагментация между странами-членами, а также утрата общеевропейской идентичности [8]. Именно эти внутренние дисбалансы формируют благоприятную институционально-дискурсивную среду для эскалации политического и гражданского евроскептицизма, который из маргинального явления превратился в системный фактор европейской политики [1].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и системном анализе комплекса внутренних (эндогенных) факторов, детерминирующих развитие системного кризиса Европейского союза, и определении их роли в трансформации интеграционной парадигмы и эскалации евроскептицизма в современных политических процессах.

Научная новизна состоит в разработке многоуровневой таксономии внутренних факторов системного кризиса ЕС. В отличие от распространённого подхода, сводящего кризис к институциональной или ценностной дихотомии, в статье осуществлена комплексная операционализация семи взаимосвязанных детерминант (институциональная ригидность, демократический дефицит, бюрократизация, социально-экономическая дивергенция, ценностная фрагментация, кризис идентичности и евроскептицизм) в рамках единой аналитической модели.

Анализ публикаций по теме показывает, что проблематика системного кризиса ЕС активно разрабатывается как зарубежными, так и отечественными исследователями. Кризис общеевропейской идентичности и ценностной фрагментации – центральная тема работ Ю. Хабермаса [6], Э. Гидденса [4] и И. Крестева [7]. Среди отечественных исследователей эти аспекты активно разрабатываются О.Ю. Малиновой, В.В. Согриным, Т.Ю. Силкиной, В.Г. Барановским, М.В. Стрежневой.

В основе исследования лежит системный подход, рассматривающий ЕС как целостную систему в состоянии структурной трансформации, в рамках которого операционализированы ключевые понятия: «дефицит демократии» (индикаторы — явка на выборах в Европарламент, уровень доверия к институтам по данным Евробарометра), «институциональная ригидность» (бюрократизация аппарата, запаздывание реформ) и «кризис легитимности» (восприятие гражданами отчуждённости институтов). Институциональный анализ применён к формальным и неформальным практикам управления ЕС на основе учредительных договоров и экспертных оценок. Метод сравнительного анализа использован для сопоставления социально-экономических показателей (ВВП на душу населения в странах-лидерах и аутсайдерах) и политической динамики. Также использованы эмпирические показатели, в частности ключевые события, иллюстрирующие механизмы кризиса: провал Конституции ЕС, миграционный кризис, Брексит и принятие Пакта о миграции и убежище (2024 г.). Данные показатели рассматриваются не как самостоятельный метод, а как эмпирические контексты, позволяющие проследить проявление институциональных дисфункций в реальной политической практике.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что Европейский союз является не только уникальным наднациональным образованием, но и важнейшим геополитическим актором, чья внутренняя стабильность напрямую влияет на систему международных отношений, включая отношения с Российской Федерацией. Понимание природы и механизмов системного кризиса ЕС необходимо для выработки адекватных внешнеполитических стратегий и прогнозирования сценариев дальнейшей эволюции европейского интеграционного проекта.

К рубежу XXI века Европейский союз последовательно продвигался сразу по двум направлениям: углублял интеграцию – через создание валютного союза и введения единой валюты, а также расширял собственный состав. В 2004 году к объединению присоединились десять государств бывшего социалистического

лагеря, в 2007-м – Болгария и Румыния, позднее – Хорватия [2]. Совокупное население Союза, насчитывавшего к тому моменту 28 государств-членов, превысило 500 млн. человек. Сам факт подобного расширения воспринимался как свидетельство того, что интеграционная модель способна служить одним из реальных вариантов развития в условиях глобализации, а сам процесс вышел на качественно иной уровень.

Вместе с тем столь масштабный прирост состава участников повлёк за собой серьёзные структурные противоречия. Вошедшие государства существенно различались не только по степени социально-экономического развития, но и по политическим традициям, историческому опыту и культурным основаниям [2]. Союз утратил прежнюю однородность и столкнулся с резко возросшей неравномерностью внутреннего развития. Механизмы управления, выстроенные под объединение пятнадцати стран, при переходе к формату двадцати восьми утратили достаточную эффективность и нуждались в реформировании [1].

Предполагалось, что расширение, углубление интеграции и институциональные преобразования будут развиваться синхронно. На деле эти процессы оказались рассогласованы: параллельного продвижения по всем направлениям не получилось.

Расширение Евросоюза обострило уже накопившиеся противоречия, добавив к ним новые, прежде не проявлявшиеся с такой остротой. Провал европейской Конституции в 2005 году обнажил глубину внутренних разногласий – это событие стало первым отчётливым сигналом системного неблагополучия [7]. Отказ от её ратификации поставил на повестку дня пересмотр концептуальных оснований интеграционного проекта: в какой мере они отвечали условиям нового столетия? Между тем задачи, которые изначально формулировали архитекторы европейского объединения, к тому моменту были в целом решены. Перед Союзом встала необходимость выработать новый вектор движения – общий и достаточно определённый [2].

Провал конституционного проекта, а вслед за ним и выход Великобритании из Евросоюза подорвали представления об интеграции как о единственно возможном пути развития европейского пространства. Тезис о том, что объединительные процессы должны неуклонно расширяться и углубляться, двигаясь исключительно в одном направлении, утратил свою убедительность. При этом конечный ориентир подобного движения так и оставался размытым: роль идеологической формулы выполняло представление о Евросоюзе как о зоне свободы, безопасности и общего благополучия [18].

Накопление кризисных явлений в институциональной, а впоследствии и в политической сфере сформировало структурные предпосылки для распространения евроскептических настроений внутри ЕС. Большинство исследователей квалифицируют совокупность этих процессов как кризис общеевропейской идеи, затронувший одновременно механизмы управления, наднациональные институты и европейскую идентичность [7]. Провал Конституции существенно укрепил позиции противников интеграции, снабдив

их весомыми доводами в пользу собственных взглядов. Среди аргументов, активно эксплуатирувавшихся евроскептиками, особое место занял тезис о дефиците демократии и утрате легитимности европейскими структурами, с которыми напрямую связывался кризис политического участия – наглядным выражением последнего служил устойчивый абсентеизм на выборах в Европейский парламент [9].

Кризис легитимности в Европейском союзе разворачивается в двух взаимосвязанных плоскостях. Первая связана с нарастающей дистанцией между политическими элитами и рядовыми гражданами, утратившими доверие к традиционным партийным структурам и институтам. Вторая касается отношения граждан к наднациональным механизмам управления, которые воспринимаются как закрытые и неподотчётные [9]. Э. Гидденс в своё время обозначил эту проблему как фундаментальную для европейского проекта: по его оценке, дефицит реальных полномочий у брюссельских структур создаёт угрозу для единства ЕС, а выходом из положения могло бы стать выстраивание содержательного диалога между союзом и его гражданами [4, с. 68].

Согласно экспертным оценкам, дефицит демократии охватывает все сферы функционирования Европейского союза, что придаёт кризису системный характер. Болгарский политолог И. Крастев связывает природу этого явления с внутренней логикой интеграционного процесса, рассматривая его как объективно обусловленный: на нынешнем этапе проекта единой Европы укрепление союза и развитие демократических начал вступили в острое противоречие. Углубление интеграции формально повышает степень демократичности ЕС как наднациональной структуры, однако элиты при этом утрачивают ключевые ориентиры, а общество – готовность доверять институтам, что и порождает кризис легитимности и демократического представительства [7].

Теоретическое обоснование этого феномена предложил Ю. Хабермас, который связывает демократический дефицит с расхождением между расширением компетенций европейских институтов и слабостью легитимационных оснований сложившегося порядка [6, с. 52]. Влияние граждан на формирование исполнительных структур и на принимаемые ими решения остаётся минимальным, а парламентская повестка выстраивается вокруг вопросов, далёких от интересов рядового избирателя. Как следствие, всё большее число решений Брюсселя вступает в противоречие с ожиданиями граждан на национальном уровне. Это во многом обусловлено закрытостью самого процесса принятия решений, что лишает национальные парламенты возможности реального партнёрства с наднациональными институтами [5].

Среди европейского общества ЕС воспринимается, прежде всего, не как политическая система с прозрачными механизмами управления, а как структура, складывающаяся в узких кругах, вне публичного контроля и без участия рядовых граждан. Участие граждан в наднациональном политическом процессе качественно уступает тому, что доступно им на национальном уровне – и это расхождение носит системный характер [5].

Институциональная система ЕС воспринимается значительной частью населения как замкнутая на себе конструкция, лишённая реального представительства [9]. Европарламент, по оценкам ряда западных исследователей, выполняет скорее декоративную функцию: при формально закреплённых полномочиях он не обеспечивает подлинного участия граждан в выработке решений.

Управленческие институты Евросоюза при этом демонстрируют неспособность не только оперативно реагировать на кризисные ситуации, но и формировать устойчивую среднесрочную стратегию. Нарастающая бюрократизация структур и механизмов управления стала одним из наиболее очевидных проявлений антидемократических тенденций. Как признавал бывший председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу, особенностью европейской системы управления является ее бюрократическая инерция и недостаток управленческой гибкости [5]. Попытка переломить эту тенденцию была предпринята в 2007 году, когда сформировали специальный межправительственный консультативный орган – Группу высокого уровня независимых заинтересованных сторон по административным нагрузкам, – призванный разработать меры по упрощению административных процедур. Однако поставленная задача так и осталась нерешённой, и группа прекратила свою работу в октябре 2014 года [11].

Сложившаяся проевропейская чиновничья элита действует вне реального парламентского контроля, не принимая во внимание ни интересы, ни настроения граждан государств-членов. Принимаемые решения остаются закрытыми для внешнего наблюдения, а сам процесс их выработки носит выраженный кулуарный характер. Это подрывает легитимность объединения и порождает устойчивое восприятие наднационального регулирования как угрозы национальному суверенитету [5]. Ряд исследователей проводит аналогию между нынешним положением Европейского Союза и постепенным угасанием Священной Римской империи – структуры, которая, подобно ЕС, оказалась поглощена регламентами и процедурами в ущерб реальному участию граждан и реальной управленческой результативности [18].

Фактически Евросоюз опирается не на партийную, а на иерархическую бюрократию, представленную еврооптимистами. Высокая степень бюрократизации всей управленческой структуры и механизмов реализации политики, проводимой ЕС, является причиной дисбаланса, который на сегодня прослеживается между Брюсселем и гражданами Европейского Союза [7]. В частности, сохраняется и запрос на перемены: 90% граждан считают, что страны-члены ЕС должны проявлять больше единства, а 91% хотят, чтобы Европарламент имел полный доступ к информации о расходовании бюджета ЕС [9]. Это говорит о том, что высокий уровень поддержки сочетается с требованием большей прозрачности и эффективности.

Почву для роста антимиграционных и евроскептических партий во многом подготовила сама динамика участия граждан в выборах Европарламента. Явка на выборах снизилась с более чем 61% в 1979 году до 40% в 2009-м, несколько

восстановившись к 2019–2024 годам (50% и 50,74% соответственно), – что отражает устойчивое охлаждение европейцев к наднациональному проекту как таковому [3]. Именно на этом фоне партии антимиграционной направленности демонстрируют стабильный электоральный рост.

Параллельно складывалась иная проблема: постепенное ограничение компетенций национальных институтов сопровождалось недостаточной прозрачностью процедур принятия решений на уровне ЕС. Воспринимаемый дефицит подотчётности брюссельских структур стал структурной основой для негативных оценок интеграционного курса – причём не только среди рядовых граждан, но и внутри части политического класса. Всё это формирует устойчивое восприятие наднационального регулирования как угрозы уже государственному суверенитету [2].

Антидемократические тенденции внутри ЕС проявляются не только в работе отдельных институтов, но и в самой природе выстроенной системы управления. Понятие демократического дефицита охватывает все сферы функционирования объединения, включая атмосферу, складывающуюся в отношениях между государствами-участниками [5]. Отсутствие реальных демократических механизмов порождает целый узел противоречий, способных подорвать единство союза и поставить под сомнение перспективы его существования.

Концепция социальных расколов С. Липсета и С. Роккана предлагает универсальный аналитический инструментарий для фиксации устойчивых линий поляризации, одной из которых является оппозиция «центр – периферия». Развивая данный теоретический подход применительно к современным реалиям ЕС, предлагается рассматривать в качестве содержательного наполнения этой дихотомии экономическую дифференциацию между странами еврозоны и остальными государствами-членами, что позволяет концептуализировать данный раскол как структурный фактор системного кризиса [8]. Ведущие государства постепенно превратились в институционально привилегированную группу, тогда как остальные члены Союза воспринимают себя в качестве периферийных акторов и занимают по отношению к ним последовательно оппозиционную позицию, что фиксируется в их публичной риторике и голосовании в институтах ЕС. Исходя из этого, существует проблема малых стран, которые хотят иметь гарантированное представительство во всех органах ЕС, что позволяло бы учитывать их интересы. На современном этапе Германия, Франция и Великобритания во многом определяли политику ЕС, которая часто производилась на саммитах этих трех государств. Считалось, что то, «что хорошо для трех стран, то хорошо для Евросоюза» [2].

Другим фактором, усугубляющим восприятие демократического дефицита, выступает возрастающая социально-экономическая дифференциация внутри ЕС. Европейский союз утрачивает внутреннюю однородность: разрыв в уровне экономического развития между государствами-членами не только сохраняется, но и воспроизводится на протяжении последних десятилетий. Так, по данным Евростата, в 2025 году ВВП на душу населения в Германии составил

60 439 долл., во Франции – 48 870 долл., в Греции – 21 625 долл., в Люксембурге – 148 000 долл., тогда как в Болгарии данный показатель едва превышал 10 300 долл. [14]. Приведённые данные фиксируют сохраняющийся разрыв между странами-лидерами и государствами-периферии, достигающий более чем четырнадцатикратной величины между Люксембургом и Болгарией. В условиях, когда институты ЕС декларируют политику выравнивания и сплочённости, столь выраженная экономическая асимметрия создает устойчивый запрос на перераспределение ресурсов и одновременно формирует у граждан менее благополучных стран восприятие институциональной несправедливости.

Экономическая разнородность государств, входящих в состав ЕС, порождает устойчивую внутреннюю фрагментацию и создаёт новые очаги напряжённости в рамках интеграционного объединения. Распределение бюджетных средств превратилось в один из наиболее острых предметов разногласий: страны с высоким уровнем дохода перечисляют в общую казну существенно больше, чем получают обратно, что вызывает нарастающее недовольство среди их налогоплательщиков [7].

Показательным в этом отношении стал период долгового кризиса в зоне евро. Среди граждан Германии широко распространилось непонимание того, на каком основании национальные средства направляются на покрытие долговых обязательств, например той же Греции. Схожая коллизия воспроизвелась в 2020 году при обсуждении антикризисной программы, разработанной в ответ на последствия пандемии: Австрия и ряд скандинавских государств отказывались принимать на себя финансовые обязательства перед странами, понёсшими наибольший ущерб [8].

Разногласия внутри Евросоюза охватывают и сферу безопасности, и вопросы внешнеполитического курса. Например, Франция совместно с Германией отстаивают идею формирования ОВПБ (Общей внешней политики и политики безопасности), включая создание единых европейских вооружённых сил [18]. Противоположную позицию занимают государства так называемой «молодой Европы», неформальным лидером которых выступает Польша: они полагают, что защита НАТО обеспечивает достаточные гарантии безопасности, поэтому усилия следует направить на укрепление Североатлантического альянса. Внешнеполитическая ориентация рассматриваемых государств на стратегическое партнёрство с США устойчиво коррелирует с жёсткой антироссийской риторикой в их публичном дискурсе. Наглядным примером является риторика премьер-министра Польши Д. Туска, который в интервью европейской медиа-группе в марте 2024 года заявлял о необходимости «создания щита из европейских вооружений для сдерживания российской агрессии», а также его неоднократные призывы к «полной военной мобилизации Европы» [12].

Показательным случаем, обнажившим глубину этих противоречий, стала история вокруг «Северного потока – 2». Польша и примкнувшие к ней государства последовательно согласовывала свою внешнеполитическую позицию с приоритетами администрации США в вопросах военной безопасности

и санкционной политики. Германия вместе с другими заинтересованными участниками, напротив, настаивала на завершении строительства [1]. Столкновение этих позиций наглядно показало, что внешнеполитические ориентиры стран – членов ЕС расходятся принципиально, а не по частным вопросам.

Позиция Польши и ряда других государств направлена на ограничение германского доминирования в ЕС через расширение американского присутствия на континенте. Накопившийся комплекс межгосударственных противоречий формирует почву для евроскептицизма, проявляющегося прежде всего на уровне официальной политики. Именно в этом измерении руководство Польши и Венгрии последовательно отвергает ряд общеевропейских принципов, открыто критикуя Брюссель и уклоняясь от исполнения отдельных обязательств в рамках своих национальных систем [7]. На площадке европейских саммитов Нидерланды, Италия и некоторые другие государства-члены неоднократно ставили вопрос об исключении этих стран из состава Союза. Складывающаяся картина свидетельствует о нарастающей фрагментации объединения: солидарность и коллективная ответственность, закреплённые Маастрихтским и Лиссабонским договорами в качестве несущих опор проекта единой Европы, всё очевиднее утрачивают своё практическое содержание [18].

Среди дискуссионных вопросов европейской интеграции заметное место занимает концепция «гибкой солидарности», инициированная Словакией и получившая поддержку государств Вышеградской группы. Её ключевая особенность состоит в том, что участие каждой страны определяется не общими обязательствами, а собственной оценкой национальных интересов и возможностей. Возникнув в контексте миграционного кризиса, связанного с распределением квот, эта модель постепенно оформилась в самостоятельную концепцию, получившую также наименование «эффективной солидарности» [17].

Государства так называемой «Новой Европы» составляют основной круг её сторонников внутри ЕС: именно они настаивают на праве самостоятельно определять границы разделяемой ответственности. По существу, подобный подход означает отказ части стран-членов от участия в решении проблем соседних государств, оказавшихся в трудном положении. Период пандемии обнажил эту тенденцию с особой очевидностью [7].

Еще одной причиной выступает борьба Север-Юг, которая выступает мощным дезинтеграционным фактором, подрывающим единство ЕС по двум ключевым направлениям. Во-первых, столкновение «бережливого» Севера и «долгового» Юга блокирует создание эффективных механизмов солидарности и взаимопомощи, которые необходимы для стабильности еврозоны. Во-вторых, разные восприятия угроз не позволяют сформировать единую стратегию и справедливо распределить бремя расходов, что создает риск «разноскоростной» и фрагментированной Европы [18].

В государствах Северной Европы существует критическое отношение к механизмам трансфертного перераспределения, которые субсидируют

нуждающиеся страны в Южной Европе. Перед Европейским сообществом также стоит вопрос, что делать с Венгрией и Польшей, которые разрушают демократические принципы и верховенство закона ЕС в своих странах. Все это формирует благоприятную атмосферу для популяризации евроскептиками своих установок, при этом появляется все больше аргументов в их защиту [1].

Показательна в этом отношении динамика представленности антисистемных партий на наднациональном уровне: их доля в политическом пространстве ЕС выросла в среднем с 4,8 до 9,7%. Подобный рост во многом объясняется пересмотром тактических ориентиров – если прежде европейские институты воспринимались такими партиями как структура, подлежащая демонтажу, то теперь они рассматривают их как инструмент, позволяющий продвигать собственные ценностные установки и добиваться поставленных целей путём преобразования Европейского союза изнутри [1].

Во многом успеху евроскептиков способствовал политический кризис, связанный с трансформацией партийной системы ЕС как на национальном, так и наднациональном уровне. После 2008 года эксперты отмечают рост кризиса внутри системных партий. Свидетельством этого является избирательный цикл 2015-2019 гг., по результатам которого системные партии почти повсеместно, кроме нескольких стран, ухудшили свои результаты. ХДС/ХСС и СДПГ, занимавшие в партийной системе Германии господствующее положение, на выборах 1980 года аккумулировали около 80% голосов. Уже к 1990-м этот показатель снизился примерно до 70%, в 2003 году – до 57%, к 2017-му – едва превышал 50%, а по итогам выборов 2025 года электоральная поддержка обеих партий в совокупности составила порядка 45% [13].

Аналогичная другим европейским странам прослеживается тенденция в Испании: эрозия двухпартийной системы, которая на протяжении десятилетий обеспечивала политическую стабильность. Если ранее ИСРП и Народная партия совокупно аккумулировали от 70 до 80% голосов избирателей, то досрочные выборы 2023 года зафиксировали их суммарное падение до уровня около 65%. Народная партия получила 33% (136 мест), ИСРП – 31,7% (122 места), а ультраправая «Вокс» значительно усилила свои позиции, набрав 12,39% (33 места) [15]. Это свидетельствует о растущей политической фрагментации и ослаблении традиционных партий, что создаёт благоприятную среду для антисистемных сил.

Кризис доверия к системным партиям, обозначившийся в середине 2000-х годов на фоне институциональных провалов ЕС, стимулировал электоральный запрос на политические альтернативы. Этот вакуум заполнили как антисистемные движения, так и отдельные традиционные партии, адаптировавшие евроскептическую риторику. Однако к 2025–2026 годам структурные факторы, определявшие динамику евроскептицизма в предыдущее десятилетие, существенно изменили свою конфигурацию. Брексит, первоначально воспринимавшийся как угроза дезинтеграции, сегодня оценивается как состоявшийся прецедент, продемонстрировавший высокую цену выхода: согласно публикации Национального института экономических и

социальных исследований, основанной на их глобальной макроэкономической модели, потери ВВП Великобритании от Брексит составят 2–3% к 2023 году и возрастут до 5–6% к 2035 году [10].

ЕС, в свою очередь, сознательно сделал процедуру выхода максимально затратной, чтобы предотвратить формирование «прецедента выхода». Этот стратегический расчёт оправдался: «эффект домино» не наступил, а сплочённость оставшихся членов, напротив, укрепилась. Параллельно миграционный кризис утратил конфликтность в связи с принятием в 2024 году Пакта о миграции и убежище, который институционализировал механизмы распределения ответственности, создав новые институциональные механизмы регулирования миграционной политики [17].

Таким образом, вектор евроскептицизма сместился: от отрицания Союза как такового к стратегии его внутренней трансформации, что подтверждается консолидацией евроскептических сил в Европарламенте как влиятельной оппозиции, способной не только артикулировать альтернативную повестку, но и оказывать реальное влияние на принятие решений [1].

Важнейшим фактором, обуславливающим рост для евроскептических настроений всех его типов и форм реализации, стал процесс трансформации общественного сознания граждан ЕС. XXI век оказался для них периодом высокой степени турбулентности с необходимостью преодоления ряда серьезных кризисов, которые, как было показано выше, повлияли на переформатирование всех элементов общественного сознания, связанных с переосмыслением жизненных ценностей [7]. Начало меняться отношение и к глобализации, поскольку ЕС выступал активным автором продвижения интеграционных процессов. В то же время, у значительной части населения начинает исчезать точка опоры, они теряют стабильность достигнутого уровня социально-экономического благосостояния. Появляется желание и стремление вернуться к своим национальным корням, что ведет к восприятию ЕС как к структуре, несущей за это ответственность, и, следовательно, у граждан формируется негативное восприятие [2].

Кроме того, в XXI веке произошла смена поколений. В политическую жизнь вступило поколение, которое не воспринимает достижения интеграции, такие как создание единого экономического пространства, свобода передвижения и тому подобное. Они это воспринимают как понятное и оценивают ЕС прагматично, в контексте эффективности его конкретной деятельности сегодня. А поддержка ими Евросоюза зависит, с одной стороны, от объема количества благ, которые население может получить, а с другой от того, насколько возможно реализовать себя и полноценно чувствовать свою национальную идентичность [8].

В отличие от предыдущего века, в XXI веке на первое место часто выходят не проблемы, связанные с материальным благополучием, а вопросы, связанные с национальными ценностями, самобытностью своего региона, сохранением национального суверенитета, безопасностью своей семьи, сохранением окружающей среды [8]. Все большее влияние на мотивацию избирателя

оказывает его личное восприятие значимости решения проблем, что необходимо для обеспечения его благополучия. Обычно это могут быть локальные проблемы, или, с точки зрения системных партий, малозначимые, если их рассматривать в масштабах государства, тем более в рамках ЕС. Все это мотивирует влечение электората к антисистемным популистским или националистическим политическим силам, которые воспринимаются как политические альтернативы, предлагающие радикальную смену институциональной парадигмы [1]. Большинство этих партий – это евроскептики разного типа.

Данная тенденция проявилась в ходе избирательного цикла 2009-2014 гг., когда евроскептики вошли в состав Европарламента, и закрепились в ходе избирательного цикла 2015-2025 гг. По его итогам евроскептики укрепили свои позиции на наднациональном уровне, увеличив свое присутствие в Европарламенте, и на национальном уровне, где целый ряд партий евроскептиков оказались у власти либо вошли в парламент, а именно этот тренд затронул все основные государства-члены: от Германии (АдГ) и Франции («Национальное объединение») до Италии («Лига») и Польши («Право и справедливость»)). Более того, риторика партий евроскептиков, их лозунги, связанные с требованиями реформ в ЕС, были взяты на вооружение рядом антисистемных партий, что дало им успех на выборах. Такое явление можно было наблюдать в избирательной риторике Народной партии Австрии, Народной партии «За свободу и демократию» в Нидерландах, партии «Венстре» в Дании.

Учитывая вышесказанное, нынешний системный кризис ЕС – это кризис не легитимности, а эффективности. Аргументировать необходимость существования Союза перед гражданами сегодня уже не требуется: уровень поддержки говорит о том, что европейцы в целом признают ценность интеграционного проекта. Вопрос заключается в другом – в способности ЕС предложить гражданам ощутимые результаты: экономическую безопасность, социальную защиту и эффективное управление в условиях геополитической турбулентности [9].

В изменившемся общественно-политическом дискурсе европейская интеграция предстает уже не абсолютным благом, к которому априори должны стремиться все государства, а лишь опорой существования региональной организации, полезность которой оценивается прагматично в каждом конкретном случае, исходя из национальных интересов [2].

Таким образом, комплекс внутренних факторов связан с последствиями как несостоятельности, неадекватности самого концепта интеграции, ее реализуемой сегодня модели, которая полностью исчерпала себя, так и с неэффективностью политики ЕС, нарастанием внутренних противоречий, причины которых лежат в разнородности участников объединения и отсутствии общеевропейской идентичности. Системный кризис Европейского союза не является временной флуктуацией, а представляет собой структурную трансформацию, обусловленную совокупностью эндогенных факторов. Совокупность выявленных дисбалансов – институциональных, социально-

экономических, ценностных и политических – свидетельствует о том, что ЕС вступил в эпоху фундаментальной пересборки интеграционной парадигмы. Евроскептицизм выступает не столько причиной, сколько «зеркалом» системного кризиса, отражающим глубину внутренних противоречий Союза.

Перспективы развития ЕС будут определяться способностью его институтов и политических элит не только осознать эндогенную природу кризиса, но и выработать адекватные механизмы преодоления институциональной ригидности, восстановления легитимности и поиска нового баланса между наднациональным управлением и национальным суверенитетом. Игнорирование этих внутренних факторов будет неизбежно вести к дальнейшей дестабилизации и эрозии интеграционного проекта, а в пределе – к трансформации ЕС в принципиально иное политическое образование, утратившее свои системообразующие качества.

Список источников и литературы:

1. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в ЕС: классификация и проблемы институализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 6. – С. 31–37. – URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2010/4-Babynina.pdf (дата обращения 10.04.2026)
2. Буторина О.В. Сужение Европейского Союза и потенциал интеграции // Современная Европа, 2020. – № 2. – С. 20–32. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suzhenie-evropeyskogo-soyuza-i-potentsial-integratsii> (дата обращения 11.03.2026)
3. Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции // Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера – М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. – 178 с. – URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2019/vvper2019.pdf> (дата обращения 20.04.2026)
4. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
5. Моисеева (Руденкова) Д.Э. Лоббизм в Европейском союзе: кризис легитимности. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 120 с. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_011.pdf (дата обращения 10.04.2026)
6. Хабермас Ю. Расколотый Запад / пер. с нем. О. Захаровой. – М.: Весь мир, 2008. – 192 с.
7. Ширинский О. Ю. Системный кризис Европейского союза: причины и последствия // Беларусь в современном мире с. 197–201. Минск: БГУ. 2025. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/330259/1/197-201.pdf> (дата обращения 14.03.2026)
8. Шульга М.А. «Дефицит демократии» в Европейском союзе: смыслы и интерпретации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2016. – Т. 12. – № 3.

– С. 57–74. – URL: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/347/345> (дата обращения 15.04.2026)

9. Beetz J.P., Pittoors G., Wolfs W. Why the EU's democratic deficit persists // The Loop (ECPR). – 2025. – October 8. – URL: <https://theloop.ecpr.eu/why-the-eus-democratic-deficit-persists/> (дата обращения 03.04.2026)

10. Business Investment, Productivity and Brexit // National Institute of Economic and Social Research. – London : NIESR, 2025. – URL: <https://niesr.ac.uk/publications/business-investment-productivity-brexit> (дата обращения 06.05.2026)

11. Commission Decision of 31 August 2007 setting up the High Level Group of Independent Stakeholders on Administrative Burdens (2007/623/EC) // Official Journal of the European Union. – 2007. – L 253. – P. 40–42.

12. Europe plans to build an Iron Dome-type air defense system worth \$4.3 billion // Vietnam.vn. – 2024. – URL: <https://www.vietnam.vn/en/chau-au-tinh-hay-dung-he-thong-phong-khong-kieu-vom-sat-tri-gia-43-ty-usd> (дата обращения 23.04.2026)

13. European Parliament. Turnout in European Parliament elections (1979–2024). – URL: <https://results.elections.europa.eu/en/turnout/> (дата обращения: 12.04.2026).

14. Eurostat. PPPs for GDP per capita in 2025: preliminary estimates // Eurostat News. – 2026. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/w/ddn-20260325-1> (дата обращения: 14.04.2026).

15. General election results in Spain leave future of next government up in the air. Euronews. – URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2023/07/24/general-election-results-in-spain-leave-the-future-of-the-next-government-up-in-the-air> (дата обращения 05.04.2026).

16. National accounts and GDP // Eurostat. – 2026. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=National_accounts_and_GDP (дата обращения 27.03.2026)

17. Staykova E., Otova I. The EU's new migration pact and the limits of flexible solidarity // The Loop (ECPR). – 2025. – August 21. – URL: <https://theloop.ecpr.eu/the-eus-new-migration-pact-and-the-limits-of-flexible-solidarity/> (дата обращения 19.03.2026)

18. Sülün D. The End of the Supranational Dream of the European Union: Toward a More Nationalist and Intergovernmental Union // Alternatif Politika, Vol 16, Iss 3, Pp. 540-569. – URL: https://searchworks.stanford.edu/articles/edsdoj__edsdoj.b3051c94dad4859a4de6d6e12606847 (дата обращения 14.03.2026).

REFERENCES

1. Babynina, L.O. (2010). Flexible Integration in the EU: Classification and Problems of Institutionalisation. *World Economy and International Relations*, 6, pp. 31–37. Retrieved from:

https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2010/4-Babynina.pdf (date of application: 10.04. 2026) (In Russian).

2. Butorina, O.V. (2020). The Narrowing of the European Union and the Potential for Integration. *Modern Europe*, 2, pp. 20–32. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/suzhenie-evropeyskogo-soyuza-i-potentsial-integratsii> (date of application: 11.03. 2026). (In Russian).

3. European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration. Kvashnin, Yu.D., Kudriavtsev, A.K., Plevako, N.S. and Shveitser, V.Ya., eds. (2019). Moscow: IMEMO RAS, IE RAS. Retrieved from: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2019/vvep2019.pdf> (date of application: 20.04. 2026). (In Russian).

4. Giddens, A. (2004). *Runaway World: How Globalisation is Reshaping Our Lives*. Translated by M.L. Korobochkina. Moscow: Ves Mir. (In Russian).

5. Moiseeva (Rudenkova), D.E. (2017). *Lobbying in the European Union: Legitimacy Crisis*. Moscow: IMEMO RAS. Retrieved from: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_011.pdf (date of application: 10.04.2026). (In Russian).

6. Habermas, J. (2008). *The Divided West*. Translated by O. Zakharova. Moscow: Ves Mir. (In Russian).

7. Schirinsky, O.J. (2025). The European Union Systemic Crisis: Causes and Consequences. In: *Belarus in the Modern World*: BSU, pp. 197–201. Retrieved from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/330259/1/197-201.pdf> (date of application: 14.03.2026). (In Russian).

8. Shulga, M.A. (2016). 'Democracy Deficit' in the European Union: Meanings and Interpretations. *Political Expertise: POLITEX*, 12(3), pp. 57–74. Retrieved from: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/347/345> (date of application: 15.04.2026). (In Russian).

9. Beetz, J.P., Pittoors, G. and Wolfs W. (2025). Why the EU's democratic deficit persists. *The Loop (ECPR)*. 8 October. Retrieved from: <https://theloop.ecpr.eu/why-the-eus-democratic-deficit-persists/> (date of application: 03.04.2026).

10. Business Investment, Productivity and Brexit (2025). National Institute of Economic and Social Research. 24 April. Retrieved from: <https://niesr.ac.uk/publications/business-investment-productivity-brexite> (date of application: 06.05.2026).

11. European Commission (2007). Commission Decision of 31 August 2007 setting up the High Level Group of Independent Stakeholders on Administrative Burdens (2007/623/EC). *Official Journal of the European Union*, L 253, pp. 40–42.

12. Vietnam.vn (2024). Europe plans to build an Iron Dome-type air defense system worth \$4.3 billion. 23 May. Retrieved from: <https://www.vietnam.vn/en/chau-au-tinh-xay-dung-he-thong-phong-khong-kieu-vom-sat-tri-gia-43-ty-usd> (date of application: 23.04.2026).

13. European Parliament (2024). Turnout in European Parliament elections (1979–2024). Retrieved from: <https://results.elections.europa.eu/en/turnout/> (date of application: 12.04.2026).
14. Eurostat (2026). PPPs for GDP per capita in 2025: preliminary estimates. Eurostat News. 25 March. Retrieved from: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/w/ddn-20260325-1> (date of application: 14.04.2026).
15. Euronews (2023). General election results in Spain leave future of next government up in the air. 24 July. Retrieved from: <https://www.euronews.com/my-europe/2023/07/24/general-election-results-in-spain-leave-the-future-of-the-next-government-up-in-the-air> (date of application: 05.04.2026).
16. Eurostat (2026). National accounts and GDP. Statistics Explained. Retrieved from: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=National_accounts_and_GDP (date of application: 27.03.2026).
17. Staykova, E. and Otova, I. (2025). The EU's new migration pact and the limits of flexible solidarity. The Loop (ECPR). 21 August. Retrieved from: <https://theloop.ecpr.eu/the-eus-new-migration-pact-and-the-limits-of-flexible-solidarity/> (date of application: 19.03.2026).
18. Sülün, D. (2024). The End of the Supranational Dream of the European Union: Toward a More Nationalist and Intergovernmental Union. Alternatif Politika, 16(3), pp. 540-569. Retrieved from: https://searchworks.stanford.edu/articles/edsdoj__edsdoj.b3051c94dad4859a4de6d6e12606847 (date of application: 14.04.2026).

Данные автора статьи

Светлакова Мария Андреевна

Svetlakova Maria Andreevna

УДК 32.019.5:004.8 + 316.77
DOI: 10.5281/zenodo.23023457
EDN: AEMGVF

Д.В. Посредников

кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: posrednikov.d@mail.ru

И.П. Ильницкий

Аспирант
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: ifilatov015@gmail.com

**МАНИПУЛЯЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ
В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ,
МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические основы манипуляции общественным сознанием в условиях распространения генеративного искусственного интеллекта. Анализируются механизмы ИИ-опосредованного воздействия, выявляются ключевые эмпирические индикаторы манипуляции и предлагается авторская модель их функционирования в цифровой среде. Обосновываются институциональные, медийные и образовательные меры противодействия возникающим угрозам.

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, манипуляция общественным сознанием, политическая коммуникация, когнитивная война, медиаграмотность.*

Summary

The article examines the theoretical foundations of public consciousness manipulation in the context of the spread of generative artificial intelligence. It analyzes the mechanisms of AI-mediated influence, identifies key empirical indicators of manipulation, and proposes an original model of their functioning in the digital environment. Institutional, media, and educational measures for countering emerging threats are substantiated.

Keywords: *generative artificial intelligence, public consciousness manipulation, political communication, cognitive warfare, media literacy.*

Актуальность проблемы. Стремительная цифровизация инфраструктуры и экспансия глобальных коммуникационных сетей выступают мощными драйверами глубинных технологических и общественно-политических сдвигов. Эти процессы актуализировали проблему экспоненциального нарастания системных рисков в сфере государственного управления и национальной безопасности. В условиях эскалации геополитической напряженности наблюдается качественный сдвиг в стратегиях противоборствующих акторов: наряду с сохранением традиционных инструментов военно-экономического давления все более значимую роль приобретают интенсивные информационно-психологические и политические операции, органично интегрированные в контур гибридного воздействия.

Современный этап конфликтности характеризуется переносом основного усилия в когнитивную сферу. Здесь центральным элементом становится конструирование и массовое тиражирование нарративов, нередко генерируемых с помощью технологий генеративного искусственного интеллекта. Это позволяет оперативно влиять на массовое сознание, создавать высоко персонализированные смысловые модели реальности и эффективно обходить традиционные механизмы фильтрации информации, существовавшие в эпоху доминирования традиционных СМИ.

Особенно уязвимой в этих условиях оказалась социально-политическая система Российской Федерации — на уровне институтов власти, процессов принятия решений, общественных настроений и ценностных ориентаций. Возрастающая интенсивность и сложность внешних деструктивных воздействий, направленных на подрыв легитимности государственных институтов и общей управляемости, актуализировали необходимость системного научного осмысления существующих подходов к защите национального суверенитета, в том числе в когнитивной сфере.

Степень научной разработанности проблемы достаточно высока. Теоретические основы взаимодействия человека и интеллектуальных систем раскрыты в работах Р. Докинза [2], Д. Чалмерса [7], И.П. Березовской и В.А. Серковой [1], Д.И. Дубровского [3], В.А. Лекторского [5]. Проблематика информационно-психологического воздействия и манипулирования общественным сознанием традиционно исследуется в трудах К.Л. Зуйкиной и Д.В. Соколовой [4], А.А. Хабарова [6]. Киберугрозы и риски применения ИИ анализируются М.А. Шнепсом-Шнеппе [8; 16]. Политические последствия развития генеративного ИИ освещаются в исследованиях И. Калиева (и соавторов) [12], А. Пазюк (и соавторов) [15], Дж. Акбулут (и соавторов) [9], С. Вествуд [17], Ю. Цзинь, Дж. и Ю. Чжу [11] и других.

Цель исследования – разработать теоретические модели влияния генеративного искусственного интеллекта на общественное сознание, выявить ключевые эмпирические индикаторы манипулятивного воздействия в цифровой среде и предложить комплексные политические механизмы противодействия таким угрозам в современных условиях.

В процессе работы использованы: системный подход; сравнительный анализ; политико-коммуникационный анализ; контент-анализ; кейс-стади.

Можно предположить, что распространение генеративного ИИ повышает эффективность манипулятивного воздействия за счет масштабируемой персонализации коммуникации.

Научные представления о манипуляции общественным сознанием прошли длительную эволюцию. Классические концепции массового общества первой половины XX века подчеркивали уязвимость атомизированной массы перед пропагандистским воздействием, где средства массовой информации выступали главным инструментом формирования ложного сознания. Теории пропаганды Г. Лассуэлла и Э. Бернейса акцентировали внимание на целенаправленном использовании символов, эмоций и техники повторения для влияния элит на общественное мнение. В послевоенный период развитие получили теории политического влияния. Исследования конформизма К. Левина, эксперименты С. Милграма по послушанию авторитету и концепция «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман объяснили механизмы создания иллюзии преобладающего мнения и давления социального окружения.

Современные подходы к изучению информационно-психологического воздействия активно интегрируют данные когнитивной психологии и теории коммуникаций. Особое значение имеют техники лингвокогнитивного манипулирования: построение бинарных оппозиций «свой – чужой», демонизация противника, эксплуатация базовых эмоций – страха, ненависти, зависти и расчеловечивание оппонента [6]. Ярким примером служит украинский кейс после 2014 года, где традиционные СМИ в рамках такой оппозиции способствовали формированию внутригрупповой идентичности.

Значимым шагом в развитии теории манипуляции стала концепция когнитивной войны, предложенная военными аналитиками НАТО – Августом Коулом и Ле Гиадером. Когнитивная сфера рассматривается как шестая область военных операций наряду с традиционными доменами. Ключевыми атрибутами выступают когнитивные эффекты (изменение способностей целей), элемент противоборства и технологические средства усиления атак. В отличие от гибридной войны, где невоенные инструменты дополняют кинетическую фазу, в когнитивной войне информационно-психологические операции приобретают самостоятельный стратегический статус, направленный на изменение процессов принятия решений у лидеров и населения противника.

Важным теоретическим различием является противопоставление вредоносной манипуляции (*harmful manipulation*), эксплуатирующей эмоциональные и когнитивные уязвимости, и полезного убеждения (*beneficial persuasion*), опирающегося на факты и способствующего рациональному выбору [13].

Генеративный ИИ выступает принципиально новым инструментом политической коммуникации. Его ключевые особенности – сверхвысокая скорость генерации контента, глубокая персонализация на основе психографических и поведенческих данных, а также мультимодальность (текст,

изображения, видео, аудио). Происходит существенная трансформация субъектов производства политического контента: традиционные акторы дополняются или заменяются автономными ИИ-агентами. Существенно снижаются барьеры для массового распространения манипулятивных сообщений – теперь даже небольшие группы или отдельные индивиды способны генерировать и распространять тысячи персонализированных единиц воздействия, эффективно обходя редакционные фильтры и традиционный фактчекинг.

Примерами институционализации таких практик служат продукт компании Palantir платформа Foundry, используемая издательским домом Springer (контролирует The Telegraph, Politico и другие издания), которая интегрирует пользовательские данные для корректировки редакционной политики.

Аналогично, игровые платформы, такие как Pokémon Go, использованы для сбора пространственных данных (более 30 миллиардов изображений), впоследствии применявшихся для обучения ИИ: созданные на основе этих данных 3D-карты и алгоритмы будут применяться в военных дронах и автономных роботах для навигации в условиях отсутствия GPS-сигнала.

Теоретическая модель ИИ-опосредованной политической манипуляции может включать в себя пять основных элементов: политические акторы (задающие цели), генеративные платформы (производящие контент), цифровые медиопосредники (обеспечивающие распространение и таргетирование), целевые аудитории (сегментированные по данным) и контуры распространения с петлями обратной связи. Усиление воздействия достигается через координацию нарративов, имитацию общественной поддержки и эксплуатацию информационных пузырей. Модель опирается на два независимых, подобных предложенным DeepMind, измерения: эффективность изменения убеждений / поведения (efficacy) и склонность (propensity) к использованию манипулятивных стратегий, между которыми отсутствует устойчивая положительная корреляция [9].

Генеративный ИИ открывает широкие возможности для применения в политической коммуникации. Основными направлениями выступают автоматизированное производство политических сообщений в огромных объемах, персонализация пропагандистского контента под индивидуальные психографические профили, масштабирование информационных кампаний через сети ботов и аккаунтов, а также имитация широкой общественной поддержки посредством генерации фейковых комментариев, отзывов и трендов. Установлено, что добавление от 10 до 52 ИИ-генерированных ответов способно существенно исказить результаты социологических опросов [17].

Ключевыми эмпирическими индикаторами манипулятивного воздействия в цифровой среде являются искусственная эмоционализация политической повестки (апелляция к страху, чувству вины, созданию ложной срочности), координированное распространение идентичных нарративов, формирование ложного ощущения общественного консенсуса и целенаправленная

эксплуатация когнитивных искажений аудитории. Согласно исследованию DeepMind, даже без явной инструкции 30,3% ответов ИИ содержат манипулятивные приемы (эмоционально-аффективные, когнитивно-искажающие и социально-идентитарные) [9].

Генеративный ИИ радикально трансформирует механизмы формирования общественного мнения. Происходит стирание границ между достоверным и синтетическим контентом, что приводит к зависимости от ИИ: пользователи, активно использующие чат-боты для проверки новостей, со временем хуже самостоятельно распознают дезинформацию. Усиливается эффект информационных пузырей, наблюдается возрастание скорости циркуляции политической дезинформации, меняется структура доверия к традиционным СМИ и политическим институтам.

Эмпирически зафиксировано заметное снижение критического мышления: в пилотных исследованиях крайне малая часть молодых респондентов уверенно различают фейковые новости [4]. Работа И. Калиева (1795 респондентов) выявила отрицательную корреляцию индекса восприятия ИИ-манипуляции с уровнем доверия к политической информации, ощущением субъектности и качеством публичных дискуссий. Наиболее уязвимыми группами остаются пользователи Telegram, YouTube, а также молодежь 18–29 лет [12].

Создание эффективного противодействия требует развития многоуровневой системы институциональных механизмов регулирования. Государственная политика в сфере цифровых коммуникаций в настоящее время включает различные решения: создание национальных систем мониторинга и блокировки. В России – это «Шерлок 3о» (антифрод-система российской компании Smart Engines), прокси-шлюзы; в Китае – превентивное регулирование через САС; в Европейском Союзе – AI Act, внедрение обязательной машиночитаемой маркировки GenAI-контента (вступают в силу 2 августа 2026 года). Есть действующие разработки у Пентагона, НАТО и отдельных стран.

Значительную роль в противодействии манипуляции сознанием играют СМИ и институты гражданского общества. Ключевыми инструментами остаются независимый фактчекинг, качественная журналистика и общественный контроль над деятельностью цифровых платформ.

В долгосрочной перспективе решающее значение имеет формирование устойчивости общества к манипулятивному воздействию. Политическая медиаграмотность и развитие культуры критического мышления должны рассматриваться как важнейший фактор национальной безопасности. Необходимы механизмы общественной верификации информации, включая многоуровневую систему: контентный анализ (лингвистические маркеры, стилометрия, детекция дипфейков), поведенческий (Dual-Task Detection), когнитивный и экосистемный уровни. Технические решения (AutoGuard, LLM Warden, аппаратные «выключатели») следует дополнять практическими ИПСО-учениями, тренирующими население распознавать манипуляции в реальном времени.

Таким образом, генеративный искусственный интеллект, превращаясь из вспомогательного инструмента в полноценного стратегического актора когнитивной войны, способствует изменению диапазона применения манипуляции. Предложенная модель акцентирует внимание на взаимодействии политических акторов, генеративных платформ, медиапосредников и аудиторий в рамках динамичных петель обратной связи. Эмпирические индикаторы – от искусственной эмоционализации и имитации консенсуса до «парадокса зависимости от ИИ» и расхождения поискового поведения с официальной социологией – требуют принципиально нового подхода к верификации, ориентированного прежде всего на реальную эффективность манипулятивного воздействия.

Комплексные механизмы противодействия, сочетающие институциональное регулирование, технологические решения и развитие человеческого капитала (медиаграмотность, критическое мышление), способны обеспечить необходимую устойчивость общества. Только такая интеграция позволит сохранить суверенитет и эффективно противостоять вызовам эпохи генеративного ИИ. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической валидацией моделей в различных культурно-политических контекстах и разработкой адаптивных практик защиты.

Список источников и литературы:

1. Березовская И. П., Серкова В. А. Технологическая сингулярность: историко-философский анализ концепции // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 3. – С. 233–236.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз ; пер. с англ. Н. Фоминой. – М.: АСТ: Corpus, 2013. – 509 с.
3. Дубровский Д. И. Задача создания Общего искусственного интеллекта и проблема сознания // Философские науки. – 2021. – Т. 64, № 1. – С. 13–44. – DOI 10.30727/0235-1188-2021-64-1-13-44.
4. Зуйкина К. Л., Соколова Д. В. Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 71. – С. 310–326. – DOI 10.17223/19986645/71/19.
5. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2022. – 328 с.
6. Хабаров А. А. Техники лингвокогнитивного манипулирования в реалиях информационно-психологического противоборства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 72–82.
7. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. – М.: УРСС, 2013. – 512 с.
8. Шнепс-Шнеппе М. А. Искусственный интеллект и киберугрозы. – М.: Горячая линия – Телеком, 2024. – 240 с.

9. Akbulut C., Elasmara R., Roy A., Payne A., Suresh P., Ibrahim L., El-Sayed S., Rastogi C., Kachra A., Hawkins W., Lum K., Weidinger L. Evaluating Language Models for Harmful Manipulation // arXiv. – 2026. – ArXiv:2603.25326. – 56 p.
10. Geoffrey Hinton: ChatGPT's Intelligence Is Absolutely Inhuman // Metaverse Post. – 2023. – March 30. – URL: <https://mpost.io/geoffrey-hinton-chatgpt-has-absolutely-inhuman-intelligence/> (accessed: 23.06.2026).
11. Jin Y., Zhu J., Zhu Y., Bi C. Identifying Characteristics of Public Opinion Manipulation and Response Strategies by Generative AI in Social Media // Information Studies: Theory & Application. – 2025.
12. Kaliyev I., Zhanpeiissova K., Kopezhanova D., Malibayev M., Turgaleyeva A. Artificial Intelligence and Social Media as New Arenas of Political Competition: Challenges for Democracy // Frontiers in Political Science. – 2026. – Vol. 8. – Article 1821621. – DOI 10.3389/fpos.2026.1821621.
13. King H. Protecting People from Malicious Manipulation // DeepMind Blog. – URL: <https://deepmind.google/discover/blog/> (accessed: 23.06.2026).
14. Costello T. H., Pennycook G., Rand D. G. et al. LLM-Generated Messages Can Persuade Humans on Policy Issues // Nature Communications. – 2025. – Vol. 16. – Art. 4047.
15. Paziuk A., Lande D., Shnurko-Tabakova E., Kingston P. Decoding Manipulative Narratives in Cognitive Warfare: A Case Study of the Russia–Ukraine Conflict // Frontiers in Artificial Intelligence. – 2025. – Vol. 8. – Art. 1559085. – DOI 10.3389/frai.2025.1559085.
16. Sneps-Snepp M. A. On Dangers of Artificial Intelligence // International Journal of Open Information Technologies. – 2025. – Vol. 13, No. 4. – P. 1–7.
17. Westwood S. J. How AI Can Rig Polls // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2024–2025.

REFERENCES

1. Berezovskaya I.P., Serkova V.A. Tekhnologicheskaya singulyarnost': istoriko-filosofskiy analiz kontseptsii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. – 2025. – № 3. – S. 233–236.
2. Dawkins R. Egoistichnyy gen / R. Dokinz ; per. s angl. N. Fominoy. – M.: AST: Corpus, 2013. – 509 s. – ISBN 978-5-17-077772-3.
3. Dubrovskiy D.I. Zadacha sozdaniya Obshchego iskusstvennogo intellekta i problema soznaniya // Filosofskie nauki. – 2021. – T. 64, № 1. – S. 13–44. – DOI 10.30727/0235-1188-2021-64-1-13-44.
4. Zuikina K.L., Sokolova D.V. Osobennosti identifikatsii feikovykh novostey molodezhnoy auditoriey // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2021. – № 71. – S. 310–326. – DOI 10.17223/19986645/71/19.
5. Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta / pod red. V.A. Lektorskogo. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiiy tsentr, 2022. – 328 s.
6. Khabarov A.A. Tekhniki lingvokognitivnogo manipulirovaniya v realiyakh informatsionno-psikhologicheskogo protivoborstva // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2021. – № 3. – S. 72–82.

7. Chalmers D. Soznayushchiy um: v poiskakh fundamental'noy teorii / per. s angl. – M.: URSS, 2013. – 512 s.
8. Shneps-Shneppe M.A. Iskusstvennyy intellekt i kiberugrozy. – M.: Goryachaya liniya – Telekom, 2024. – 240 s.
9. Akbulut C., Elasmr R., Roy A., Payne A., Suresh P., Ibrahim L., El-Sayed S., Rastogi C., Kachra A., Hawkins W., Lum K., Weidinger L. Evaluating Language Models for Harmful Manipulation // arXiv. – 2026. – ArXiv:2603.25326. – 56 p.
10. Geoffrey Hinton: ChatGPT's Intelligence Is Absolutely Inhuman // Metaverse Post. – 2023. – March 30. – URL: <https://mpost.io/geoffrey-hinton-chatgpt-has-absolutely-inhuman-intelligence/> (accessed: 23.06.2026).
11. Jin Y., Zhu J., Zhu Y., Bi C. Identifying Characteristics of Public Opinion Manipulation and Response Strategies by Generative AI in Social Media // Information Studies: Theory & Application. – 2025.
12. Kaliyev I., Zhanpeiissova K., Kopezhanova D., Malibayev M., Turgaleyeva A. Artificial Intelligence and Social Media as New Arenas of Political Competition: Challenges for Democracy // Frontiers in Political Science. – 2026. – Vol. 8. – Article 1821621. – DOI 10.3389/fpos.2026.1821621.
13. King H. Protecting People from Malicious Manipulation // DeepMind Blog. – URL: <https://deepmind.google/discover/blog/> (accessed: 23.06.2026).
14. Costello T. H., Pennycook G., Rand D. G. et al. LLM-Generated Messages Can Persuade Humans on Policy Issues // Nature Communications. – 2025. – Vol. 16. – Art. 4047.
15. Paziuk A., Lande D., Shnurko-Tabakova E., Kingston P. Decoding Manipulative Narratives in Cognitive Warfare: A Case Study of the Russia–Ukraine Conflict // Frontiers in Artificial Intelligence. – 2025. – Vol. 8. – Art. 1559085. – DOI 10.3389/frai.2025.1559085.
16. Sneps-Sneppe M. A. On Dangers of Artificial Intelligence // International Journal of Open Information Technologies. – 2025. – Vol. 13, No. 4. – P. 1–7.
17. Westwood S. J. How AI Can Rig Polls // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2024–2025.

Данные авторов статьи

Посредников Дмитрий Владимирович ORCID 0009-0009-2369-3683	Posrednikov Dmitry Vladimirovich
Ильницкий Иван Павлович	Ilitsky Ivan Pavlovich

ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

УДК 323.1

DOI: 10.5281/zenodo.23023470

EDN: AFQUTG

Ю.Б. Николаев

Директор центра этнополитической реабилитации ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: kolaev55@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ: НИВЕЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье анализируются взгляды известных исследователей наций и национализма, при этом наибольшее внимание уделяется формированию наций в рамках конструктивистской парадигмы. Отмечается отсутствие у последователей национализма автохтонности на любой территории, на которые они могут претендовать. Исходя из этого, предлагаются конкретные меры по нивелированию проблемы украинского национализма, в силу различных обстоятельств сохранившегося в новых субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: украинский национализм, нивелирование проблемы украинского национализма, коммеморативная государственная политика.

Summary

Due to various circumstances, an environment professing the ideology of Ukrainian nationalism has been preserved in the new subjects of the Russian Federation. The article analyzes the views of well-known researchers of nations and nationalism, with the greatest attention being paid to the formation of nations within the constructivist paradigm. An essential feature of constructivist peoples is their lack of autochthony in any territory they may claim. Based on this circumstance, specific measures are proposed to address the problem of Ukrainian nationalism in the new regions of the Russian Federation.

Keywords: Ukrainian nationalism leveling the problem of Ukrainian nationalism, commemorative state policy.

Зарождение и формирование национальных движений в конечном итоге приводит к двум результатам. С одной стороны, происходит возникновение нового национального государства, с другой – разрушается старое полиэтническое государства или империя. Таким образом, возникновение и развитие национальных движений на территории полиэтнического государства создаёт реальные предпосылки для его последующего разрушения, в чём и заключается актуальность данной работы.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей возникновения и развития национальных движений, несущих угрозы существования полиэтнического государства, в котором они локализованы, в целом и украинского национализма в частности; определение путей противодействия украинскому национализму в новых субъектах Российской Федерации с учётом современных условий.

Зарождение и формирования национальных движений изучали Б. Андерсон [1], Э. Геллнер [2], М. Грох [3], Э. Хобсбаум [4] и другие.

Б. Андерсон исследовал возникновение и развитие креольских наций. Последнюю он определяет как «...воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [1, с. 30]. Таким образом Б. Андерсон наделяет нацию рядом качеств, к которым, возможно, необходимо добавить и другие. Если нацию определить как воображаемое, ограниченное, суверенное политическое сообщество, то полиэтническое государство также соответствует таким критериям.

В предисловии к русскому изданию своей книги британский антрополог Э. Геллнер отмечает, что в английском языке термин *национализм* «...употребляется в нейтральном смысле и не содержит оттенка как одобрения, так и не одобрения», в то время как в «современном русском языке это слово имеет явно отрицательный оттенок» [2, с. 5]. Он считает, что «национализм – это, прежде всего, политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [2, с. 23].

Британский исследователь указывает, что «кроме того, нация может жить, не смешиваясь с иноплеменниками, во множестве государств, не имея собственного национального государства» [2, с. 23–24], как, например, курды. Последние проживают на территории Ирака, Ирана и Турции и не имеют своего суверенного государства. Таким образом, понимание нации у Э. Геллнера и Б. Андерсона не совпадают. При этом Э. Геллнер не даёт своего определения нации.

Британский историк Э. Хобсбаум определяет момент появления национализма 1780 годом, что фиксирует в названии своей книги. В его исследовании приведена масса подробностей из истории развития национальных движений в различных странах. При этом автор подаёт материал как историк и не стремится делать этнополитических выводов [4].

В отличие от предыдущего автора чешский историк М. Грох говорит, что целью его работы «было не создание теории национального строительства, а

скорее выработка эффективных методов, позволяющих классифицировать и оценивать опыт создания нации как процесса, происходящего в рамках более глобальной социальной и культурной истории» [3, с. 121]. По мнению М. Гроха возникновение наций это сугубо европейское явление: «Итак, "нация", безусловно, является не вечной категорией, а продуктом долгого и сложного процесса исторического развития в Европе» [3, с.125]. Процесс формирования нации чешский историк разбивает на три фазы: А, В и С.

В фазе А «энергия активистов национального движения была прежде всего направлена на тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы и на закрепление этих фактов в сознании соотечественников...» [3, с. 125].

В фазе В новое поколение активистов пыталось «завоевать как можно больше сторонников из числа представителей своей этнической группы для реализации планов по созданию будущей нации, и делали это при помощи патриотической агитации, призванной "разбудить" в них национальное самосознание» [3, с. 125].

В фазе С «подавляющая часть населения начинала придавать особое значение своей национальной идентичности...», в этот период «...обретала жизнь завершённая социальная структура и движение подразделялось на консервативно-клерикальное, либеральное и демократическое крылья, каждое из которых имело свою собственную программу» [3, с.125]. Отмечая, что «Интеллектуалы способны "изобретать" национальные сообщества только в том случае, если уже существуют определенные объективные предпосылки для образования нации» [3, с. 122], М. Грох определяет этот процесс как творческий. А значит, и фазы А, В и С могут быть творчески интерпретированы.

Необходимо отметить, что глагол *изобретать* в отношении формирования наций использовал и Э. Хобсбаум [4, сс. 19, 80, 83, 147, 276, 282]. Но что нужно было изобретать при создании венгерского, польского, чешского национальных государств? У этих народов уже были исторически сложившиеся языки, культуры, экономики. Венгерская, польская, чешская нации формировались в рамках примордиальной парадигмы. Все перечисленные нации формировались автохтонными¹ народами.

В случае Украины нация создавалась в рамках конструктивистской парадигмы на базе субэтнической группы российского этноса. Реализация проекта предполагала изобретение языка, истории и культуры. У созданного искусственным путём этноса, народа и т. п. изначально не может существовать территории, где он бы был автохтонным, что является его ахиллесовой пятой.

В советское время деятельность автора была связана с противодействием украинскому национализму. В то время нынешняя территория Донецкой Народной Республики входила в состав Украинской ССР. По этой причине украинские националисты ментально относили себя к автохтонному населению,

¹ Автохтоны (от греч. *autos* 'сам' + *chthon* 'земля') — первоначальное, исконное население страны, какой-либо местности, территории.

каковым в действительности они никогда не были. Тем не менее данное обстоятельство вытекало из советской идеологии и фактически препятствовало устранению проблемы национализма. История показывает, что существующее украинское государство располагается на территориях, ранее принадлежащих России на основании межгосударственных договоров, в том числе:

Андрусовское соглашение 1667 г. (России отошло Левобережье Днепра до реки Конская) [5, с. 466–469];

Вечный мир (Мир Гжимуловского) 1686 г. (Выкуп регентом Софьей Киева с окрестностями за 146 тыс. серебряных рублей) [5, с. 476–482];

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г.; (России отошли восточное и северное Приазовье до реки Берда и участок Северного Причерноморья от Днепра до Южного Буга) [6];

Ясский мирный договор 1791 г. (России отошла часть Северного Причерноморья между Южным Бугом и Днестром) [7, с. 148–156];

«Высочайший Манифест о принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу» (1783 г. Апрель 08) [8];

Русско-прусская секретная конвенция о втором разделе Польши 1793 г. (России отошло Правобережье Днепра) [5, с. 497–500].

В рамках настоящего исследования автор стремится определить уязвимые места украинского национализма, а поэтому в нём рассматриваются только ключевые договоры и государственные акты, в соответствии с которыми происходило приращение российских территорий. Приведенные договоры иллюстрируют, что ещё в недавнем прошлом ни Украины на нынешних её территориях, ни проживающих там украинцев в действительности не существовало.

Украинцы появляются только в конце XIX века в австро-венгерской Галиции. Этот факт зафиксирован в литературных источниках галицких русинов. «В 1890 году два галицко-русских депутата галицкого сейма – Ю. Романчук и А. Вахнянин – объявили с сеймовой трибуны, "от имени" представляемого ими населения Галичины, что народ, населяющий её, – не русский, а особый украинский» [9, с. 53]. Польские и австрийские целенаправленно искали депутатов сейма, которые бы с трибуны сейма объявили галичан отличным от русских народом [Там же]. Так, в 1848 г. австрийский губернатор Галиции Стадион, обращаясь галицким русофилам, заявил: «Вы можете рассчитывать на поддержку правительства только в том случае, если захотите быть самостоятельным народом и откажетесь от национального единства с народом вне государства, именно в России, т. е. если захотите быть рутенами, не русскими» [10, с. 803].

В 1868 г. во Львове было создано Общество «Просвита», которое объединяло проавстрийски настроенную русинскую интеллигенцию, известную под названием «народовцы»¹. Первым председателем правления «Просвиты»

¹ Не путать с русскими народниками.

был А. Вахнянин, а Ю. Романчук являлся одним из её руководителей. В 1873 г. во Львове было создано Научно-просветительское общество имени Т. Г. Шевченко. В 1897–1913 гг. председателем правления общества являлся М. С. Грушевский, возглавивший в 1917 г. Украинскую центральную раду.

Договаривавшийся с немецким министерством иностранных дел о финансировании революционной борьбы большевиков А. Л. Парвус, в своём меморандуме говорил о независимости Украины и Финляндии как о само собой разумеющемся [11]. По этой причине после победы революции большевики были вынуждены предоставить независимость Финляндии и создать придуманную в австро-венгерской Галиции Украину.

На первоначальном этапе отторжение российских территорий в пользу Украины было закреплено в сомнительном Союзном рабоче-крестьянском договоре между РСФСР и СССР от 29 декабря 1920 г.: «из самого факта прежней принадлежности территории Украинской Социалистической Советской Республики к бывшей Российской империи для Украинской Социалистической Советской Республики не вытекает никаких обязательств по отношению к кому бы то ни было» [12]. Со стороны РСФСР договор подписали председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин и народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин, а со стороны Украины – председатель Совета народных комиссаров и народный комиссар по иностранным делам Х. Г. Раковский. По сути, В. И. Ленин подписал договор о закреплении за Украиной сотен тысяч российских территорий со своим подчинённым, находящимся в полной зависимости от него. Проведения каких-либо референдумов по выявлению волеизъявления проживающего на них населения ленинская национальная политика не предусматривала. Вместо этого русскоязычное население было подвергнуто насильственной украинизации (коренизация), которая продолжалась значительную часть довоенного периода [13].

Союзный договор от 30.12.1922 г. фактически закрепил отторжение в пользу Украины российских территорий переданных ей указанным выше небесспорным договором от 29 декабря 1920 г. Возможные действия со стороны РСФСР по возврату утраченных территорий нивелировались организационными методами: в 1922–1990 гг. РСФСР не имело высшей политической власти в лице республиканской компартии и республиканского КГБ (до него – НКВД), как это было в других республиках. Подобная конструкция лишала правительство РСФСР возможности принимать и реализовывать политические решения, что позволяло властям СССР изымать у России территориальные и иные ресурсы в пользу других союзных республик. Данное обстоятельство свидетельствует о справедливом характере действий РФ в процессе СВО. Военных действий можно было бы избежать, если бы украинские власти выполнили требования п. 7 ст. 14 закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 03 апреля 1990 г., который требовал согласования статуса территорий, не принадлежавших выходящей республике на момент ее вступления в состав СССР [14].

Необходимо также отметить, что п. 1 ст. 14 этого закона требовал определения судьбы находящихся на территории республики объектов общесоюзной собственности (предприятий и комплексов базовых отраслей промышленности, космических исследований, энергетики, связи, морского, железнодорожного и воздушного транспорта, линий связи, магистральных трубопроводов, имущества Вооруженных Сил СССР, оборонных и других объектов), а также собственности общесоюзных общественных организаций [14]. Сегодня Украина предъявляет права на необоснованно присвоенные ею Запорожскую АЭС и иные объекты бывшей общесоюзной собственности.

В настоящее время на территориях новых субъектов Российской Федерации в силу различных обстоятельств сохранилась часть населения, исповедующая идеологию украинского национализма. В этих условиях существует реальная угроза сохранения в регионе украинской националистической среды, порождающей негативные и откровенно враждебные проявления.

Очевидно, что в основе идеологии каждого конкретного национализма всегда лежит идея создания независимого суверенного государства. До реализации своей конечной цели территория, на которой действует такое националистическое движение, ещё продолжает входить в состав полиэтнического государства или империи. С точки зрения правительства полиэтнического государства такая деятельность будет квалифицироваться как сепаратистская. Очевидно, ведя борьбу за отделение, сепаратисты могут претендовать только на ту территорию, где они принадлежат к автохтонному населению. В противном случае это будет не националистическая, а шовинистическая деятельность. Для определения действенных мероприятий по противодействию национализму в каждом конкретном случае важно понимать относятся ли лица, относящие себя к националистам к автохтонному населению или нет. В отличие от советского периода на территориях новых регионов Российской Федерации, как следует из выше приведенных договоров, ни украинские националисты, ни сами украинцы к автохтонному населению не принадлежат. В этих условиях наиболее продуктивным путём борьбы с украинским национализмом на территориях новых субъектов могла бы стать государственная коммеморативная политика, направленная на возведение в населённых пунктах региона мемориалов, посвящённых событиям, в результате которых они изначально вошли в состав России, и последующим чествованием годовщин этих событий, например заключению Андрусовского соглашения 1667 г., заключению Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., заключению Ясского договора 1791 г., заключению Договора о вечном мире 1786 г. и т. п. Такая коммеморативная практика будет формировать у украинских националистов психологию чужаков, пришедших со своим уставом в чужой монастырь.

Список источников и литературы:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. — М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле. — 2001. — 288 с.
2. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. — М. : Прогресс, 1991. — 320 с.
3. Грох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Грох // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Грох и др. — М. : Праксис, 2002. — С. 121–145.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильева. — СПб: Алетейя, 1998. — 307 с.
5. Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв.: Вып. 2. Войны и мирные договоры. Книга I: Европа и Америка. Справочник / В. В. Похлёбкин. — М. : Междунар. Отношения, 1995. — 782 с.
6. Миловский Н. М. Кючук-Кайнарджийский мирный договор и итоги русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в российской историографии / Н. М. Милославский // Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ. — 2025. — Т. 24. № 2. — С. 264–276.
7. Керсновский А. И. История русской армии. Т.1 / А. И. Керсновский. — М. : Голос, 1991. — 304 с.
8. Высочайший Манифест о принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, подъ Российскую Державу (1783 г. Апрель 08) // Интернет-ресурс Русский портал. — URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1783_04_08_01.
9. Тёрох И. И. Украинизация Галичины / И. И. Тёрох // Путями истории. Т.1. / Под. ред. О. А. Грабаря. — Н-Й. : изд. Свободного слова Карпатской Руси, 1977. — С. 51–60.
10. Белгородский А. Галицкая Русь в борьбе за веру и народность / А. Белгородский // Нива. — № 42. — 1914. — С. 801–806.
11. Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса // Э. Хереш; пер. с нем. И. Г. Биневой. — М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. — 380 с.
12. Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР от 29 декабря 1920 г. / Образование Союза Советских Социалистических Республик : Сборник документов — М. : Наука, 1972. — С. 166–168.
13. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы / Е. Ю. Борисёнок. — М. : Европа, 2006. — 241 с.
14. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 года № 1410-I. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_03.04.1990_№_1409-I.

REFERENCES

1. Anderson, B. (2001) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Transl. by V. Nikolaev. Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole. 288 p. (In Russian).

2. Gellner, E. (1991) *Nations and Nationalism*. Moscow, Progress. 320 p. (In Russian).
3. Hroch, M. (2002) From National Movements to the Fully Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe. In: Anderson, B., Bauer, O., Hroch, M. et al. (eds.) *Nations and Nationalism*. Moscow, Praksis, pp. 121–145. (In Russian).
4. Hobsbawm, E. (1998) *Nations and Nationalism since 1780*. Transl. by A.A. Vasilyev. St. Petersburg, Aleteyya. 307 p. (In Russian).
5. Pokhlyobkin, V.V. (1995) *Foreign Policy of Rus', Russia and the USSR for 1000 Years in Names, Dates and Facts. Issue 2. Wars and Peace Treaties. Book I: Europe and America. Reference*. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya. 782 p. (In Russian).
6. Milovsky, N.M. (2025) Kuchuk-Kainardzhi Peace Treaty and the Results of the Russian-Turkish War of 1768–1774 in Russian Historiography. *Vestnik RUDN. Seriya: ISTORIYA ROSSII = RUDN Journal of Russian History*. 24 (2), 264–276. (In Russian).
7. Kersnovsky, A.I. (1991) *History of the Russian Army*. Vol. 1. Moscow, Golos. 304 p. (In Russian).
8. The Highest Manifesto on the Acceptance of the Crimean Peninsula, Taman Island and the Entire Kuban Side under the Russian State (1783, April 08) *Russkiy portal*. Retrieved from: https://rusportal.ru/index.php?id=russia.manifest1783_04_08_01 (date of application: 26.06.2026). (In Russian).
9. Tjorokh, I.I. (1977) Ukrainization of Galicia. In: Grabar, O.A. (ed.) *Putiami istorii = By the Paths of History*. Vol. 1. New York, Izdanie Svobodnogo slova Karpatskoi Rusi, pp. 51–60. (In Russian).
10. Belgorosky, A. (1914) Galician Rus' in the Struggle for Faith and Nationality. *Niva*. 42, 801–806. (In Russian).
11. Khereš, E. (2004) *The Bought Revolution. The Secret Affair of Parvus*. Transl. by I.G. Bineva. Moscow, OLMA-PRESS Obrazovanie. 380 p. (In Russian).
12. Union Workers'-Peasants' Treaty between the RSFSR and the Ukrainian SSR of December 29, 1920. (1972) In: *The Formation of the Union of Soviet Socialist Republics: Collection of Documents*. Moscow, Nauka, pp. 166–168. (In Russian).
13. Borisenyok, E.Yu. (2006) *The Phenomenon of Soviet Ukrainization, 1920s–1930s*. Moscow, Evropa. 241 p. (In Russian).
14. Law of the USSR “On the Procedure for Resolving Issues Related to the Secession of a Union Republic from the USSR” No. 1410-I of April 3, 1990. Retrieved from: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_03.04.1990_№_1409-I (date of application: 26.06.2026). (In Russian).

Данные автора статьи

Николаев Юрий Борисович ORCID: 0000-0002-9633-5141	Nikolaev Yuri Borisovich
--	---------------------------------

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

УДК 37.035.4 + 316.353 + 008
DOI: 10.5281/zenodo.23023493
EDN: AVPFXV

А.Х. Василяди

преподаватель

Донецкий филиал

ФГКОУ ВО «Волгоградская Академия МВД России»

E-mail: vasilex97@mail.ru

А.А. Киор

курсант

Донецкий филиал

ФГКОУ ВО «Волгоградская Академия МВД России»

E-mail: kior.anastasiia08@gmail.com

НОВЫЕ ФОРМЫ ПАТРИОТИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: АКТИВИЗМ, ВОЛОНТЕРСТВО И ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация

В статье исследуются новые формы патриотизма, возникающие в молодежной среде в условиях современных социальных и политических вызовов. Опыт «Молодой Гвардии» в Донецкой Народной Республике подтверждает, что молодежь перешла от формального воспитания к реальной гражданской позиции: через волонтерство и активизм молодые люди стали самостоятельными субъектами, решающими реальные задачи общества.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, активизм, волонтерство, «Молодая Гвардия».

Summary

The article explores new forms of patriotism emerging among young people in the context of modern social and political challenges. The experience of the "Young Guard" in the Donetsk People's Republic confirms that young people have moved from formal education to a real civic position: through volunteerism and activism, young people have become independent actors solving real problems of society.

Keywords: patriotism, youth, activism, volunteerism, «Young Guard».

Патриотическое воспитание молодежи традиционно рассматривается как одна из приоритетных задач государственной политики, направленная на сохранение исторической памяти, укрепление гражданской идентичности и формирование ответственного отношения к судьбе Отечества. В современных условиях патриотизм приобретает новые формы выражения, выходящие за рамки традиционных представлений о любви к Родине. Наиболее явными из которых являются: активное участие в жизни общества, волонтерская деятельность, пособничество в сохранении и охране исторического наследия. Донецкая Народная Республика выступает одним из ключевых городов области, где подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны имеет непоколебимое значение и в современности, что подтверждает деятельность молодежной организации «Молодая гвардия», которую, в свою очередь, вносит значительную лепту в формировании гражданской позиции населения. Деятельность организации находит своё отражение в агитационной и разъяснительной деятельности, гражданской активности и поддержании трудов, направленных на сохранение исторического наследия.

В своих работах З.З. Маздогова систематически приводит разъяснение термина «патриотизм», согласно которому его следует понимать, как социальное качество, формирующее этико-правовые барьеры в процессе воспитания и самовоспитания [1].

Указанные процессы наиболее активно проявляются в деятельности молодежных организаций на территориях, где непосредственно ведутся вооруженные действия, либо приграничные к таковым зоны, где пришлось столкнуться с наиболее острыми вызовами современности, что позволяет проследить траекторию эволюции патриотического сознания.

В ходе анализа сведений было установлено наличие существенного разрыва между официальной «героической» моделью патриотизма и реальными запросами молодежи. Игнорирование повседневных проблем в патриотическом воспитании породило конфликт между государственными установками и потребностью молодых людей в социально значимой, созидательной деятельности, который требует разрешения.

Деятельность организации «Молодая Гвардия» в Донецкой Народной Республике представляет собой яркий пример преодоления указанного разрыва и становления новых форм патриотической субъектности. Патриотизм здесь перестает быть абстрактной категорией или формальным требованием, превращаясь в ежедневный осознанный выбор и практическую деятельность, сопряженную с реальными вызовами.

Активисты не просто декларируют любовь к Родине, но и выступают хранителями исторической памяти в ее живом, а не музейном измерении. Примером тому служит регулярная работа по уходу за ветеранами Великой Отечественной войны, которую ведут молодогвардейцы Мариуполя. Посещение Юрия Евгеньевича Крицкого и Валентины Семеновны Устиновы, вручение подарков и, что наиболее важно, живое общение, в ходе которого ветераны

делятся воспоминаниями о военных годах и боевых товарищах, является не разовой акцией, а регулярной формой обеспечения межпоколенческой связи [2].

Деятельность молодогвардейцев по сохранению памяти о погибших, заботе о ветеранах, противодействию попыткам переписать историю обретает особое, экзистенциальное значение. Это не просто воспитательная работа, а активное участие в защите суверенитета на том уровне, который доступен молодежи – уровне сохранения исторической правды, культурной памяти и единства различных возрастных групп.

Включение молодежи в социально значимую деятельность, организация живого общения с ветеранами и героями, использование потенциала сетевых структур для координации действий – все это составляет основу современной, адаптированной к реалиям системы патриотического воспитания. Данные формы работы способствуют формированию у молодых людей не абстрактного, а лично пережитого и выстраданного патриотического чувства, которое отличается особой глубиной и устойчивостью.

Так, в четвертую годовщину трагедии, связанной с ударом ракетой «Точка-У» по Донецку, молодогвардейцы ДНР вышли к месту гибели мирных жителей, чтобы почтить их память. Возложение цветов к баннеру с надписью «Не забудем, не простим», становится демонстрацией факта, когда молодое поколение берет на себя функцию сохранения правды о современных преступлениях против мирного населения [3]. Указанная форма патриотизма выходит за рамки исторической ретроспективы, включая в себя защиту исторической справедливости по отношению к событиям, современником и непосредственным участником которых является сама молодежь, что придает их действиям особую экзистенциальную значимость.

Как справедливо отмечает в своих работах Т.М. Резер, в условиях современных вызовов, включая ведение «ментальных войн», принципиально важным становится развитие у подрастающего поколения базовых ценностей отношения к себе, семье и Родине в тесной взаимосвязи с пониманием культурных и духовно-нравственных норм социального поведения гражданина [4].

Новые формы патриотической активности неразрывно связаны с развитием таких качеств, как гражданская ответственность, солидарность и готовность к взаимопомощи. Волонтерская работа с ветеранами, участие в траурных церемониях, диалоги с семьями погибших героев формируют у молодежи неравнодушное отношение к чужой боли и сопричастность к судьбе своей страны. Это качественно иной уровень патриотического сознания, который должен лежать в основе консолидации многонационального российского общества. В условиях многонационального Юга России, где особую значимость приобретает уважение к культурам других народов и формирование толерантного мировоззрения, патриотизм, основанный на деятельной заботе и солидарности, выступает эффективным инструментом противодействия националистическим и экстремистским установкам.

Еще одной значимой формой проявления нового патриотического активизма становится деятельность, направленная на увековечивание памяти защитников Отечества уже в ходе современного этапа борьбы за суверенитет страны. Молодогвардейцы ДНР почтили память командира батальона «Спарта» Владимира Жоги, Героя России, погибшего при исполнении воинского долга [5]. Церемония возложения цветов к мемориальному комплексу на месте его гибели, проведенная совместно с отцом героя Артемом Жогой, и последующий открытый диалог с ним формируют уникальную воспитательную среду. В рамках этой среды образ современного героя, человека, отдавшего жизнь за Родину, становится не абстрактным символом из учебника, а личностно значимым ориентиром, воспринимаемым через живое общение с близкими людьми.

Волонтерская деятельность по оказанию помощи ветеранам, участие в акциях памяти жертв современной агрессии, формирование культа современных героев – все это становится ответом на запрос молодежи, выявленный в ходе социологических исследований, на патриотизм, интегрированный в повседневную жизнь с ее проблемами и возможностями. В этой связи обоснованным представляется вывод о том, что патриотизм перестает восприниматься исключительно как чувство гордости или знание истории, трансформируясь в систему практических действий, направленных на благо ближнего, малой родины и страны в целом.

Современное молодое поколение ДНР, вовлеченное в деятельность «Молодой Гвардии», демонстрирует тот самый комплекс качеств, который характеризует истинного патриота: духовную богатство, идейную убежденность, преданную любовь к Родине, готовность отстаивать ценности российского общества. Патриотическое воспитание однозначно может быть отнесено к одной из наиболее сложных, но при этом особо значимых сфер воспитания.

В День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве молодогвардейцы ДНР совместно с бойцами интернациональной бригады «Пятнашка» возложили цветы к памятнику «Жертвам фашизма», продемонстрировав тем самым преемственность поколений и неразрывную связь между теми, кто сражался за свободу Родины в годы Великой Отечественной войны, и теми, кто сегодня отстаивает ее суверенитет [6].

Перед началом церемонии активистка прочитала письмо защитнику города-героя Сталинграда, что придало мероприятию эмоциональную глубину и значимость. Руководитель «Молодой Республики» и «Молодой Гвардии Единой России» Сергей Добровольский подчеркнул, что сбор у памятника «Жертвам фашизма» и возложение цветов направлены на то, чтобы отдать память миллионам погибших, сложивших головы при защите Родины. Данная форма патриотической активности включает в себя осмысленное воспроизведение исторической памяти через личное переживание и сопричастность, а также

устанавливает прямую связь между защитниками Отечества прошлого и настоящего.

Вовлечение молодежи в реконструктивные процессы пострадавших жилищ, содействие в поддержке участников-ветеранов, организацию ритуально-памятных мероприятий – это разновидности патриотической деятельности, позволяющие почувствовать свою значимость и сделать вклад в развитие.

Органичное соединение историко-мемориальной работы с деятельностью по оказанию непосредственной помощи населению, пострадавшему от вооруженной агрессии, составляет отличительную черту патриотического активизма молодого поколения ДНР.

После обстрела населенного пункта Дебальцево, осуществленного противником в ночь с 20 на 21 января, активисты «Молодой Гвардии» с самого утра приступили к ликвидации последствий удара, помогая жителям заделывать повреждения и восстанавливать тепловой контур жилых помещений, разбирать завалы, а также организовывать временное размещение граждан, лишившихся крова. Ситуация находилась на личном контроле Главы ДНР Дениса Пушилина, что свидетельствует о высокой степени доверия к работе молодежного объединения и признании его деятельности важным элементом системы обеспечения жизнедеятельности региона [7].

Подобные практики кардинально отличаются от тех формальных мероприятий, которые, нередко вызывают у молодежи ощущение принудительности и неверия в их результативность, поскольку в данном случае результат очевиден – восстановленное жилье, разобранные завалы, обеспеченные кровом и необходимой помощью люди.

Волонтерская деятельность, направленная на ликвидацию последствий обстрелов и помощь пострадавшему населению, становится для молодого поколения ДНР не эпизодической акцией, а системной повседневной работой, требующей высокой степени самоорганизации, профессиональных навыков и психологической устойчивости. Активисты выступают здесь не как объекты воспитания, на которых направлены те или иные педагогические воздействия, а как полноценные субъекты, самостоятельно принимающие решения и несущие ответственность за их реализацию в условиях, сопряженных с реальной опасностью для жизни и здоровья.

Такое положение дел принципиально меняет само понимание патриотического воспитания, превращая его из процесса передачи знаний и ценностей от старшего поколения младшему в процесс совместного деятельного служения, где границы между воспитателем и воспитуемым стираются, а патриотические установки формируются через личный опыт преодоления трудностей и участия в решении общезначимых задач.

Особую значимость патриотическое воспитание приобретает в свете принятых нормативно-правовых актов, определяющих принципы и условия формирования нравственно-правовых ценностей, роль образовательных и военно-учебных организаций в деле воспитания патриотизма и гражданственности, а также формирование у обучающихся стремления к

волонтерству, изучению историко-культурных традиций своего народа и народов, населяющих Российскую Федерацию.

Рассматривая роль образовательных организаций в формировании активной гражданской позиции, следует подчеркнуть значимость практического опыта, реализуемого в Донецком филиале Волгоградской академии МВД России. Это подтверждается несколькими направлениями деятельности. Одним из основных является систематическое почтение памяти героев Великой Отечественной войны и участников специальной военной операции, погибших выполняя свой долг перед Родиной, путем проведения памятных церемоний, организации культурно-массовых мероприятий, в частности концертных программ, приуроченных к знаковым датам. Активно реализуется среди курсантов благотворительная инициатива, выражающаяся в уходе за мемориальными объектами, гуманитарной помощи военным, находящимся в зоне боевых действий. Социальная составляющая деятельности в образовательном учреждении выражена во взаимодействии с ветеранами ВОВ и Специальной военной операции, ведь общение с ними и помощь позволяет курсантам не только осознать важность выполняемых ими действий, но и сформировать у молодого поколения представление о подвиге советского народа, воспитать уважение к героическому прошлому страны. Научно-исследовательский аспект рассматриваемой направленности демонстрируется деятельностью научного кружка на кафедре социально-гуманитарных наук под названием «Вехи истории». Он консолидирует курсантов, предоставляя им возможность проводить различного рода исследования в исторической плоскости, а затем публиковать результаты на научно-практических конференциях и вести обсуждения в научных кругах. Донецкий филиал выступает своего рода площадкой, содействующей патриотическому воспитанию молодежи, формированию жизненных ценностей и приоритетов, освещает значимость и тяжесть усилий, совершаемых войсками в ходе СВО, а главное напоминает о том, какой ценой Советскому Союзу далась Победа в Великой Отечественной войне.

Таким образом, можно утверждать, что в современных условиях молодежное воспитание проходит этап преобразования. Происходит дистанцированность от четко намеченных государством форм проявления патриотизма, которые сопряжены с героическими поступками, вовлеченностью в боевые сражения, вопреки запросов и интересов молодого поколения. Оно стремится адаптировать в современном обществе новые формы проявления патриотизма: активизм, волонтерство и защита исторического наследия.

Список источников и литературы:

1. Маздогова З.З. Современные тенденции в патриотическом воспитании молодежи / З.З. Маздогова // Образование и право. – 2022. – № 8. – С. 283-286.
2. Молодогвардейцы Мариуполя навестили ветеранов Великой Отечественной войны: [Электронный ресурс] // Молодая Гвардия Единой

России. – 06.02.2026. – URL: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28555-molodogvardeytsy-mariupolya-navestili-veteranov-velikoy-otechestvennoy-voyny-/> (дата обращения: 22.03.2026).

3. Молодогвардейцы ДНР в 4-ю годовщину трагедии почтили память погибших от удара «Точкой-У» по Донецку: [Электронный ресурс] // Молодая Гвардия Единой России. – 14.03.2026. – URL: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28723-molodogvardeytsy-dnr-v-4-yu-godovshchinu-tragedii-pochtili-pamyat-pogibshikh-ot-udara-tochkoj-u-po-d/> (дата обращения: 22.03.2026).

4. Резер Т.М. Патриотическое воспитание молодежи в условиях современных вызовов / Т.М. Резер // Педагогический журнал Башкортостана. – 2023. – № 3 (101). – С. 45-56.

5. В ДНР молодогвардейцы почтили память командира батальона «Спарта» Владимира Жоги: [Электронный ресурс] // Молодая Гвардия Единой России. – 05.02.2026. – URL: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28674-v-dnr-molodogvardeytsy-pochtili-pamyat-komandira-batalona-sparta-vladimira-zhogi/> (дата обращения: 23.03.2026).

6. В День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве в ДНР молодогвардейцы совместно с бойцами интернациональной бригады «Пятнашка» возложили цветы к памятнику «Жертвам фашизма»: [Электронный ресурс] // Молодая Гвардия Единой России. – 01.02.2026. – URL: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28539-v-den-razgroma-sovetskimi-voyskami-nemetsko-fashistskikh-voysk-v-stalingradskoy-bitve-v-dnr-molodogv/> (дата обращения: 24.03.2026).

7. «Молодая Гвардия Единой России» ДНР ликвидирует последствия обстрела в Дебальцево: [Электронный ресурс] // Молодая Гвардия Единой России. – 21.01.2026. – URL: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28469-molodaya-gvardiya-edinoy-rossii-dnr-likvidiruet-posledstviya-obstrelya-v-debaltsevo/> (дата обращения: 24.03.2026).

REFERENCES

1. Mazdogova Z.Z. (2022) [Mazdogova, Z.Z. Modern trends in patriotic education of youth] *Obrazovanie I Pravo = Education and Law*. 8. 283-286. (In Russian).

2. Young Guard of United Russia (2026) *Young Guards members in Mariupol visited veterans of the Great Patriotic War*. Retrieved from: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28555-molodogvardeytsy-mariupolya-navestili-veteranov-velikoy-otechestvennoy-voyny-/> (date of application: 22.03.2026). (In Russian).

3. Young Guard of United Russia (2026) *The Young Guards of the DPR commemorated the victims of the “Tochka-U” strike on Donetsk on the fourth*

anniversary of the tragedy. Retrieved from: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28723-molodogvardeytsy-dnr-v-4-yu-godovshchinu-tragedii-pochtili-pamyat-pogibshikh-ot-udara-tochkoy-u-po-d/> (date of application: 22.03.2026). (In Russian).

4. Rezer T.M. (2023) [Rezer, T.M. Patriotic Education of Youth in the Context of Modern Challenges] *Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 3 (101), 45-56. (In Russian).

5. Young Guard of United Russia (2026) *In the DPR, members of the Young Guard honored the memory of Vladimir Zhoga, commander of the Sparta battalion*. Retrieved from: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28674-v-dnr-molodogvardeytsy-pochtili-pamyat-komandira-batalona-sparta-vladimira-zhogi/> (date of application: 22.03.2026). (In Russian).

6. Young Guard of United Russia (2026) *On the Day marking the defeat of the Nazi German forces by Soviet troops in the Battle of Stalingrad, in the DPR, members of the Young Guard, together with fighters from the international brigade "Pyatnashka," laid flowers at the monument to the "Victims of Fascism"*. Retrieved from: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28539-v-den-razgroma-sovetskimi-voyskami-nemetsko-fashistskikh-voysk-v-stalingradskoy-bitve-v-dnr-molodogv/> (date of application: 24.03.2026). (In Russian).

7. Young Guard of United Russia (2026) *"Young Guard of United Russia" in the DPR is eliminating the consequences of the shelling in Debaltsevo*. Retrieved from: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/28469-molodaya-gvardiya-edinoy-rossii-dnr-likvidiruet-posledstviya-obstrelya-v-debaltsevo/> (date of application: 24.03.2026). (In Russian).

Данные авторов статьи

Василиади Александр Христофорович ORCID 0009-0009-9259-7150	Vasiliadi Alexandr Khristoforovich
Киор Анастасия Александровна	Kior Anastasia Alexandrovna

УДК: 316.647.5

DOI: 10.5281/zenodo.23023513

EDN: UHCLOB

Ю.А. Скворцов

старший преподаватель кафедры политологии

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: yu.skvortsov@donnu.ru

А.В. Лисовой

магистрант

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: artem2005lisovoi@mail.ru

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ**

Аннотация

Статья посвящена исследованию коллективного образа русского человека в контексте современных политических вызовов и ценностного противостояния. Автор рассматривает содержательные основания «русскости», её отличие от этнической принадлежности и гражданства, а также роль духовных, семейных, трудовых и национальных ценностей в конструировании образа русского человека. Обосновывается, что «русскость» – это не этническая принадлежность, а культурно-исторический выбор, состояние души, открытое для всех тех, кто разделяет ценности русской цивилизации.

Ключевые слова: *коллективный образ, русскость, русский человек, духовные ценности, русская душа.*

Summary

The article is devoted to the study of the collective image of the Russian person in the context of modern political challenges and value confrontation. The author examines the substantive foundations of "Russianness", its difference from ethnic belonging and citizenship, as well as the role of spiritual, family, labour and national values in constructing the image of the Russian person. It is substantiated that Russianness is not an ethnic affiliation, but a cultural and historical choice, a state of mind open to all who share the values of Russian civilisation.

Keywords: *collective image, Russianness, Russian person, spiritual values, Russian soul.*

Актуальность данной темы обусловлена современными политическими реалиями, что заставляет нас по-новому ставить вопрос о том, в чем же заключается феномен русского человека. Особую значимость данной теме также придает и развернувшаяся в западном обществе «культура отмены», начиная с 2022 года, суть которой состоит в дискредитации и отмене всего того, что так или иначе связано с русской культурой, историей и самосознанием. Особенно наглядно данный процесс проявляется в публичном пространстве стран Евросоюза, США, Великобритании, Украине и Польше, где последовательно демонтируются и уничтожаются памятники русским писателям, деятелям, полководцам, переписываются учебники истории. Однако, на наш взгляд, такие тенденции напротив не ослабляют, а усиливают феномен «русскости» перед лицом новых угроз и опасностей. В самом российском обществе возникает запрос на формирование некоего единого культурного кода, на поиск тех смыслов, которые остаются устойчивыми вопреки внешнему давлению, а также дают полное обоснование того, кто такой русский человек, и кто может считать себя русским.

Исследование данного вопроса можно проследить в трудах отечественных ученых и философов. Не претендуя на исчерпывающий анализ данного вопроса, необходимо отметить то, что истоки данной темы лежат в полемике славянофилов и западников: А.С. Хомяков в своей статье «О старом и новом» [1] ввёл понятие «соборности», а П.Я. Чаадаев в своих «Философских письмах» [2] бросил вызов русской самобытности, тем самым задав ось «Восток-Запад». В.С. Соловьёв в своей работе «Русская идея» [3] размышляет о том, каким должен стать русский народ в своем историческом служении. Особый вклад в данную проблематику был внесен и евразийцами, такими как Н.С. Трубецкой [4], П.Н. Савицкий [5], которые в своих трудах сосредоточились на том, что русский человек формируется пространством – «месторазвитием», а его культура является синтезом нескольких этнических традиций. Необходимо также отметить и одноименный труд Н.А. Бердяева «Русская идея» [6], которая стала одной из первых попыток осмыслить то, в чём проявляется уникальность русского народа. В советский же период миф о «русской уникальности» был во многом вытеснен идеологическим конструктом «нового советского человека» – интернационалиста и коллективиста. В постсоветский период изучение данной тематики сместилось с конкретных идеологических конструктов в сторону анализа реальных кризисов, ценностных расколов и поиска новых смыслов, что во многом нашло отражение в работах В.А. Тишкова [7], совместной статье А.М. Муминовой, А.С. Титова, А.А. Батхиной, Д.С. Григорьева [8], а также Л.М. Дробижевой [9].

Научная новизна данного исследования заключается в формировании целостного образа русского человека, который может быть представлен как инструмент для ценностного конструирования идентичности в идеологических, политических и образовательных сферах.

Цель статьи – выявить особенности коллективного образа русского человека в контексте современных политических вызовов.

Коллективный образ русского человека – это обобщенное и многомерное представление о носителе русской культуры и государственности, который говорит на русском языке как на языке межнационального общения и культурного кода, воспринимающий сильное государство как гаранта справедливости и целостности.

Прежде чем перейти к сущности данного вопроса, следует отметить, что в последние годы образ русского человека, сама «русскость» как феномен, оказываются под комплексным внешним давлением, в связи с чем представляется целесообразным определить, какие ценностные основания лежат в основе современного русского человека. К числу таких ценностей, в первую очередь, относятся духовные: патриотизм, общая историческая память, приоритет духовного над материальным. Так, в 2020 году Президент России В.В. Путин заявил о том, что главная национальная идея России состоит в патриотизме, связывая его с продвижением и развитием страны, а общая историческая память является особенностью национального характера русского человека. Особое внимание следует уделить духовной сфере, которая лежит в основе политической стабильности государства и сегодня подвергается систематическим информационным атакам, нацеленным на вытеснение традиционных ценностей чуждыми конструктами через различные каналы коммуникации [10].

В этом же ряду находятся и семейные ценности: взаимоуважение, почитание родителей, верность и преданность, семейные традиции и семейный досуг. Государство не остаётся в стороне: поддержка семей осуществляется через материнский капитал, льготные программы и иные меры, направленные на популяризацию семейного образа жизни. Ярким подтверждением этого курса служит Указ Президента России В.В. Путина, объявивший 2024 год Годом семьи [11].

Не менее важными являются и трудовые ценности: трудолюбие, общественная значимость труда, созидательный труд, самореализация. Однако здесь наблюдается любопытная двойственность. Традиционное уважение к труду и его общественной пользе сохраняется, но на фоне меняющегося рынка и цифровизации набирает силу личная мотивация. Карьерный рост, самореализация, поиск смысла в том, что приносит успех, могут приводить к внутреннему конфликту: человек одобряет созидательный, общественно полезный труд, но при реальном выборе ориентируется на собственную выгоду. Однако, как представляется, эти две тенденции вовсе не исключают друг друга. Напротив, они сосуществуют, формируя сложную и многомерную картину трудовых ориентаций современного россиянина [12].

Отдельного внимания заслуживают и национальные ценности, которые связывают человека не только с другими людьми, но и с самой страной. Безусловно, главное место среди них занимает единство народов России, тесно связанное с общей исторической судьбой. Говоря о последней, необходимо отметить, что она не сводится к этнической принадлежности: её может ощущать

и разделять любой человек, который морально находится с Россией, сопереживает её судьбе и идентифицирует себя с русским народом [13].

Формирование коллективного образа современного русского человека сопряжено с рядом трудностей и вызовов. Как неоднократно отмечали отечественные исследователи, для русского человека характерна склонность к коллективизму, обусловленная историческим опытом и географическими особенностями [13]. Тем не менее, данная тенденция сегодня претерпевает изменения: молодое поколение, в отличие от старшего, всё чаще ориентируется на индивидуализм и самовыражение, хотя советские установки по-прежнему сохраняются. Показательным по данному вопросу является мнение эксперта департамента политических исследований аналитического центра М.В. Григорьевой, которая заявляет, что такое представление не означает полного отторжения коллективизма, а скорее представляет собой гибридный режим, то есть сочетания индивидуализма и коллективизма, что, по её словам, и является характерной чертой современного русского человека [14]. В подтверждение этого тезиса можно привести данные ВЦИОМ, свидетельствующие о том, что большинство россиян продолжают противопоставлять себя Западу, одновременно сохраняя ряд установок советского прошлого [15].

Ещё одна значимая трудность, возникающая сегодня при формировании коллективного образа русского человека, связана с исторической изменчивостью этого образа: каждая эпоха накладывала свои отпечатки на ментальные и моральные установки, каждый раз заставляя переосмысливать его заново. Так, петровские реформы изменили многие традиционные устои, и в самосознании на определённое время закрепились черты европеизации и рационализма. В XIX веке, на фоне роста национальных процессов в Российской империи, утвердилось понимание «особого пути» России с руководящей ролью православия и самобытности культуры. XX век принёс советскую эпоху со своим типом человека – коллективистским и патерналистским по своим установкам. То, какие события остаются в коллективной памяти, а какие уходят из неё, напрямую влияет на образ, смещая акценты от эпохи к эпохе.

Однако главный вопрос, на наш взгляд, заключается в другом: что представляет собой русский человек сегодня и кто может считать себя русским? Принципиально важным здесь представляется различие между понятиями «россиянин» и «русский». В этой связи уместно вспомнить слова композитора XX века Г.В. Свиридова: «Я русский человек! Что ещё можно сказать? Я не россиянин. Потому что россиянином может быть и папуас. И прекрасно он может жить в России. На здоровье, пусть живёт. Но русский человек – это русский человек». Что же тогда такое «русскость» и в чём заключается её феномен? Ответ на этот вопрос, который уже не первое десятилетие пытаются дать исследователи и писатели, составляет, пожалуй, третью проблему в определении данного феномена [16, с. 731].

Как отмечает в своей статье Ю.В. Кот, «русскость» представляет собой набор характерных черт и особенностей, которые проявляются различным образом в тех или иных условиях. При этом он акцентирует внимание на том,

что она не сводится к простому набору внешних признаков, а является системой ценностных установок, лежащих в основе русской культуры и русской идентичности [16].

Одно из наиболее значимых определений этого понятия было дано на XVII Всемирном народном Соборе в 2013 году, где было провозглашено: слово «русский» давно обозначает не столько этничность, сколько культурную, цивилизационную и духовную принадлежность [16, с. 731]. Патриарх Кирилл в своём выступлении на Соборе назвал русскую цивилизацию «симфонией этносов», подчеркнув, что её уникальность складывается из единства разных народов. При этом он особо отметил, что именно русская культура играет главную роль в укреплении российской государственности.

В развитие этой мысли А.А. Корольков предлагает собственное определение «русскости». Для него это не этническая характеристика: русский по крови может не быть носителем «русскости», а человек иного происхождения – стать её высшим воплощением, как это произошло с А.С. Пушкиным. «Русскость», пишет исследователь, – это состояние души, наполненность её любовью к Родине и её культуре. Ключевая роль здесь состоит в традиционной духовности и православном христианстве. Без церковной опоры, без Евангелия и молитвы эта духовность иссыхает, а вместе с ней исчезает и сама «русскость». Здесь, по сути, воспроизводится славянофильский тезис о том, что русское и православное – одно и то же, что православие идеально отвечает внутреннему складу русской души. И это убеждение со временем переросло узкие рамки славянофильства [17].

Показательным в данном ключе является понимание Ф.М. Достоевского, который вложил в феномен «русскости» и русского человека, пожалуй, самый глубокий смысл. С одной стороны, в нём есть «всемирная отзывчивость», способность понимать и чувствовать любую культуру. С другой – невероятная широта натуры, которая тащит его в обе стороны: то к святости, то к пороку, то к полному самоотречению, то к дикому эгоизму. О подобной способности русского народа говорит и Н.А. Бердяев, отмечая, что русский народ обладает уникальной особенностью проникать в чужие культуры, понимать их и вовлекать иные народы в орбиту своей. Он также обращает внимание на то, что русскому человеку свойственно проникаться чужими переживаниями, сострадать, уметь поставить себя на место другого. И это не просто одна из характеристик, а особый духовный потенциал русской души [18].

Развивая эту мысль, стоит обратиться к характеристике европейцев, данной Н.Я. Данилевским. Он отмечает в их характере наблюдается ярко выраженное чувство личности, эгоизм, практицизм и холодный расчёт. Именно эти качества, по его мнению, определили политику европейских держав, воплотившуюся в колониальной экспансии, угнетении других народов и стремлении к неограниченной свободе. Примечательно, что подобные черты не были преходящими. Они проявлялись на протяжении столетий и продолжают давать о себе знать сегодня. Во многом именно они помогают понять природу

русофобии, которая в условиях информационного противостояния вновь становится особенно заметна [19].

На наш взгляд, «русскость» – это в первую очередь не этническая принадлежность, а сознательный культурно-исторический выбор и чувство сопричастности. Суть «русскости» раскрывается именно в способности соединять несовместимое: этническое и культурно-цивилизационное, коллективное и личное, духовное и бунтарское. И это не слабость, а, наоборот, её главная сила. Именно в этом состоянии, в постоянном балансировании между крайностями рождается истина, которая открывается всякому, кто соприкасается с русской культурой.

Русский человек – это тот, кто живёт исторической памятью о прошлых жертвах и победах, кто открыт другим культурам, но в рамках единого цивилизационного пространства, и кто способен творить вопреки внешнему давлению. Сегодня, как никогда, важна консолидация не на экономических интересах, а на общих ценностях и смыслах – это то, что позволяет стране сохранять суверенитет и не прерывать историческую связь времён [19].

Ключевой вопрос, который во многом определяет коллективный образ русского человека, можно сформулировать так: может ли считать себя русским украинец, осетин, приднестровец, никогда не бывавший в России и не имеющий её гражданства, но всегда поддерживавший её политически, морально и духовно? На наш взгляд, ответ – да, и для этого есть веские основания. Как ранее отмечал А.А. Корольков, русский по происхождению может вовсе не быть носителем «русскости», тогда как человек иного происхождения способен стать её воплощением и самоидентифицировать себя таким образом [17]. Ту же мысль высказывает и митрополит Климент. Он обращает внимание на то, что формально причислять себя к русским может каждый, но по-настоящему нести в себе дух русской культуры могут лишь те, кто сформировался в её среде и был ею воспитан. Для него «русскость» – это не этнический ярлык, а вопрос культурной и психологической идентичности [19, 20].

Русский человек в современном представлении – это человек широкой души, которая проявляется в особых «русских диалогах». И душа эта раскрывается в особых разговорах, где ценна не информация, а поиск правды – в тех самых задушевных беседах и спорах о главном. Именно эта глубина питала русскую литературу и искусство, всегда обращённые к экзистенциальным вопросам и формирующие особый склад русского человека. И это не противоречит тому, что русский человек – это тот, кто считает Россию своим Отечеством, разделяет её ценности и готов защищать её интересы. В этой концепции он ориентирован не на потребительские ценности, а на служение высшему смыслу. Он – государственный, понимающий необходимость сильной централизованной власти, не пассивный наблюдатель, а человек, который осознаёт, что при огромной территории и постоянных внешних угрозах сильное государство является не прихотью, а необходимостью выживания. И в этом нет рабской покорности – это осознанная жертвенность ради общего блага и будущих поколений [16, 18].

Русский человек существует вне географических и административных границ – это носитель духовного и культурного кода, системы ценностей, которая сохраняется и передаётся даже за пределами России. Человек, проживающий в другой стране, имеющий иное гражданство, но мыслящий категориями русской культуры, остаётся человеком, для которого стремление к справедливости, поиск высшего смысла, внутренняя свобода и ответственность за ближних остаются фундаментальными ориентирами. При этом он вовсе не обязан разделять позицию официальной власти – напротив, его отношение может быть критичным или вовсе с ней не совпадать, однако в этом нет противоречия: русская интеллектуальная традиция всегда включала дискурс несогласия во имя истины, а не разрушения. Такой человек не поддаётся провокациям: он отличает интересы Родины как цивилизационного проекта от сиюминутных политических интриг. Причём его связь с Россией – не ностальгия по прошлому, а живое чувство причастности к русскому слову, истории, этике взаимопомощи и той особой духовной щедрости, которая не зависит от места проживания. Именно этот идеальный тип становится важнейшим ресурсом России в глобальном мире – как «амбассадор» русской культуры, способный доносить её смыслы без оглядки [20].

Его сила заключается в независимости суждений, в верности не политическим силам, а экзистенциальным основам русской идентичности: состраданию, воле к правде, способности к диалогу даже с оппонентами. И не гражданство определяет русского человека, а способность сохранять и нести свой культурный код, в котором человек стоит выше идеологии, где бы он ни находился.

Такое понимание «русскости» сегодня крайне важно, потому что оно отвечает на главный вызов времени. Пока западный проект предлагает модель «общества потребления», где человек становится частью экономической системы, русский человек несёт альтернативу – идею жизни как служения, солидарности и верности своим корням.

Данный образ объединяет не только этнических русских, но и всех, кто чувствует связь с русской культурой, языком и историей. Такой подход позволяет консолидировать не только народы самой России, но и жителей Южной Осетии, Приднестровья, Абхазии. Эти люди, не будучи русскими по крови, несут в себе русскую культуру, говорят на русском языке и, что ещё важнее, разделяют общую историческую судьбу и геополитический выбор. Они – часть русской цивилизации, которая всегда была многонациональной по своему составу. Их лояльность России не раз доказывалась – и на референдумах, и в реальной борьбе за право оставаться в русском мире. За этими регионами не просто политическая симпатия, а общая история, общие победы и общая готовность защищать свой выбор [20].

Именно такой образ позволяет выстраивать государство не на формальных договорённостях, а на общих смыслах, что делает его устойчивым перед внешними попытками разобщить. Для России, с её масштабами, климатом и

сложной историей, коллективные формы существования являются не данью традиции, а условием выживания.

Неудивительно, что именно этот образ вызывает на Западе столь жёсткую реакцию. Те качества, которые составляют суть «русскости», стали мишенью для целенаправленной дискредитации. Однако особенно показательно, что волна русофобии находит отклик и у некоторых россиян. Так, например, психолог М.Н. Меркулова отмечает, что стыд в таких случаях возникает как реакция на тревогу и беспомощность – это попытка снять напряжение, когда окружающие, с которыми человек себя идентифицирует, подвергаются массированным обвинениям. При этом под удар попадают те, чьё самосознание не имеет прочной опоры и кто склонен объединять себя не с семьёй и друзьями, а с политической конъюнктурой. Именно на этом играют западные медиа, публикуя материалы в духе «мы провалились как нация», что является откровенной манипуляцией, рассчитанной на то, чтобы лишить человека внутренней опоры и сделать его управляемым. В социальных сетях это давление вылилось в кампании с хештегами «мне стыдно, что я русский» – показательный пример того, как работает информационная атака извне [21].

Продолжая эту линию, важно подчеркнуть: русский человек определяется не местом проживания, а состоянием души. И те, кто этот выбор сделал, даже находясь за тысячи километров от России, продолжают участвовать в создании её коллективного образа. Они – носители сознания, устремлённого к служению и высшим смыслам. Россия для них является не просто страной, а цивилизацией с особой исторической миссией. Такой подход снимает вопрос об этничности: русским может стать каждый, кто разделяет ценности этой цивилизации. В условиях, когда границы идентичности пытаются сузить до формальных рамок, такое понимание приобретает особое звучание, которое доказывает, что «русскость» не теряется с расстоянием, а сохраняется в глубине выбора [19].

Перспективы дальнейшего исследования видятся в выявлении того, как ценности, закреплённые в коллективном образе русского человека, могут использоваться в качестве инструмента геополитического противостояния в современном информационном пространстве.

Таким образом, проведённый анализ позволяет констатировать, что коллективный образ русского человека является сложным и многомерным конструктом, сочетающим в себе историческую преемственность и постоянную адаптацию к новым условиям. Результаты исследования показывают, что «русскость» не сводится к этническому происхождению или гражданству, а определяется системой ценностных установок, среди которых ключевое место занимают духовность, патриотизм, историческая память, семейные и национальные ценности. Такой образ объединяет в себе верность традиционным ценностям и устремлённость в будущее, личное достоинство, соборное начало, духовную стойкость и созидательную энергию. Именно такой человек, осознающий свою связь с Отечеством независимо от географических границ, видящий в России уникальную цивилизацию и готовый служить её развитию, становится основой для сохранения страны в условиях современных глобальных

вызовов. Укрепление этого идеала через образование, культуру и общественный диалог позволит сохранить национальную идентичность и обеспечить духовный и государственный суверенитет России, её способность предлагать миру путь, основанный на справедливости, солидарности и верности высшему смыслу.

Список источников и литературы:

1. Хомяков А.С. О старом и новом // Полное собрание сочинений. – М., 1900. – Т. 3. – С. 1-42.
2. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – С. 320-432.
3. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 1-42.
4. Трубецкой Н.С. Мы и другие // Евразийский временник. – Берлин: Издательство «Евразия», 1924. – Кн. 4. – С. 15-38.
5. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Евразийский временник. – Берлин: Издательство «Евразия», 1926. – Кн. 5. – С. 3-32.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – М.: АСТ, 2024. – 684 с.
7. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 4. – С. 408-412.
8. Муминова А.М., Титов А.С., Батхина А.А., Григорьев Д.С. Профили политической идентичности россиян: роль моральных оснований, оправдания системы и сопротивления изменениям // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 104-123.
9. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 37-50.
10. Галиев Р.Р. Формирование духовно-нравственных ценностей и патриотизма в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 5. – С. 141-144.
11. Барсукова С.А. Базовые общекультурные ценности россиян // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т.5. – № 1(17).
12. Юдина Н. В. Головкова С.А. Созидательный труд в системе ценностей российской молодежи (на материале социолингвистического опроса) // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16. – № 4. – С. 2745-2772.
13. Чэ Тунбо. Концепция национальных ценностей в современной России // Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – С. 104-107.
14. Аналитический центр ВЦИОМ. В РФ считают, что XX век сделал русский народ непохожим на европейцев // Российская газета. – 2025. – 12 ноября. – URL: <https://rg.ru/2025/11/12/ac-vciom-v-rf-schitaiut-cto-hh-vek-sdelal-russkij-narod-nepohozhim-na-evropejcev.html> (дата обращения: 02.07.2026).

15. ВЦИОМ. У советских собственное прошлое // Коммерсантъ. – 2025. 13 ноября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8195441> (дата обращения: 02.07.2026).
16. Кот Ю.В. Русскость: к определению понятия // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. – 2024. – № 4. – С. 730-736.
17. Корольков А.А. Органика культуры. – Бийск: Бия, 2011. – 331 с.
18. Буйло Б. И. Культурные традиции и истоки русского национального самосознания в воззрениях Н. Бердяева // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 3. – С. 47-57.
19. Борзова Е.П., Лебедев С.П. Русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа // Вестник РХГА. – 2021. – № 4-2. – С. 145-161.
20. Верещагин С.Г., Верещагина А.В. Русскость как категория национального менталитета русского народа // АНИ: экономика и управление. – 2021. – № 4(37). – С. 24-28.
21. Продуманная манипуляция. Зачем нам внушают, что русскими быть стыдно? // Аргументы и факты. – 2022. – 21 марта. – URL: https://aif.ru/health/psychologic/produmannaya_manipulyaciya_zachem_nam_vnushayut_chno_russkimi_byt_stydno (дата обращения: 04.07.2026).

REFERENCES

1. Khomyakov A.S. O starom i novom [On the Old and the New]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, 1900, vol. 3, pp. 1-42.
2. Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma [Philosophical Letters]. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2 t.* [Complete Works and Selected Letters: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1991, vol. 1, pp. 320-432.
3. Solov'ev V.S. Russkaya ideya [The Russian Idea]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1989, vol. 2, pp. 1-42.
4. Trubetskoy N.S. My i drugie [We and Others]. *Evraziiskii vremennik* [Eurasian Chronicle]. Berlin, Evraziya Publ., 1924, book 4, pp. 15-38.
5. Savitskii P.N. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziistva [Geographical and Geopolitical Foundations of Eurasianism]. *Evraziiskii vremennik* [Eurasian Chronicle]. Berlin, Evraziya Publ., 1926, book 5, pp. 3-32.
6. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka* [The Russian Idea. Main Problems of Russian Thought of the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, AST Publ., 2024. 684 p.
7. Tishkov V.A. Rossiiskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy [Russian Identity: Internal and External Challenges]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 89, no. 4, pp. 408-412.
8. Muminova A.M., Titov A.S., Batkhina A.A., Grigor'ev D.S. Profili politicheskoi identichnosti rossiyan: rol' moral'nykh osnovanii, opravdaniya sistemy i soprotivleniya izmeneniyam [Profiles of Political Identity of Russians: The Role of Moral Foundations, System Justification, and Resistance to Change]. *Sotsial'naya*

psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2022, vol. 13, no. 1, pp. 104-123.

9. Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya [Russian Identity: Search for Definition and Dynamics of Spread]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, no. 8, pp. 37-50.

10. Galiev R.R. Formirovanie dukhovno-nravstvennykh tsennostei i patriotizma v sovremennoi Rossii [Formation of Spiritual and Moral Values and Patriotism in Modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2022, no. 5, pp. 141-144.

11. Barsukova S.A. Bazovye obshchekul'turnye tsennosti rossiyan [Basic General Cultural Values of Russians]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»* [Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"], 2017, vol. 5, no. 1(17).

12. Yudina N.V., Golovkova S.A. Sozidatel'nyi trud v sisteme tsennostei rossiiskoi molodezhi (na materiale sotsiolingvisticheskogo oprosa) [Creative Labor in the Value System of Russian Youth (Based on a Sociolinguistic Survey)]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2026, vol. 16, no. 4, pp. 2745-2772.

13. Che Tunbo. Kontseptsiya natsional'nykh tsennostei v sovremennoi Rossii [The Concept of National Values in Modern Russia]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Social and Political Sciences], 2018, no. 5, pp. 104-107.

14. Analiticheskii tsentr VTsIOM. V RF schitayut, chto XX vek sdela russkii narod nepokhozhim na evropeitsev [VCIOM Analytical Center. In Russia, They Believe That the 20th Century Made the Russian People Unlike Europeans]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazette], 2025, November 12. Available at: <https://rg.ru/2025/11/12/ac-vciom-v-rf-schitaiut-cto-hh-vek-sdelal-russkij-narod-nepohozhim-na-evropejcev.html> (accessed 02.07.2026).

15. VTsIOM. U sovetskikh sobstvennoe proshloe [VCIOM. The Soviets Have Their Own Past]. *Kommersant* [Kommersant], 2025, November 13. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8195441> (accessed 02.07.2026).

16. Kot Yu.V. Russkost': k opredeleniyu ponyatiya [Russianness: Toward a Definition of the Concept]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 2024, no. 4, pp. 730-736.

17. Korol'kov A.A. *Organika kul'tury* [The Organics of Culture]. Biysk, Biya Publ., 2011. 331 p.

18. Builo B.I. Kul'turnye traditsii i istoki russkogo natsional'nogo samosoznaniya v vozzreniyakh N. Berdyaeva [Cultural Traditions and Origins of Russian National Self-Consciousness in N. Berdyaev's Views]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2014, no. 3, pp. 47-57.

19. Borzova E.P., Lebedev S.P. Russkii kharakter, pravoslavnyi kul'turnyi kod i mentalitet rossiiskogo naroda [Russian Character, Orthodox Cultural Code and Mentality of the Russian People]. *Vestnik RKhGA* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2021, no. 4-2, pp. 145-161.

20. Vereshchagin S.G., Vereshchagina A.V. Russkost' kak kategoriya natsional'nogo mentaliteta russkogo naroda [Russianness as a Category of the National Mentality of the Russian People]. *ANI: ekonomika i upravlenie* [ANI: Economics and Management], 2021, no. 4(37), pp. 24-28.

21. Produmannaya manipulyatsiya. Zachem nam vnushayut, chto russkimi byt' stydno? [A Deliberate Manipulation. Why Are We Being Told That Being Russian Is Shameful?]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 2022, March 21. Available at: https://aif.ru/health/psychologic/produmannaya_manipulyaciya_zachem_nam_vnushayut_chto_russkimi_byt_stydno (accessed 04.07.2026).

Данные авторов статьи

Скворцов Юрий Анатольевич ORCID 0009-0003-4533-9630	Skvortsov Yuri Anatolyevich
Лисовой Артем Викторович	Lisovoy Artem Viktorovich

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 3 (98) 2026 год

Ответственный за выпуск – к-т. ист. наук, Разумный В.В.

Компьютерная верстка:
Скворцов Ю.А.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22